

Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті
Казахский национальный педагогический университет имени Абая
Abai Kazakh National Pedagogical University

ХАБАРШЫ

«Юриспруденция» сериясы
Серия «Юриспруденция»
Series «Jurisprudence»
№ 3 (81), 2025

**Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті
Казахский национальный педагогический университет имени Абая
Abai Kazakh National Pedagogical University**

ХАБАРШЫ

**«Юриспруденция» сериясы
Серия «Юриспруденция»
Series «Jurisprudence»
№ 3 (81)**

Алматы, 2025

Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті

ХАБАРШЫ
«Юриспруденция» сериясы
№3(81), 2025

Бас редактор:
Б.А. ТАЙТОРИНА – з.ғ.д., профессор

Бас редактордың орынбасары:
Б.Х. Төлеубекова – з.ғ.д., проф.

Ғылыми редактор
Балгимбекова Г.У. – PhD, профессор,
Академик Е.А.Бөкетов атындағы
Қарағанды университеті;

Жауапты хатшы:
Н.Б. Қалкаева – з.ғ.к., қ.проф.
Техникалық хатшы:
Қ.Тұрлыханқызы – PhD

Редакциялық алқа мүшелері:
Бүрибаев Е.А. – з.ғ.д., профессор, I
Жансүгіров атындағы Жетісу
университеті (Қазақстан)
Сабиқенов С.Н. – з.ғ.д., ҚР ҰҒА академигі,
проф. (Қазақстан)
Цепелев В.Ф. – з.ғ.д., РФ ИМ академиясы
профессоры (Ресей)
Муратова Н.Г. – з.ғ.д., проф., Казан
мемлекеттік университеті, «Қылмыстық
іс жүргізу» кафедрасының меңгерушісі
(Ресей)
Мухамеджанов О.З. – з.ғ.д., проф.,
Ташкент Мемлекеттік Заң Университеті
(Өзбекстан)

Хлус А.М. – з.ғ.к., доцент, Беларусь
мемлекеттік университеті (Беларусь)
Самарин В.И. – з.ғ.к., доцент, Беларусь
мемлекеттік университеті (Беларусь)
Жатқанбаева А.Е. – з.ғ.д., профессор
(Қазақстан)
Хамзина Ж.А. – з.ғ.д., профессор
(Қазақстан)
Шелухин С.И. – PhD, Джон Джэй Нью-
Йорк университетінің профессоры (АҚШ)
Элван О.Д. – құқық докторы,
Джеррахнаша Стамбул университетінің
профессоры, (Түркия)

© Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, 2025

Қазақстан Республикасының мәдениет және ақпарат министрлігінде 2009 жылы мамырдың 8-де тіркелген № 10111 – Ж

Басуға 22.09.2025. қол қойылды.
Пішімі 60х84^{1/8}. Көлемі 14 е.б.т.
Тапсырыс 440.

050010, Алматы қаласы,
Достық даңғылы, 13.
Абай атындағы ҚазҰПУ

Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университетінің «Ұлағат» баспасы

МАЗМҰНЫ СОДЕРЖАНИЕ CONTENT

МЕМЛЕКЕТ ЖӘНЕ ҚҰҚЫҚТЫҢ ЖАЛПЫ ТЕОРИЯСЫ. МЕМЛЕКЕТ ЖӘНЕ ҚҰҚЫҚ ТАРИХЫ ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА. ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА GENERAL THEORY OF STATE AND LAW. HISTORY OF STATE AND LAW

Балгимбекова Г.У., Стародубцев Г.С. Организационная культура в странах постсоветского пространства: институционально-правовые особенности и направления трансформации..... 5

Балгимбекова Г.У., Стародубцев Г.С. Посткеңестік елдердегі ұйымдық мәдениет: институционалдық-құқықтық ерекшеліктері мен трансформациялық бағыттар

Balgimbekova G.U., Starodubtsev G. S. Organizational culture in the post-soviet countries: institutional and legal features and directions of transformation

Жанұзакова Л.Т., Бейсенбаева М.Т. Өкілетті заңнама билік тармақтарының өзара әрекеттесу нысаны ретінде: құқықтық реттеудің қазіргі үрдістері мен сын-қатерлері..... 15

Жанұзакова Л.Т., Бейсенбаева М.Т. Делегированное законодательство как форма взаимодействия ветвей власти: современные тенденции и вызовы правового регулирования

Zhanuzakova L.T., Beissenbayeva M.T. Delegated legislation as a form of interaction between the branches of government: current trends and challenges of legal regulation

КОНСТИТУЦИОНАЛДЫҚ ҚҰҚЫҚ. ӘКІМШІЛІК ҚҰҚЫҚ ЖӘНЕ ПРОЦЕСС КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС CONSTITUTIONAL LAW. ADMINISTRATIVE LAW AND PROCESS

Adam Ye. Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan: issues in the implementation of its competence and prospects for development..... 26

Адам Е. Қазақстан Республикасының Конституциялық Соты: құзыреттілігін жүзеге асыру мәселелері және даму перспективалары
Адам Е. Конституционный Суд Республики Казахстан: проблемы реализации компетенции и перспективы развития

Богатырева Л.Б. Международные стандарты права на здоровье: универсальные и региональные механизмы реализации..... 34

Богатырева Л.Б. Денсаулыққа құқықтың халықаралық стандарттары: іске асырудың жалпыға бірдей және аймақтық тетіктері

Bogatyreva L.B. International standards for health: universal and regional mechanisms for implementation

Мурат С. Современные подходы к оценке эффективности государственного управления: правовой анализ..... 42

Мурат С. Мемлекеттік басқарудың тиімділігін бағалаудың заманауи тәсілдері: құқықтық талдау

Murat S. Modern approaches to assessing the effectiveness of public administration: legal analysis

Рахимбаев Д.К. Конституционные реформы и их роль в модернизации государственного управления Республики Казахстан..... 51

Казахский национальный
педагогический университет
имени Абая

ВЕСТНИК
Серия «Юриспруденция»
№3(81), 2025

Главный редактор:
ТАЙТОРИНА Б.А.
д.ю.н., профессор

Зам. главного редактора:
Толеубекова Б.Х. – д.ю.н., проф.

Научный редактор
Балгимбекова Г.У. – PhD, профессор,
Карагандинский университет имени
академика Е.А. Букетова;

Ответ. секретарь:
Калкаева Н.Б. – к.ю.н., асс. проф.

Тех.секретарь:
Тұрлыханқызы Қ. – PhD

Члены редколлегии:
Бурибаев Е.А. – д.ю.н., профессор, ректор
Жетысуского университета имени
И.Жансугурова (Казахстан)
Сабикенов С.Н. – д.ю.н., профессор,
академик НАН РК (Казахстан)
Цепелев В.Ф. – д.ю.н., профессор
Академии МВД (Россия)
Муратова Н.Г. – д.ю.н., профессор
Казанского государственного
университета (Россия)
Мухамеджанов О.З. – д.ю.н., профессор,
Ташкентский государственный
юридический университет (Узбекистан)
Хлус А.М. – к.ю.н., доцент, Белорусский
государственный университет (Беларусь)
Самарин В.И. – к.ю.н., доцент,
Белорусский государственный
университет (Беларусь)
Жатканбаева А.Е. – д.ю.н., профессор
(Казахстан)
Хамзина Ж.А. – д.ю.н., профессор
(Казахстан)
Шелухин С.И. – PhD, профессор Нью-
Йоркского университета Джона Джексона
(США)
Элван О.Д. – доктор права, профессор,
Стамбульский университет Джеррахпаши
(Турция)

© Казахский национальный
педагогический университет
им. Абая, 2025

Зарегистрировано в Министерстве
культуры и информации
Республики Казахстан
8 мая 2009 г. № 10111 – Ж

Подписано в печать 22.09.2025.
Формат 60х84 1/8. Объем 14. уч.-изд.л.
Заказ 440.

050010, г. Алматы, пр. Достык, 13.
КазНПУ им. Абая
Издательство «Ұлағат»

Казахского национального педагогического
университета имени Абая

Рахимбаев Д.К. Конституциялық реформалар және олардың
Қазақстан Республикасының мемлекеттік басқаруын жаңғыртудағы
рөлі

Rakhimbayev D.K. Constitutional reforms and their role in the
modernization of public administration in the Republic of Kazakhstan

АЗАМАТТЫҚ ҚҰҚЫҚ ЖӘНЕ ПРОЦЕСС.
ЕҢБЕК ҚҰҚЫҒЫ. БІЛІМ БЕРУ ҚҰҚЫҒЫ
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС. ТРУДОВОЕ ПРАВО.
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРАВО
CIVIL LAW AND PROCESS. LABOR LAW.
EDUCATIONAL LAW

Байсымакова Д.С. Цифрлық дәуірдегі жұмыскерлердің еңбек
құқықтарын қорғауды құқықтық реттеу..... 60

Байсымакова Д.С. Правовое регулирование защиты трудовых прав
работников в цифровую эпоху

Baisymakova D.S. Legal regulation of the protection of workers' labor
rights in the digital age

Молдахметова Ж.Е. Влияние миграционной политики Республики
Казахстан на реализацию трудовых прав мигрантов..... 71

Молдахметова Ж.Е. Қазақстан Республикасының көші-қон саясаты:
еңбек мигранттарының еңбек құқықтарын іске асыруына ықпалы

Moldakhmetova Zh. Ye. The impact of the migration policy of the
Republic of Kazakhstan on the realization of labor rights of migrants

ҚЫЛЫМЫСТЫҚ ҚҰҚЫҚ ЖӘНЕ ПРОЦЕСС.
КРИМИНОЛОГИЯ. КРИМИНАЛИСТИКА
УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС.
КРИМИНОЛОГИЯ. КРИМИНАЛИСТИКА
CRIMINAL LAW AND PROCESS. CRIMINOLOGY.
FORENSICS

Сыдығалиева А.С. Противодействие отмыванию доходов и
финансированию терроризма: опыт Кыргызстана..... 79

Сыдығалиева А.С. Кірістерді жылыстатуға және терроризмді
қаржыландыруға қарсы іс-қимыл: Қырғызстан тәжірибесі

Sydygalieva A.S. Countering money laundering and terrorist financing:
Kyrgyzstan's experience

Хведелидзе Т.Б., Сайлибаева Ж.Ю., Рахимова Г.Н. Субъекты
буллинга и право: возрастной фактор в мировой практике..... 89

Хведелидзе Т.Б., Сайлибаева Ж.Ю., Рахимова Г.Н. Буллинг
субъектілері және құқық: әлемдік тәжірибедегі жас факторы

Khvedelidze T., Sailibayeva Zh., Rakhimova G. Bullying subjects and
the law: the age factor in world practice

Авторлар туралы мәлімет..... 98
Сведения об авторах
Information about authors

**Kazakh National Pedagogical university
after Abai**

BULLETIN
Series of «Jurisprudence»
№3(81), 2025

Editor in chief:
TAITORINA B.A.
doctor of law, professor

Executive Editor:
Toleubekova B.Kh. – *doctor of law, professor*

Science Editor
Balgimbekova G.U. - *PhD, professor,*
Karaganda University named after
academician E.A. Buketov;

Answer. secretary:
Kalkayeva N.B. – *candidate of law,*
associate professor

Technical Secretary:
Turlykhankyzy K. - *PhD*

The editorial board members:
Buribaev E.A. - *Doctor of Law, Professor,*
Rector of Zhetysu University named after I.
Zhansugurov (Kazakhstan)
Sabikenov S.N. - *Doctor of Law, Professor,*
Academician of NAS RK (Kazakhstan)
Tsepelev V.F. - *Doctor of Law, Professor of*
the Academy of the Ministry of Internal Affairs
(Russia)
Muratova N.G. - *Doctor of Law, Professor of*
Kazan State University (Russia)
Mukhamedzhanov O.Z. - *Doctor of Law,*
Professor, Tashkent State Law University
(Uzbekistan)
Khlus A.M. - *Candidate of Law, Associate*
Professor, Belarusian State University
(Belarus)
Samarin V.I. - *Candidate of Law, Associate*
Professor, Belarusian State University
(Belarus)
Zhatkanbaeva A.E. - *Doctor of Law,*
Professor (Kazakhstan)
Khamzina Zh.A. - *Doctor of Law, Professor*
(Kazakhstan)
Shelukhin S.I. - *PhD, professor at New York*
University John Jay (USA)
Elvan O.D. - *Doctor of Law, Professor,*
Istanbul Jerrahpash University (Turkey)

**© Kazakh National Pedagogical university
after Abai, 2025**

The journal is registered by the Ministry of
Culture and Information RK
8 May 2009. № 10111 – Ж

Signed to print 22.09.2025
Format 60x84 1/8
Volume 14 publ.literature
Order 440.

050010, Almaty, Dostyk ave., 13.
KazNPU after Abai

Publishing house «Ulagat»
Kazakh National Pedagogical university
after Abai

**МЕМЛЕКЕТ ЖӘНЕ ҚҰҚЫҚТЫҢ ЖАЛПЫ ТЕОРИЯСЫ.
МЕМЛЕКЕТ ЖӘНЕ ҚҰҚЫҚ ТАРИХЫ
ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА.
ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
GENERAL THEORY OF STATE AND LAW.
HISTORY OF STATE AND LAW**

МРНТИ: 10.07.23
УДК 340.11:32

10.51889/2959-6181.2025.81.3.001

Г.У. Балгимбекова^{1*} , Г.С. Стародубцев²

¹Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова

²Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева.

(*e-mail: Gbalgimbekova@mail.ru; dexter77@list.ru)

**ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА
В СТРАНАХ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА:
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ И НАПРАВЛЕНИЯ
ТРАНСФОРМАЦИИ**

Аннотация

В статье рассматриваются особенности формирования и трансформации организационной (корпоративной) культуры в странах постсоветского пространства. Анализируется влияние историко-культурного и правового наследия советского периода на современные управленческие практики, а также выявляются устойчивые элементы организационной культуры, такие как высокая дистанция власти, коллективизм, избегание неопределённости и патернализм. Описываются этапы эволюции организационной культуры от периода адаптации к рыночной экономике до современного этапа осознанного управления ценностями и вовлечённостью персонала. Представлены результаты эмпирических и теоретических исследований, отражающие состояние корпоративной культуры, а также её влияние на эффективность организаций. Особое внимание уделяется сравнительному культурологическому анализу, позволяющему выявить сходства и различия между странами региона. Делается вывод о формировании гибридных моделей организационной культуры, сочетающих традиционные и современные элементы управления. Отмечается, что организационная культура выступает важным фактором устойчивости и конкурентоспособности бизнеса в условиях социально-экономических изменений.

Ключевые слова: организационная культура, постсоветское пространство, управление персоналом, коллективизм, трансформация культуры, патернализм, национальная специфика управления.

Г.У. Балгимбекова¹, Г.С. Стародубцев²

¹Академик Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті

²В.М. Лебедев атындағы Ресей мемлекеттік Әділет университеті.

(e-mail: Gbalgimbekova@mail.ru; dexter77@list.ru)

ПОСТКЕҢЕСТІК ЕЛДЕРДЕГІ ҰЙЫМДЫҚ МӘДЕНИЕТ: ИНСТИТУЦИОНАЛДЫҚ-ҚҰҚЫҚТЫҚ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ МЕН ТРАНСФОРМАЦИЯЛЫҚ БАҒЫТТАР

Аңдатпа

Мақалада посткеңестік кеңістік елдеріндегі ұйымдық (корпоративтік) мәдениеттің қалыптасуы мен өзгеру ерекшеліктері қарастырылады. Кеңестік кезеңдегі тарихи-мәдени және құқықтық мұраның қазіргі басқарушылық тәжірибеге әсері талданады, сонымен қатар жоғары билік қашықтығы, ұжымшылдық, белгісіздіктен аулақ болу және патернализм сияқты ұйымдастырушылық мәдениеттің тұрақты элементтері анықталады. Нарықтық экономикаға бейімделу кезеңінен бастап құндылықтар мен қызметкерлерді саналы басқарудың қазіргі кезеңіне дейінгі ұйымдық мәдениеттің эволюциялық кезеңдері сипатталған. Корпоративтік мәдениеттің жай-күйін, сондай-ақ оның ұйымдардың тиімділігіне әсерін көрсететін эмпирикалық және теориялық зерттеулердің нәтижелері ұсынылған. Аймақ елдері арасындағы ұқсастықтар мен айырмашылықтарды анықтауға мүмкіндік беретін салыстырмалы мәдени талдауға ерекше назар аударылады. Дәстүрлі және заманауи басқару элементтерін біріктіретін ұйымдық мәдениеттің гибриді модельдерін қалыптастыру туралы қорытынды жасалады. Ұйымдастырушылық мәдениет әлеуметтік-экономикалық өзгерістер жағдайында бизнестің тұрақтылығы мен бәсекеге қабілеттілігінің маңызды факторы болып табылады.

Түйін сөздер: ұйымдастырушылық мәдениет, посткеңестік кеңістік, персоналды басқару, ұжымдастыру, мәдениеттің өзгеруі, патернализм, басқарудың ұлттық ерекшелігі.

ORGANIZATIONAL CULTURE IN THE POST-SOVIET COUNTRIES: INSTITUTIONAL AND LEGAL FEATURES AND DIRECTIONS OF TRANSFORMATION

G.U. Balgimbekova¹, G.S. Starodubtsev²

¹Karaganda University named after academician E.A. Buketov

²Lebedev Russian State University of Justice

(e-mail: Gbalgimbekova@mail.ru; dexter77@list.ru)

Abstract

The article examines the features of the formation and transformation of organizational (corporate) culture in the post-Soviet countries. The influence of the historical, cultural and legal heritage of the Soviet period on modern management practices is analyzed, and stable elements of organizational culture such as high power distance, collectivism, avoidance of uncertainty and paternalism are identified. The stages of the evolution of organizational culture from the period of adaptation to the market economy to the modern stage of conscious management of values and staff involvement are described. The results of empirical and theoretical studies reflecting the state of corporate culture, as well as its impact on the effectiveness of organizations, are presented. Special attention is paid to comparative cultural analysis, which makes it possible to identify similarities and differences between the countries of the region. The conclusion is made about the formation of hybrid models of organizational culture combining traditional and modern management elements. It is noted that organizational culture is an important factor in the sustainability and competitiveness of business in the context of socio-economic changes.

Keywords: organizational culture, post-Soviet space, personnel management, collectivism, cultural transformation, paternalism, national specifics of management.

Введение

Организационная (корпоративная) культура – это система коллективных ценностей, убеждений и правил, разделяемых членами организации. Эта "невидимая сила" определяет стиль работы компании, поведение сотрудников и качество их взаимодействия. Сегодня она стала одним из ключевых факторов, определяющих эффективность и устойчивость современных компаний Казахстана.

По оценкам экспертов, предприятия с сильной корпоративной культурой работают на 20-30% эффективнее конкурентов по таким показателям, как производительность труда, вовлеченность и удовлетворенность персонала. В условиях глобальной конкуренции казахстанские организации все чаще обращают внимание на формирование общих ценностей и норм внутри коллективов. Это обусловлено пониманием того, что около 74,6% успеха проектов и стратегических изменений зависит не только от технологий или финансирования, но и от человеческого фактора – от того, насколько сотрудники разделяют миссию и ценности своей организации.

В стране за последние годы заметно вырос интерес к развитию корпоративной культуры: если в начале 2010-х подобной тематике уделяли внимание лишь единицы, то к середине 2020-х около 52,4% крупных компаний уже внедрили специальные программы по формированию корпоративных ценностей и повышению вовлеченности персонала.

Организационная культура в постсоветских государствах формировалась под влиянием уникальных исторических условий. В советский период не употреблялось само понятие «организационная культура» в современном смысле.

Однако существовала «культура трудового коллектива», включавшая идеологические ценности, обычаи и неформальные практики в организациях. Эту культуру характеризовали патернализм государства, жёсткая централизация управления и доминирование формальных правил. Часто именно общие ценности и традиции коллектива обеспечивали сплочённость и дисциплину. Например, исследователи отмечают, что организационная культура современных компаний (на примере Coca-Cola HBC Russia) во многом унаследовала элементы советской культуры трудового коллектива – коллективизм, взаимовыручку, формируемые десятилетиями ценности. При этом официальная идеология (коммунистические ценности, «кодекс строителя коммунизма» и т.п.) выполняла роль своеобразной надстройки над культурой организаций.

Материалы и методы

В процессе исследования организационной культуры в постсоветских странах, использовались как теоретические, так и эмпирические источники.

Методологическая база исследования включает следующие подходы - историко-сравнительный метод для анализа эволюции организационной культуры в постсоветский и современный периоды. Сравнительный культурный анализ по модели Хофстеде - для сопоставления национальных культурных особенностей Казахстана, России и Украины, влияющих на организационные процессы. Социологический метод - на основе вторичного анализа результатов опросов сотрудников казахстанских компаний, уровня вовлеченности, текучести кадров и социальной стабильности. Системный подход - для комплексного рассмотрения организационной культуры как части управленческой, правовой и социальной среды.

Использование этих методов позволило всесторонне рассмотреть особенности формирования и трансформации организационной культуры в контексте постсоветского наследия, рыночных реформ и глобальных тенденций.

Результаты и обсуждение

После распада СССР организации бывших союзных республик столкнулись с вызовом перестройки своей культуры в условиях рыночной экономики. Переход от плановой экономики к рынку сопровождался сломом старых норм и рождением новых ценностей. В 1990-е годы многие предприятия переживали кризис идентичности: старые советские подходы к управлению

уже не работали, а новые, западные методики внедрялись с трудом. Не существовало гарантированной занятости, усилилась конкуренция - эти факторы требовали иных методов мотивации персонала и других поведенческих моделей. Тем не менее, менталитет, сложившийся в советскую эпоху, продолжал влиять на ведение бизнеса.

Так, отсутствие приватной собственности приводило в прошлом к размыванию ответственности, а привычка к гарантированному окладу – к снижению инициативы. Эти явления отразились и в 90-е: многие менеджеры отмечали недостаток инициативности у сотрудников, а сами сотрудники жаловались на нечеткость указаний и неопределённость в новых условиях. Организационная культура зачастую складывалась стихийно, по мере проб и ошибок, и далеко не сразу стала осознаваться как фактор успеха.

Постепенно, с начала 2000-х, понимание важности организационной культуры возросло. В российских компаниях стали внедряться программы развития корпоративных ценностей, кодексы этики, практики тимбилдинга. В деловой литературе появились труды (наглядна представлена в таблице 1), посвящённые данной теме. Например, С.Г. Абрамова и И.А. Костенчук (2011) подробно разобрали понятие «организационная культура» и его компоненты [1, с. 290].

Таблица 1 – Авторы и направления исследований организационной культуры в постсоветских странах

Автор(ы)	Год	Основной вклад
С.Г. Абрамова, И.А. Костенчук	2011	Детально разобрано понятие «организационная культура» и его компоненты
М.В. Гудкова	2014	Выявлены особенности организационной культуры российских компаний, её проблемы
О.С. Ильина	2007	Рассмотрены инструменты управления организационной культурой
И.В. Лаврентьева, Д.С. Руденко	2019	Проанализирована трансформация организационной культуры в современном мире
Е.А. Руднев	2023	Показаны изменения культуры российских компаний в условиях социально-экономических сдвигов
В.М. Свистунов и соавторы	2020	Охарактеризованы состояние, проблемы и особенности трансформации культуры

Представленные авторы заложили основу понимания того, как трансформировалась организационная культура в постсоветском пространстве. В их трудах акцент сделан на сочетании традиционных черт (иерархичность, коллективизм, высокая значимость межличностных отношений) и новых тенденций (осмысление ценностей, формирование кодексов и этических стандартов). Эти работы позволяют наглядно проследить, каким образом национальная специфика менеджмента продолжает влиять на организационную культуру, сохраняя преемственность при одновременном открытии для международных практик.

М.В. Гудкова (2014) исследовала особенности организационной культуры российских компаний, выявив характерные черты и проблемы [2, с. 168].

По мере интеграции в мировую экономику руководители осознали, сильная организационная культура помогает компании добиваться успеха и завоёвывать признание на национальном и международном уровне. Наличие общей системы ценностей, разделяемой коллективом, стало рассматриваться как залог устойчивости бизнеса в кризисных ситуациях.

В недавних интервью управленцы малого, среднего и крупного бизнеса признавали, что именно ценности и традиции их организаций помогли выжить в пандемию, сохранить сплочённость команды и мотивацию персонала. Соответственно, возрос интерес к научному осмыслению организационной культуры.

В 2000-е и 2010-е гг. вышли исследования, посвящённые развитию и трансформации организационной культуры: например, работы О.С. Ильиной (2007) об инструментах управления

культурой, И.В. Лаврентьевой и Д.С. Руденко (2019) о трансформации организационной культуры в современном мире, Е.А. Руднева (2023) и В.М. Свистунова с соавторами (2020) об изменениях культуры российских компаний [3; 4; 5; 8]. Эти исследования отмечают, что национальная специфика менеджмента в постсоветских организациях проявляется в ряде устойчивых черт: принадлежность сотрудника к группе, горизонтальная сплочённость коллектива и одновременно противостояние по вертикали (между рядовыми работниками и руководством), выраженное стремление избегать неопределённости, а также высокая значимость личных взаимоотношений. Можно сказать, что коллективизм и неформальные связи «по горизонтали» остались сильны, но доверие между персоналом и руководством формируется медленно – отсюда определённая дистанция и «мы против них» в сознании работников [6; 7].

Формирование современной организационной культуры в Казахстане происходило постепенно. В первые годы независимости (1990-е) большинство организаций сохраняли традиционную иерархическую модель управления, унаследованную от советского периода: жесткая вертикаль власти, минимум инициатив «снизу» и отсутствие сформулированной миссии или ценностей. Это объяснялось объективными причинами: в условиях перехода к рынку компании были больше сосредоточены на выживании, реструктуризации и адаптации к новым экономическим реалиям, и «тонкие материи» вроде культуры считались второстепенными. Первые «лучи» новой культуры принесли совместные предприятия с иностранным участием. Так, в нефтегазовом СП «Тенгизшевройл» еще в конце 1990-х были внедрены западные стандарты управления безопасностью и запущена работа с корпоративными ценностями, а ряд международных банков (HSBC, Citibank и др.) привнесли в Казахстан культуру клиентоориентированности и развития персонала. Однако в целом в 1990-е организационная культура не считалась приоритетом.

Широко известна модель Г. Хофстеде, выделяющая шесть измерений национальной культуры – дистанция власти, индивидуализм/коллективизм, маскулинность/феминность (мотивация к достижению), избегание неопределённости, долгосрочная ориентация и снисходительность/сдержанность [9; 10].

На основе этих критериев можно сравнить культурные профили различных стран, в том числе постсоветских, и выявить их общие черты и различия. В таблице 2 представлены значения некоторых показателей национальной культуры по Хофстеде для выбранных стран постсоветского пространства – России, Казахстана и Украины.

Таблица 2 – Основные показатели национальной культуры ряда постсоветских стран (по данным G. Hofstede) [10, с.815]

Страна	Дистанция власти (PDI)	Индивидуализм (IDV)	Избегание неопределённости (UAI)	Долгосрочная ориентация (LTO)	Снисходительность (IVR)
Россия	93	46	95	58	20
Казахстан	88	20	88	85	22
Украина	92	55	95	51	14

Примечание: показатели приведены по шкале от 0 до 100 (по материалам Hofstede Insights).

Как видно из таблицы 2, постсоветские культуры демонстрируют очень высокую дистанцию власти (PDI). Это значит, что в обществе – а соответственно, и в организациях – принимается значительная неравномерность распределения власти. Подчинённые, как правило, мирятся с авторитарным стилем управления и явным разграничением статусов. Например, PDI России составляет 93, Казахстана – 88, Украины – 92 балла из 100.

Такой стиль во многом соответствует типу «культуры власти» по классификации Ч. Хэнди, где доминирует сильный лидер, а идеальный начальник выступает «благосклонным автократом» [11, с. 182].

Делегирование в классической постсоветской системе носит ограниченный характер: руководитель передаёт подчинённому задачу вместе с подробной инструкцией, как её выполнять, не ожидая инициативы. Западные управленцы, сталкиваясь с таким подходом, нередко жалуются на пассивность местных сотрудников, тогда как сами российские работники, напротив, порой испытывают нехватку чётких указаний от “демократичных” зарубежных боссов. Причины этой особенности – в многолетней традиции, когда любые значимые решения принимались только «наверху», а инициатива снизу не поощрялась.

В советское время коллективистские ценности всячески культивировались – от бригадных соревнований до круговой поруки. Лояльность группе (трудовому коллективу, отделу, профсоюзной организации) считалась добродетелью, а индивидуализм порицался. Это отразилось и на современных показателях: по индексу индивидуализма (IDV) постсоветские страны склоняются к коллективистскому типу культуры. Казахстан имеет один из самых низких показателей индивидуализма – всего 20 баллов, что означает крайне сильную ориентацию на коллектив, семью, команду. Россия – умеренно коллективистская страна (IDV=46), близкая по этому параметру к таким культурам, как Южная Корея или Мексика. Украина несколько выбивается, демонстрируя более высокий индивидуализм (IDV=55) – это может отражать влияние иных историко-культурных факторов или более быструю адаптацию западных моделей. В целом же «я» нередко подчиняется «мы».

Для работников постсоветских компаний характерна приверженность своему узкому кругу – «ingroup»: близким коллегам, непосредственному начальнику. Внешний же круг – незнакомые люди, руководители верхнего звена – могут восприниматься с изрядной долей скепсиса и формализма [12; 13].

Исследования отмечают, что в странах с наследием советской системы вырабатывалось разграничение поведения «для своих» и «для чужих». Так, в России не принято «принуждённо» улыбаться незнакомцам – искренняя доброжелательность приберегается для друзей, а официальное общение остаётся серьёзным и суховатым. Это тоже наследие культуры, где открытая дружелюбность в формальной среде не поощрялась и могла трактоваться как неискренность.

Избегание неопределённости. Ещё одной общей чертой постсоветского пространства является очень высокая потребность в определённости и стабильности [14]. Индекс UAI (avoidance of uncertainty) у России и Украины равен 95, у Казахстана – 88 (очень высокие значения) [15].

Это означает, что общества стремятся избегать неопределённых ситуаций, ценят правила, рутинные процедуры и подробные инструкции. В СССР любое новаторство встречало сопротивление бюрократии; инициативу «снизу» нередко подавляли. Накопленный опыт породил у работников настороженность к изменениям и склонность строго следовать установленным нормам [16].

Иерархичность и дистанция между уровнями управления приводят к тому, что организационная культура постсоветских предприятий во многом остаётся формально-жёсткой и ориентированной на контроль. Традиционно начальник воспринимается как ответственная фигура, от которой зависит благополучие подчинённых; взамен ожидается, что сотрудники чётко выполняют приказы и не спорят с руководством. Такой патернализм – наследие советской системы, где директор завода или учреждения нёс широкую ответственность не только за производство, но и за социальные нужды рабочих. Многие современные руководители по-прежнему придерживаются образа «строного, но заботливого хозяина». Подчинённые, в свою очередь, нередко предпочитают не проявлять инициативу без указаний начальства, опасаясь сделать ошибку. Как следствие, внешние наблюдатели описывают российский стиль менеджмента как директивный и централистский.

Интересно, что в разных постсоветских странах эволюция организационной культуры идёт с различной скоростью. Например, страны Балтии (Эстония, Латвия, Литва) благодаря ранней интеграции в ЕС и притоку западных инвестиций существенно приблизились по

организационной культуре к североамериканским моделям – там ниже дистанция власти, сильнее проявлен индивидуализм, больше ценится инициатива. Кавказские и среднеазиатские республики, напротив, во многом сохранили более традиционные, патриархальные черты в организационных отношениях. Например, в Казахстане культура весьма коллективистская и иерархичная: люди принимают строгую субординацию, власть воспринимается как неотъемлемое условие порядка [17].

При этом внутри страны отмечаются региональные различия по уровню индивидуализма – исследование показало, что в некоторых северных регионах Казахстана индекс индивидуализма значительно выше, чем в западных и южных. Вероятно, сказывается разный этнический и урбанистический состав населения. В целом же для Центральной Азии характерна опора на клановые связи, семейный бизнес, что отражается и в организационной культуре (акцент на личном доверии, неформальных обязательствах) [18]. Белоруссия во многом близка к России по показателям культуры (исключительно высокий PDI ~ 95) и стилю управления – государственный сектор доминирует, что поддерживает советский тип организационной культуры дольше, чем в более рыночно-ориентированных странах. Украина до недавнего времени демонстрировала смешанный тип: с одной стороны, высокий уровень неопределённости вызывал тягу к жёсткому контролю и правилам, с другой – исторические особенности (например, влияние австро-германской бюрократии на западе страны) привели к несколько меньшей дистанции между начальником и подчинённым в некоторых организациях [19].

Важным аспектом является рост сознательного управления организационной культурой. Если раньше культура «сложится сама собой», то теперь руководители крупных компаний нередко целенаправленно занимаются её формированием. Появляется даже должность «директор по организационной культуре» или подразделения HR берут на себя эту функцию. Выявляются и транслируются ключевые ценности компании – например, ориентация на клиента, инновационность, командность. Эти ценности закрепляются в корпоративных кодексах, обучающих материалах, коммуникациях от лица первых лиц.

На данный момент большинство крупных казахстанских организаций декларируют приверженность определенным ценностям и регулярно оценивают состояние своей организационной культуры. Основным количественным параметром здесь выступает индекс вовлеченности персонала – интегральный показатель, отражающий уровень эмоциональной и профессиональной включенности сотрудников в работу [20].

По итогам последних опросов, средний индекс вовлеченности работников в Казахстане в 2023 году составил порядка 72,7%, что на +1,4 п.п. выше, чем годом ранее (в 2022 году – около 71,3%). В результате наблюдается позитивная динамика: персонал постепенно становится более лояльным и заинтересованным в делах компаний. Отметим также влияние размера организации: если среди предприятий с численностью свыше 500 человек около 90% внедряют программы развития культуры, то среди малого бизнеса (менее 100 сотрудников) таких лишь 20–25% – во многих мелких фирмах культура формируется стихийно, под влиянием личности руководителя.

В 2018 году средний показатель оценивался лишь в районе 63,8%, но уже к 2020 году он поднялся до 69,4%. После некоторого замедления темпов в 2021–2022 гг., к 2023 году вовлеченность вновь усилилась – значение индекса приблизилось к 73%. Совокупный прирост за период 2018–2023 гг. составил почти +9 п.п., что свидетельствует об успешности предпринимаемых усилий по развитию организационной культуры. Для сравнения, аналогичные исследования международной консалтинговой компании Gallup показывают, что глобально активно вовлечены в работу лишь около 23% сотрудников.

В странах СНГ этот показатель еще ниже – порядка 15–20%. Примечательно, что в соседней России уровень вовлеченности начал восстанавливаться и в 2023 году достиг 69%, поднявшись с 66% годом ранее. Это сопоставимо с казахстанским уровнем (~73%), что указывает на сохраняющийся потенциал для роста вовлеченности в Казахстане (и схожие тенденции в постсоветском пространстве).

Стоит отметить, что диапазон значений индекса вовлеченности между разными организациями весьма велик. Так, по результатам внутренних исследований за 2022 год, в одной из крупнейших энергетических компаний – ТОО «Экибастузская ГРЭС-1» – индекс вовлеченности персонала составил всего 68%, а индекс социальной стабильности (показатель доверия и удовлетворенности в коллективе) – 64%. Эти значения лишь немного превышают половину шкалы и сигнализируют о наличии проблем (например, часть персонала остается отстраненной, наблюдается риск конфликтов между рядовыми работниками и менеджментом).

Ниже представлена сводная таблица № 4 ключевых метрик, характеризующих состояние организационной культуры в Казахстане (на 2023 год):

Таблица 3 – Состояние организационной культуры в Казахстане (на 2023 год)

Показатель (2023 г.)	Значение
Средний индекс вовлеченности сотрудников, %	72,7%
Индекс социальной стабильности (SRS), %	~70% (оценочно)
Уровень текучести персонала (годовой), %	12,8%
Компаний, проводящих регулярные опросы персонала	57,2%
Средние расходы на развитие культуры (в год на 1 компанию)	25,3 млн тенге

Из таблицы 3 видно, что более половины работодателей уже систематически измеряют вовлеченность и удовлетворенность работников (около 57% компаний организуют ежегодные опросы персонала). Средний уровень вовлеченности приближается к 73%, тогда как социальная стабильность удерживается на отметке ~70%.

Лучшие мировые работодатели достигают уровня вовлеченности свыше 80% – этот ориентир постепенно становится актуальным и для Казахстана. Инвестиции в развитие организационной культуры в последние годы тоже растут: сейчас компании тратят в среднем порядка 25,3 млн тенге в год на тренинги, тимбилдинги, программы лояльности и прочие инициативы, что в 1,6 раза больше, чем пять лет назад.

Заключение

Подводя итог, можно сказать, что организационная культура постсоветских стран представляет собой сложный сплав старого и нового. С одной стороны, ей присущи исторически укоренённые черты: высокая иерархичность, коллективизм внутри малых групп, недоверие к инициативам “сверху”, формальность во внешних проявлениях. Традиционная культура ориентирована на сохранение существующего порядка и очень медленно эволюционирует. Постсоветские организации впитывают международный опыт, учатся у глобальных корпораций гибкости и инновационности. Новые поколения сотрудников вносят свежие взгляды, требуя более открытой, гуманной и динамичной организационной среды.

Таким образом, опыт постсоветских стран в сфере организационной культуры демонстрирует, как за сравнительно короткий срок происходит трансформация фундаментальных ценностей и норм, хотя и сохраняется преемственность. Каждый из факторов (иерархия, коллективизм, отношение к риску) претерпевает постепенные изменения, но не исчезает полностью. Организации балансируют между необходимостью менять культуру ради эффективности и естественным сопротивлением этой культуре резким нововведениям.

В результате складываются гибридные модели: например, сочетание жёсткой вертикали власти с элементами командной работы и “бирюзовой” культуры в отдельных подразделениях; или совмещение западных методов мотивации (грейды, KPI, конкурсы идей) с традиционной системой личных поощрений от руководства. Постсоветский опыт наглядно показывает, что организационная культура – инерционная, но адаптивная система. Она способна трансформироваться под влиянием внешних условий (рынок, глобализация) и целенаправленных усилий лидеров, оставаясь при этом носителем уникальной национальной специфики. Многие управленческие практики, успешные на Западе, требуют тонкой настройки при внедрении на

постсоветском пространстве с учётом культурного контекста. Вместе с тем, организации, сумевшие создать гармоничную культуру, объединяющую лучшее из старого и нового, получают серьёзные конкурентные преимущества. Можно привести в пример ряд российских и казахстанских компаний, которым удалось выстроить сильную корпоративную культуру: они отличаются сплочённым коллективом, высокой лояльностью и готовностью вместе преодолевать трудности. Как показывают события последних лет, устойчивость бизнеса во многом зависит от гибкости и ценностей его культуры – и постсоветские организации постепенно извлекают этот урок из своего уникального пути трансформации.

Вклад авторов

Балгимбекова Г.У. внесла значительный вклад в исследование становления организационной культуры в странах постсоветского пространства, проанализировала влияние советского наследия на современные управленческие практики в Казахстане, проблемы внедрения западных моделей корпоративной культуры в условиях локального менталитета, выделила этапы эволюции организационной культуры в странах постсоветского периода.

Стародубцев Г.С. исследовал трансформацию организационной культуры в постсоветских странах, акцентируя внимание на социокультурных барьерах, возникающих при адаптации западных управленческих практик; необходимости учета национальной специфики, исторических традиций и текущего уровня зрелости менеджмента; ключевых индикаторах как инструментах оценки эффективности культурных преобразований в компаниях.

Благодарности

Данное исследование было профинансировано Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант № BR27195163 Архитектоника трансформации организационной культуры государственной службы Казахстана).

Список использованной литературы:

1. Абрамова С. Г., Костенчук И.А. О понятии «организационная культура». – М.: Экзамен, 2011. – 290 с.
2. Гудкова М.В. Особенности организационной культуры российских компаний. – М.: РГ-Пресс, 2014. – 168 с.
3. Ильина О.С. Организационная культура: тенденции развития и инструменты регулирования // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2007. – № 2. – С. 66–70.
4. Лаврентьева И.В., Руденко Д.С. Трансформация организационной культуры в современном мире // Вестник Челябинского гос. ун-та. – 2019. – № 3 (425). – С. 153–157.
5. Руднев Е.А. Организационная культура российских компаний в условиях социально-экономических изменений // Российский журнал менеджмента. – 2023. – Т. 21, № 4. – С. 600–618.
6. Рычкова А.А. Организационная культура современной компании: генезис и тенденции развития: монография. – Казань: Изд-во «Бук», 2015. – 151 с.
7. Салтык Г.А., Лукаш А.И. Становление организационной культуры в советской и постсоветской России: история и современность // Ученые записки Курского гос. ун-та. Электронный научн. журнал. – 2018. – № 2 (46). – С. 81–88.
8. Свистунов В.М., Лобачев В.В., Кузина Г.П. Организационная культура российских компаний: состояние, проблемы и особенности трансформации // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. – 2020. – № 5–8. – С. 11–17.
9. Тевене М. Культура предприятия / пер. с фр. под ред. В. А. Спивака. – 3-е изд. – СПб.; М.: Нева, Олма-Пресс, 2003. – 123 с.
10. Хофстеде Г., Хофстеде Г. Дж., Минков М. Культуры и организации: программное обеспечение разума. – М.: Олимп-Бизнес, 2016. – 815 с.
11. Handy C. B. The Gods of Management: The Changing Work Organizations. – New York: Penguin Books, 1978. – 182 p.
12. Шейн Э. Г. Организационная культура и лидерство / пер. с англ. – СПб.: Питер, 2012. – 352 с.

13. Cameron K. S., Quinn R. E. *Diagnosing and Changing Organizational Culture: Based on the Competing Values Framework*. – Prentice Hall, 2011. – 288 p.
14. Binder, Lucie; Hans, Vanessa; Stransky, Anna (2023) "A collaborative approach to improve business integrity in ASEAN: Case studies of anti-corruption Collective Action in the region. - [Electronic resource]. - URL: https://baselgovernance.org/sites/default/files/2023-11/231120_WP-48.pdf
15. Khamzina Z, Buribayev Y. and Tileubergenov Y. (2025) Institutionalizing integrity: rethinking ethical and cultural standards in Kazakhstan's civil service. *Front. Polit. Sci.* 7:1573608. doi: 10.3389/fpos.2025.1573608
16. Канатова Ж. Казахстан – коллективистская страна? // Центр развития коммуникаций (crcons.com): [блог]. – 16.03.2021. – URL: <https://crcons.com/rus/b20210316> (дата обращения: 10.07.2025).
17. Жанузакова Л.Т., Тайторина Б.А., Алимбетова Ответственность государственных служащих за нарушение служебной дисциплины и служебной этики // *Eurasian scientific journal of law*. - 2025 – № 2(11). – С.19-30.
18. Организационная культура в компаниях и организациях, условия формирования и методы развития. MBA Kazakhstan: [веб-сайт]. – URL: https://mba-kazakhstan.kz/blog/corporate_culture (дата обращения: 10.07.2025).
19. Что такое «организационная культура» и зачем она нужна. Качественный Казахстан (standard.kz): [статья]. – URL: <https://www.standard.kz/ru/post/cto-takoe-organizacionnaya-kultura-i-zacem-ona-nuzna> (дата обращения: 10.07.2025).
20. Жанузакова Л.Т., Тайторина Б.А., Алимбетова А.Р. Политико-правовые аспекты регулирования служебной этики государственных служащих в Республике Казахстан // *Вестник КазНПУ имени Абая*. – 2025. – № 1 (89). – С. 8–17. – DOI: 10.51889/2959-6270.2025.89.1.005.

References:

- 1 Abramova S G., Kostenchuk I.A. *O ponjatii «organizacionnaja kul'tura»*. – М.: Jekzamen, 2011. – 290 s.
- 2 Gudkova M.V. *Osobennosti organizacionnoj kul'tury rossijskih kompanij*. – М.: RG-Press, 2014. – 168 s.
- 3 Il'ina O.S. *Organizacionnaja kul'tura: tendencii razvitija i instrumenty regulirovanija* // *Vestnik RUDN. Serija: Sociologija*. – 2007. – № 2. – S. 66–70.
- 4 Lavrent'eva I.V., Rudenko D. S. *Transformacija organizacionnoj kul'tury v sovremennom mire* // *Vestnik Cheljabinskogo gos. un-ta*. – 2019. – № 3 (425). – S. 153–157.
- 5 Rudnev E.A. *Organizacionnaja kul'tura rossijskih kompanij v uslovijah social'no-jekonomicheskikh izmenenij* // *Rossijskij zhurnal menedzhmenta*. – 2023. – T. 21, № 4. – S. 600–618.
- 6 Rychkova A.A. *Organizacionnaja kul'tura sovremennoj kompanii: genezis i tendencii razvitija: monografija*. – Kazan': Izd-vo «Buk», 2015. – 151 s.
- 7 Saltyk G.A., Lukash A.I. *Stanovlenie organizacionnoj kul'tury v sovetskoj i postsovetskoj Rossii: istorija i sovremennost'* // *Uchenye zapiski Kurskogo gos. un-ta. Jelektronnyj nauchn. zhurnal*. – 2018. – № 2 (46). – S. 81–88.
- 8 Svistunov V M., Lobachev V.V., Kuzina G.P. *Organizacionnaja kul'tura rossijskih kompanij: sostojanie, problemy i osobennosti transformacii* // *Upravlenie personalom i intellektual'nymi resursami v Rossii*. – 2020. – № 5–8. – S. 11–17.
- 9 Tevene M. *Kul'tura predprijatija / per. s fr. pod red. V. A. Spivaka*. – 3-e izd. – SPb.; М.: Neva, Olma-Press, 2003. – 123 s.
- 10 Hofstede G., Hofstede G. Dzh., Minkov M. *Kul'tury i organizacii: programmnoe obespechenie razuma*. – М.: Olimp-Biznes, 2016. – 815 s.
- 11 Handy C. B. *The Gods of Management: The Changing Work Organizations*. – New York: Penguin Books, 1978. – 182 p.
- 12 Shejn Je. G. *Organizacionnaja kul'tura i liderstvo / per. s angl.* – SPb.: Piter, 2012. – 352 s.

13 Cameron K. S., Quinn R. E. *Diagnosing and Changing Organizational Culture: Based on the Competing Values Framework*. – Prentice Hall, 2011. – 288 p.

14 Binder, Lucie; Hans, Vanessa; Stransky, Anna (2023) "A collaborative approach to improve business integrity in ASEAN: Case studies of anti corruption Collective Action in the region. - [Electronic resource]. - URL: https://baselgovernance.org/sites/default/files/2023-11/231120_WP-48.pdf

15 Khamzina Z., Buribayev Y. and Tileubergenov Y. (2025) *Institutionalizing integrity: rethinking ethical and cultural standards in Kazakhstan's civil service*. *Front. Polit. Sci.* 7:1573608. doi: 10.3389/fpos.2025.1573608

16 Kanatova Zh. *Kazakhstan – kollektivistskaja strana? // Centr razvitija kommunikacij (crcons.com): [blog]. – 16.03.2021. – URL: <https://crcons.com/rus/b20210316> (data obrashhenija: 10.07.2025).*

17 Zhanuzakova L.T., Tajtorina B.A., Alimbetova Otvetstvennost' gosudarstvennyh sluzhashhih za narushenie sluzhebnoj discipliny i sluzhebnoj jetiki // *Eurasian scientific journal of law*. - 2025 – № 2(11). – S.19-30.

18 *Organizacionnaja kul'tura v kompanijah i organizacijah, uslovija formirovanija i metody razvitija. MBA Kazakhstan: [veb-sajt]. – URL: https://mba-kazakhstan.kz/blog/corporate_culture (data obrashhenija: 10.07.2025).*

19 *Chto takoe «organizacionnaja kul'tura» i zachem ona nuzhna. Kachestvennyj Kazakhstan (standard.kz): [stat'ja]. – URL: <https://www.standard.kz/ru/post/cto-takoe-organizacionnaya-kultura-i-zacem-ona-nuzhna> (data obrashhenija: 10.07.2025).*

20 Zhanuzakova L.T., Tajtorina B.A., Alimbetova A.R. *Politiko pravovye aspekty regulirovanija sluzhebnoj jetiki gosudarstvennyh sluzhashhih v Respublike Kazakhstan // Vestnik KazNPU imeni Abaja. – 2025. – № 1 (89). – S. 8–17. – DOI: 10.51889/2959 6270.2025.89.1.005.*

FTAXP 10.07.61
ӨОЖ 340.1

10.51889/2959-6181.2025.81.3.002

Л.Т. Жанұзакова¹ , М.Т. Бейсенбаева^{2*}

¹«Туран» университетінің Құқық ғылыми-зерттеу институты, Қазақстан Республикасының Заңнама және құқықтық ақпарат институты,

²Қазақ ұлттық аграрлық зерттеу университеті
(E-mail: zhanleila@mail.ru; *manshuk.beisenbaeva@mail.ru)

ӨКІЛЕТТІ ЗАҢНАМА БИЛІК ТАРМАҚТАРЫНЫҢ ӨЗАРА ӘРЕКЕТТЕСУ НЫСАНЫ РЕТІНДЕ: ҚҰҚЫҚТЫҚ РЕТТЕУДІҢ ҚАЗІРГІ ҮРДІСТЕРІ МЕН СЫН-ҚАТЕРЛЕРІ

Аңдатпа

Зерттеу Қазақстан Республикасындағы өкілетті заңнама институтының құқықтық негіздері мен іске асыру тетіктерін жан-жақты талдауға арналған. Өкілетті заңнама ұғымына теориялық көзқарастар қарастырылып, оның атқарушы биліктің құқықшығармашылық процесіне ерекше түрде қатысуының мәні ашылады. 2022 жылғы конституциялық реформадан кейін үкіметке заң күші бар уақытша нормативтік құқықтық актілерді қабылдау құқығы берілді. Мақалада өкілетті заңнаманың парламенттің заң шығару функциясын уақытша алмастыратын атқарушы биліктің құқықшығармашылық қызметінің ерекше түрі ретінде қарастыратын доктриналық көзқарастар сараланады.

Қазақстандағы осы институтты реттейтін конституциялық және заңнамалық нормалар талданып, уақытша актілердің қолданылу мерзімдері мен негіздерінің нақты көрсетілмеуі, парламенттік есептіліктің әлсіздігі, Конституция нормалары арасындағы қайшылықтар сияқты

тұжырымдамалық және рәсімдік олқылықтар айқындалды. Салыстырмалы-құқықтық талдау бұл институттың Франция, Германия, Ұлыбритания, Италия және басқа елдердегі тұрақты институционалдануымен салыстыруға мүмкіндік берді. Ерекше назар атқарушы биліктің шұғыл жағдайларға тиімді жауап беруі мен билік тармақтарының бөлінісі қағидатын сақтау арасындағы тепе-теңдікті қамтамасыз ететін құқықтық тетіктердің қажеттілігіне аударылады.

Мақалада осы институтты заңнамалық жетілдіруге қатысты ұсыныстар да қамтылған. Зерттеу нәтижелері заңнама және мемлекеттік басқару саласындағы ғалымдар мен практиктер үшін пайдалы болуы мүмкін.

Түйін сөздер: уақытша қаулы, өкілетті заңнама, заң, заң жобасы, Конституция, Парламент, Үкімет.

Жанузакова Л.Т.¹, Бейсенбаева М.Т.²

¹ НИИ права университета «Туран», Институт законодательства и правовой информации
Республики Казахстан

² Казахский Национальный аграрный исследовательский университет

ДЕЛЕГИРОВАННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КАК ФОРМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЕТВЕЙ ВЛАСТИ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ВЫЗОВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация

Исследование посвящено всестороннему анализу правовых основ и механизма реализации института делегированного законодательства в Республике Казахстан. Исследуются теоретические подходы к понятию делегированного законодательства, раскрывается его сущность как особой формы участия исполнительной власти в нормотворчестве. В условиях динамичных политико-правовых трансформаций, инициированных конституционной реформой 2022 года, правительство республики получило право принимать временные нормативные правовые акты, обладающие силой закона. В статье рассматриваются доктринальные подходы к понятию делегированного законодательства как особой формы нормотворчества исполнительной власти, временно замещающей законодательную функцию парламента. Проанализированы конституционные и законодательные положения, регулирующие этот институт в Казахстане, выявлены его концептуальные и процедурные пробелы, в частности, отсутствие чётких оснований и сроков действия временных актов, слабая парламентская подотчетность, а также противоречия между нормами Конституции. Сравнительно-правовой анализ позволил сопоставить казахстанский подход с моделями, действующими во Франции, Германии, Великобритании, Италии и других странах, где делегированное законодательство имеет более устойчивую институционализацию. Особое внимание уделяется необходимости правовых механизмов, обеспечивающих баланс между эффективностью реагирования на срочные вызовы и сохранением принципа разделения властей.

В статье также представлены рекомендации по законодательному усовершенствованию института, а выводы могут быть полезны как для научного сообщества, так и для практиков в сфере законотворчества и государственного управления.

Ключевые слова: временное постановление, делегированное законодательство, закон, законопроект, Конституция, Парламент, Правительство.

L.T. Zhanuzakova¹, M.T. Beissenbayeva²,

¹Research Institute of Law of Turan University, Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan

²Kazakh National Agrarian Research University

DELEGATED LEGISLATION AS A FORM OF INTERACTION BETWEEN THE BRANCHES OF GOVERNMENT: CURRENT TRENDS AND CHALLENGES OF LEGAL REGULATION

Abstract

The study reveals the content of the Biy court as a socio-political value of the Kazakh people. The article is devoted to the study of the Biy court as a fundamental institution of Kazakh customary law and its potential role in the modern legal system of Kazakhstan. The relevance of the research is emphasized due to the need to improve domestic legislation and the judicial system, as well as the desire to use the centuries-old traditions of our ancestors to improve the effectiveness of justice. The expediency of creating a specialized scientific research state institute for the comprehensive and comparative study of Kazakh law "Jargy" and justice biy is substantiated, and an example of foreign experience (Canada, Australia) in creating such centers to take into account local legal specifics is given. Such an appeal to the age-old traditions of our ancestors is largely determined by the need to radically improve the current domestic law and the judicial system of the country. It is noted that the foreign experience of the organization and operation of magistrates' courts deserves careful attention of the domestic legislator. It is advisable to introduce the Biy court into the unified judicial system of the country, as a court of first instance, in order to expand the availability of judicial protection for rural citizens and significantly reduce the burden on district court judges. In this regard, it is necessary to adopt appropriate additions and amendments to the Constitution of the Republic and to the Constitutional Law "On the Judicial System and the Status of Judges", as well as an independent Law "On Judicial Courts in the Republic of Kazakhstan".

Key words: provisional resolution, delegated legislation, law, draft law, Constitution, Parliament, Government.

Kipicne

Бұл мақалада өкілетті заңнама институты қарастырылады. Жакын шетел мемлекеттерінің ғылыми әдебиеттерінде өкілетті заңнама мәселесіне арналған жарияланымдар жеткілікті болғанымен, отандық ғылымда бұл институт әлі де терең зерделенбеген. Тақырыптың өзектілігі 2022 жылы Қазақстан Республикасының Конституциясына Үкіметке заң күші бар уақытша қаулыларды қабылдау құқығын беретін норманың енгізілуімен байланысты. Бұл қаулы Конституцияның 62-бабының 2-тармағында көзделген қауіп-қатерлер туындаған жағдайда ғана шығарылып, сонымен қатар Парламентке тиісті заң жобасы ұсынылуы тиіс.

Аталған норма жаңалық болғанымен, Қазақстанда өкілетті заң шығарушылық тәжірибесі бұрыннан бар. Бұл тәжірибе 1995 жылы, ХІІІ шақырылымдағы Жоғарғы Кеңес таратылғаннан кейін сәтті қолданылды. Сол кезеңде 1993 жылғы 28 қаңтардағы Конституция Жоғарғы Кеңесті заң шығарушы биліктің жалғыз органы ретінде танығанымен, Кеңес 1993 жылғы 10 желтоқсанда Президентке уақытша заң шығару өкілеттіктерін беру туралы арнайы Заң қабылдады. Соның негізінде Мемлекет басшысы бірқатар конституциялық және қарапайым заң күші бар жарлықтар қабылдады. Кейіннен Президенттің мұндай өкілеттігі 1995 жылғы Конституцияда конституциялық түрде бекітілді, бірақ одан кейін бұл құқық іс жүзінде қолданылған жоқ.

Қазақстан Республикасының Парламенті – заң шығарушы билік органы ретінде, Конституцияның 61-бабының 3-тармағында көзделген мәселелер бойынша заңдар қабылдайды. Алайда 2022 жылғы 5 маусымдағы республикалық референдум арқылы Конституцияға

енгізілген түзетулер Үкіметке заң күші бар уақытша нормативтік құқықтық актілерді қабылдау құқығын берді¹.

Ортақ қабылданған ғылыми көзқарастарда атқарушы билік органдары тарапынан заң күші бар актілердің қабылдануы өкілетті заңнама деп аталады.

Зерттеушілердің пікірінше, өкілеттікті беру – бұл атқарушы биліктің құқықшығармашылық өкілеттіктерінің уақытша кеңеюі [1, 171 б.] ; яғни, мұндай актілер бастапқыда заң қабылдау құқығына ие емес орган тарапынан қабылданады, бірақ оған бұл өкілеттік Парламент немесе Конституция арқылы берілген болуы мүмкін [2, 6 б.].

Өкілеттігі берілген (өкілетті) заңнама – бұл Парламент құзыретіне жататын мәселелер бойынша, атқарушы органдардың өкілеттіктері негізінде қабылданатын жоғарғы немесе заңнан төменгі күші бар нормативтік құқықтық актілер жиынтығы ретінде де қарастырылады [3, 85 б.].

Өкілеттігі берілген (өкілетті) заңнама институтының қажеттілігі мен оның артықшылықтары заңмен реттеуді талап ететін мәселелердің күрделілігі мен алуан түрлілігімен, сондай-ақ парламенттік рәсімдердің ұзақтығы мен шектеулілігімен негізделеді [4, 51 б.]. Мұндай заңнаманың икемділігі – жаңа жағдайларға тез әрекет етуге мүмкіндік береді. Шетел заңнамасын зерттеу көрсеткендей, заң шығарушы өкілеттіктердің атқарушы билікке делегирленуі, әдетте, арнайы нормативтік құқықтық актінің қабылдануы арқылы жүзеге асырылады және мұндай актілерге парламенттік бақылау тетіктері белгіленеді.

Қазақстанның конституциялық заңнамасы бұл тұрғыда бірқатар кемшіліктерге ие және жетілдіруді қажет етеді.

Материалдар мен әдістер

Бұл зерттеу үшін төмендегідей материалдар пайдаланылды:

– өкілеттігі берілген (өкілетті) заңнама және атқарушы биліктің құқықшығармашылық өкілеттіктері мәселелері жөніндегі отандық және шетелдік құқықтанушылардың ғылыми еңбектері;

– Қазақстан Республикасының Конституциясы (2024 жылғы жағдай бойынша редакциясы), сондай-ақ шетел мемлекеттерінің өкілеттігі берілген (өкілетті) заңнама институтын реттейтін конституциялық-құқықтық нормалары (әсіресе Франция, Германия, Италия, Ұлыбритания);

– Scopus және Web of Science халықаралық дерекқорларында индекстелген ғылыми жарияланымдарда тұжырымдалған құқықтық ұстанымдар;

– Қазақстан Республикасының ресми нормативтік құқықтық актілері, соның ішінде Конституцияның 61-бабы 2-тармағына сәйкес қабылданған Үкіметтің уақытша қаулылары мен заң жобалары;

– Қазақстан мен ТМД елдерінің жетекші заң журналарында жарық көрген аналитикалық және шолу сипатындағы мақалалар.

Зерттеу барысында ғылыми танымның кешенді әдістері қолданылды:

– Салыстырмалы-құқықтық әдіс – өкілеттігі берілген (өкілетті) заңнама институтының әртүрлі мемлекеттердегі құқықтық реттелуін салыстыру, сондай-ақ қазақстандық заңнаманы халықаралық тәжірибемен салғастыру мақсатында қолданылды;

– Тарихи-құқықтық әдіс - Қазақстанда бұл институттың алғаш қолданылған 1995 жылдан бастап, 2022 жылғы реформалық өзгерістерге дейінгі кезеңдегі эволюциясын зерделеу үшін пайдаланылды;

– Аналитикалық және логикалық әдістер - Конституция мен заңдар нормаларын, атап айтқанда 61-баптың 3 және 4-тармақтарын түсіндіру және олардың конституциялық әрі әкімшілік құқық нормаларымен жүйелі байланысын бағалау кезінде қолданылды;

¹ Қазақстан Республикасының Конституциясы. 1995 жылы 30 тамызда республикалық референдумда қабылданды. Қазақстан Республикасының 1998 жылғы 7 қазандағы, 2007 жылғы 21 мамырдағы, 2011 жылғы 2 ақпандағы, 2017 жылғы 10 наурыздағы, 2019 жылғы 23 наурыздағы, 2022 жылғы 8 маусымдағы, 2022 жылғы 17 қыркүйектегі заңдарына өзгерістер мен толықтырулар енгізілді // https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_

– Құрылымдық-функционалдық әдіс - Үкіметтің уақытша қаулыларының құқық қайнаркөздері жүйесіндегі рөлін және олардың Парламент қабылдайтын заңдармен арақатынасын бағалау үшін пайдаланылды;

– Доктриналық талдау - заң шығарушы және атқарушы билік өкілеттіктерін ажыратуға байланысты ғылыми көзқарастарды зерделеуге бағытталды;

– Контент-талдау - нормативтік құқықтық актілер мен ғылыми жарияланымдарды мазмұндық тұрғыда жүйелеу, Қазақстан мен өзге елдерде өкілеттігі берілген (өкілетті) заңнаманың қолданылу негіздері, тәртібі, жағдайлары мен салдарын талдау мақсатында жүргізілді.

Осы әдістерді үйлестіріп қолдану зерттеліп отырған институтты жан-жақты талдауға және оны жетілдіруге бағытталған практикалық ұсыныстар әзірлеуге мүмкіндік берді.

Нәтижелер және талқылау

Өкілеттігі берілген (өкілетті) заңнама көптеген шетел мемлекеттерінің (Италия, Испания, Германия, Франция, Канада, Дания, Финляндия, Польша, АҚШ, Бельгия, Португалия, Австралия, Аргентина, Грекия, Бразилия, Жапония, Қытай, Алжир, Тунис, Оңтүстік Корея және т.б.) конституцияларында бекітілген.

Ғалымдар Ұлыбританияда өкілеттігі берілген (өкілетті) заңнамаға парламенттік бақылаудың болуы мен оның ерекшеліктерін зерттеп, бұл тәжірибені өзге елдермен салыстыра отырып, бақылау жүйесінің күшті және әлсіз тұстарын айқындайды [5]. COVID-19 пандемиясы кезінде Австралия, Жаңа Зеландия және Ұлыбритания секілді Уэстминстер үлгісіндегі елдерде өкілеттігі берілген (өкілетті) актілерге парламенттік бақылау қалай жүзеге асырылғанына салыстырмалы зерттеулер жүргізілді [6]. Бұл кезеңде шұғыл әрекетті талап еткен жағдайларда өкілеттігі берілген (өкілетті) заңнаманың рөлі ерекше байқалды.

Сондай-ақ, өкілеттігі берілген (өкілетті) заңнаманың соттық бақылауы туралы теориялық зерттеулерде бұл институттың заң үстемдігі мен адам құқығы қағидаттары тұрғысынан қайта қарастырылуы қажеттігі айтылды [7]. Еуропалық комиссияның заң шығару өкілеттігін жүзеге асыруы Еуропа Одағына мүше елдердің ішкі заңнамасына ықпал етіп, үшінші деңгейлі құқықтық нормаларға бағынбау қатері туындағанын көрсетеді [8].

Индонезияда өкілеттігі берілген (өкілетті) заңнама иерархиясының үлгісі ұсынылып, нормативтік құқықтық актілердің шамадан тыс көптігіне байланысты проблемалар талданды және оларды шешу жолдары ұсынылды [9].

Франция Конституциясында Парламенттің заң шығару құзыретін шектеу идеясы бекітілген. Яғни Парламент тек 34-бапта көрсетілген мәселелер бойынша заңдар қабылдай алады. Ал өзге барлық сала бойынша Үкіметтің регламенттік актілер қабылдауына жол ашылады (37-бап). Сонымен қатар, 38-бапта Парламент Үкіметке нақты мерзімге заң күші бар регламенттік актілер қабылдауға өкілеттік бере алатыны қарастырылған. (ст.ст.34,37,38)²

ТМД елдерінде өкілеттігі берілген (өкілетті) заңнаманың конституциялық негіздері Беларусь, Армения, Түрікменстан және Қазақстанда көрініс тапқан.

Аталған нормалардың мазмұны мен қолданылу тәжірибесі ғылыми әдебиеттерде жан-жақты зерттеліп келеді [1; 10; 11]. Сонымен қатар, өкілеттігі берілген (өкілетті) заңнаманың келесі ортақ шарттары шетелдік тәжірибеде анықталған:

1. Өкілеттігі берілген (өкілетті) актілер конституциялық нормаға және заң шығарушы органның тікелей тапсырмасына негізделуі керек. Мұндай тапсырма, әдетте, заң түрінде рәсімделеді.

2. Аталған өкілеттік орталық үкіметке, федерация субъектілерінің жоғары атқарушы органдарына немесе кейде мемлекет басшысына беріледі.

3. Өкілеттігі берілген (өкілетті) актілердің қолданыс мерзімі нақты уақытпен шектеледі немесе Парламент өзінің заңын қабылдағанға дейін ғана жарамды болады.

4. Бұл актілер қандай мәселелер бойынша және қандай мақсатпен қабылданатыны конституцияда, арнайы заңда немесе парламенттік рәсімде нақты көрсетілуі тиіс.

²1958 жылғы 4 қазандағы Франция Республикасының Конституциясы // https://www.conseil-constitutionnel.fr/sites/default/files/as/root/bank_mm/constitution/constitution_russe_version_aout2009.pdf

5. Парламент, әдетте, мұндай актілерді бекітуге, жоюға және олардың орындалуын бақылауға құқылы болады.

6. Өкілеттігі берілген (өкілетті) актілердің конституцияға сәйкестігі тиісті конституциялық бақылау органдары арқылы тексерілуі тиіс.

Қазақстандағы өкілеттігі берілген (өкілетті) заңнаманың конституциялық негіздері мен тарихи тәжірибесі

1. Қазақстан Республикасы Конституциясының 1995 жылғы редакциясы бастапқыдан-ақ атқарушы билікке заңдық сипаттағы актілерді қабылдауға мүмкіндік беретін механизмдерді қамтыды³. Бұл, әсіресе, Франция үлгісінен алынған Парламенттің заң шығару функциясын шектеу қағидатында көрініс тапты. Конституцияның 61-бабының 3-тармағында белгіленген тізімге кірмейтін мәселелер бойынша реттеу заңға сәйкес актілер арқылы жүзеге асырылады [12, 234 б.; 13, 28 б.; 14].

Алайда бұл тармақта ғылым, мәдениет, кедендік қатынастар, дене шынықтыру және спорт, ақпараттандыру сияқты салалар қамтылмаған. Дегенмен, осы салаларда заңдар қабылданған. Бұл өз кезегінде 61-баптың нақты жұмыс істемейтіндігін, Парламент пен Үкіметтің құқықшығармашылық өкілеттіктерінің ара-жігін айқын ажырату қажеттігін, тіпті бұл шектеулерден бас тарту орынды екенін көрсетеді.

2. Өкілеттігі берілген (өкілетті) заңнамалық актілерді қабылдау құқығы қазіргі кезде Үкіметке берілген. Бұған дейін бұл өкілеттік Президентке тиесілі болды.

Қазақстанда бұл институт алғаш рет 1993 жылы қолданылған. XII шақырылымдағы Жоғарғы Кеңестің 1993 жылғы 10 желтоқсанда қабылдаған «Президентке және жергілікті әкімдерге қосымша өкілеттіктер беру туралы» Заңы Мемлекет басшысына заң күші бар жарлықтар шығаруға уақытша құқық берді⁴. Бұл – Конституцияда арнайы бекітілмеген, бірақ Парламенттің тікелей делегирлеуі арқылы жүзеге асқан өкілеттік болатын.

Аталған тәжірибе 1995 жылы XIII шақырылымдағы Жоғарғы Кеңес таратылғаннан кейін жалғасын тапты. Конституциялық Соттың 1995 жылғы 6 наурыздағы қаулысымен Жоғарғы Кеңестің сайлауы конституцияға қайшы деп танылып, 1993 жылғы Заңның күші қайта қалпына келтірілді. Осы кезеңде Президент референдумға жаңа Конституция жобасын ұсынып, сонымен қатар конституциялық және жай заң күші бар жарлықтар қабылдады. Олар биліктің орталық және жергілікті органдарының мәртебесін, әлеуметтік-экономикалық реформаларды жүзеге асыру тетіктерін айқындады.

1995 жылғы Конституцияның алғашқы нұсқасында Парламентке Президентке заң шығарушы өкілеттіктерді бір жыл мерзімге делегирлеу құқығы берілген болатын (53-бап)⁵. Сонымен қатар Президент заң жобасының басымдықтығын белгілей алатын, бұл Парламентке оны бір ай ішінде қарауға міндет жүктейтін. Егер бұл талап орындалмаса, Президент заң күші бар жарлық шығара алатын.

Бұл механизм екі нысанда жүзеге асты:

– біріншісі - тікелей делегирлеу және заңның бір жылдық күшіне ие болуы;

– екіншісі - Парламенттің әрекетсіздігі жағдайында қабылданған Президенттің жарлығы, ол Парламент өз заңын қабылдағанға дейін қолданыста болады.

Яғни Қазақстанда өкілеттігі берілген (өкілетті) заңнаманың тарихи тәжірибесі жеткілікті.

3.2017 жылы Конституцияға енгізілген өзгерістер Президентті заң күші бар актілерді қабылдау құқығынан айырды. Алайда мұндай актілерге деген қажеттілік сақталып қалды, себебі қоғамдық қатынастардың қарқынды дамуы 61-бапта қамтылмаған жаңа салаларда заңнамалық

³Қазақстан Республикасының Конституциясы

⁴"Қазақстан Республикасының Президентіне және жергілікті әкімшілік басшыларына қосымша өкілеттіктерді уақытша беру туралы" 1993 жылғы 10 желтоқсандағы ҚР Заңы //ҚР Жоғарғы Кеңесінің Жаршысы. - 1993. - № 23-24. - 513-бап

⁵Қазақстан Республикасының Конституциясы (07.10.1998 ж. өзгерістер мен толықтырулар енгізілгенге дейін қолданыста болған бастапқы редакция) //Егеменді Қазақстан. – 1995. - 5 қыркүйек

реттеуді талап етеді. Сонымен қатар дағдарыстық жағдайларда атқарушы биліктің шұғыл әрекеті қажет болады, ал бұл қолданыстағы өкілеттіктер аясында мүмкін бола бермейді.

2022 жылғы конституциялық реформа аясында 61-баптың 2 және 3-тармақтары толықтырылып, Үкіметке елдің өмірі мен денсаулығына, конституциялық құрылымға, қоғамдық тәртіпке, экономикалық қауіпсіздікке қатер төндіретін жағдайларда дереу әрекет етуді талап ететін заң жобаларын Парламентке бір мезгілде ұсынып, уақытша заң күші бар актілер қабылдауға құқық берілді. Мұндай актілер Парламент өз заңын қабылдағанға дейін немесе қабылдаудан бас тартқанға дейін әрекет етеді⁶.

Бұл норма Конституциялық заңның 10-бабында да (18.12.1995 ж. «Қазақстан Республикасының Үкіметі туралы») көрініс тапқан⁷. Мұндай актілердің заң күші Конституциямен тікелей танылғандықтан, оларды қабылдау үшін Парламент тарапынан арнайы делегирлеу заңы қажет етілмейді.

Өкілеттігі берілген (өкілетті) актілерді қабылдау тәртібіндегі құқықтық қайшылықтар мен шешілмеген мәселелер

4. Конституциялық нормада өкілдік етудің мақсаттары, шарттары мен тәртібі белгіленген. Оны пайдалану үшін заң жобасы депутаттардан немесе Президенттен емес, Үкіметтен шығуы керек. Заң жобасының мақсаты – адамның бірінші кезектегі құқықтарына, құқықтық тәртіпке, билік институттарына және т. б. қауіп төндіретін туындаған жағдайларға жедел ден қою, бірақ неге біз тек экономикалық қауіпсіздік туралы айтып отырмыз? Ақпараттық, әскери, саяси қауіпсіздікке қауіп төнген кезде Үкімет жауап бермеуі керек?

Бастамашылық жасаған заң жобасын Парламент дереу қарауы керек, яғни құжатты оның қарауына шығарған кезде артық бюрократиялық кідірістер мен мерзімдерді кешіктірмеу керек.

Заң жобасы палаталардың бірлескен отырысында қаралуға тиіс. Заңдарды қабылдаудың конституциялық тәртібі оны Мәжілісте, содан кейін Сенатта дәйекті қарауды көздейді. Әр түрлі конституциялық нормалар арасындағы сәйкессіздік бар.

Мұндай жағдай парламенттік демалыс кезінде туындауы мүмкін. Конституция Президентке өз бастамасы, Палата төрағаларының немесе Парламент депутаттарының үштен бірінің ұсынысы бойынша Парламенттің кезектен тыс сессиясын шақыруға мүмкіндік береді (59-баптың 4-тармағы)⁸.

Мұнда келесі алгоритм мүмкін. Үкімет Президентке, палаталардың бірінің төрағасына немесе депутаттарға жүгінеді. Егер Парламентте үкіметті құрған партиялардың бірінің немесе партиялар блогының тұрақты көпшілігі болса, онда үкіметтің бастамасы қолдау табады. Бұл Президентке де қатысты, бірақ ол ресми түрде партиялардың ешқайсысына кірмейді, бірақ егер ол Үкімет сияқты саяси бағдарламаға бағытталған болса, ешқандай қиындықтар болмайды. Әр түрлі саяси күштер ұсынылған көппартиялы Мәжілісте коалициялық үкімет құрылған кезде бұл басқа мәселе. Содан кейін кезектен тыс сессияны шақырудан бас тартылуы мүмкін не жоғары атқарушы органның уақытша қаулысы қабылданған жағдайда оның қолданылу мерзімі осы мәселе бойынша заң қабылдаудан бас тартумен аяқталады.

Премьер-Министр Парламент бастамашылық еткен заң жобасын шұғыл қабылдаудан бас тартқан жағдайда, егер ол осы құқықты бір жыл ішінде пайдаланбаса немесе оны бір рет қана пайдаланса, Үкіметке сенім туралы мәселе қою рәсімін қолдана ала ма, белгісіз?

Әзірге бұл сұрақтарға заңнамада жауап жоқ. Алайда парламенттік каникул кезеңінде заң жобасын шұғыл қарау жағдайындағы Үкіметтің іс-қимыл алгоритмі нормативтік бекітуді талап етеді.

5. Конституцияның 61-бабы Президенттің заң жобаларын қараудың басымдылығын айқындау құқығын сақтап қалғанымен, ол жеделдетілген, 2 айға дейін, оларды қабылдауды

⁶Қазақстан Республикасының Конституциясы

⁷«Қазақстан Республикасының Үкіметі туралы» 1995 жылғы 18 желтоқсандағы ҚР Конституциялық заңы

⁸Қазақстан Республикасының Конституциясы

көздейді, осы норманың императивтілігіне қарамастан, осы талапты орындамаудың салдары белгіленбейді. Парламенттің қазіргі құрамымен мұндай оқиға мүмкін емес. Бірақ Мәжілісте оппозициялық партиялар мен тәуелсіз кандидаттар пайда болған және бір партияда Конституциялық көпшілік болмаған жағдайда, Президенттің талабын орындамаудың салдарын болжау мүмкін емес.

Мұндай норманың болуы Президент Әкімшілігінің Парламентке қысымының қосымша құралы болып табылады, бұл биліктің бөліну принципіне нұқсан келтіреді. Сондықтан ол «жаңа» Қазақстанда қолайсыз.

6. Заң күші бар уақытша қаулы Үкімет «өз жауапкершілігімен» шығарады. Бұл мұндай әрекетті қабылдаудың жағымсыз салдары үшін тек өзі жауап береді деп болжайды. Мысалы, егер бұл бағаның өсуіне, тауар тапшылығына, шағын кәсіпкерлердің жаппай күйреуіне, халықтың кедейленуіне, әлеуметтік шиеленістің өсуіне әкеп соқтырса, бұл Парламент немесе Мәжіліс тарапынан Үкіметке сенімсіздік білдірумен немесе өз бастамасымен Президенттің өкілеттігін тоқтатумен аяқталуы мүмкін.

7. Конституциялық норма Парламент осы мәселе бойынша өз заңын қабылдағанға дейін мұндай актілердің қолданылу уақытын шектейді. Сонымен қатар, мұндай заңның негізінде белгілі бір немесе елеулі түзетулермен осы үкіметтік акт болуы мүмкін. Алайда, уақытша заңнамалық қаулының қолданылу мерзімі Парламенттің мұндай заңды қабылдаудан бас тартуымен шектелуі мүмкін. Ол үшін оны қабылдау немесе қабылдамау императивтілігі жоқ. Біздің ойымызша, бұл дұрыс тәсіл, өйткені заң шығарушы билік өз құзыретіндегі мәселелер бойынша атқарушы билікке тікелей бағынбауы керек.

8. «Құқықтық актілер туралы» заң Үкіметтің заң күші бар уақытша қаулыларын заңнамалық актілерге (пп.7) 1-бап); нормативтік құқықтық актілердің туынды түріне (пп.1) 7-баптың 2-тармағы); нормативтік құқықтық актілер иерархиясында олардың шоғырландырылған және қарапайым заңдармен (пп.4) 10-баптың 2-тармағы)⁹.

Бұл ретте Конституцияда мұндай актілер «заң шығарушы» деп жіктелмеген (62-баптың 1-тармағы). Әзірлеуші бұл сәтті жіберіп алғаны анық. Сонымен бірге, бұрын басқа жұмыстарда айтылған осы терминді қолданудың қолайсыздығы туралы ұстанымымыз сақталады.

Заңның 17-1-бабының 5-тармағында заңнамалық сипаттағы уақытша қаулыларды дайындаудың мазмұны, шарттары мен тәртібі, сондай-ақ тиісті заң жобасын бір мезгілде әзірлеу және Парламентке енгізу жөніндегі талаптар қамтылады.

9. Дамыған демократия елдерінде берілген заңнаманы регламенттеуден айырмашылығы, Қазақстанда мұндай актілерге Парламенттің арнайы бақылау өкілеттіктері бекітілмеген.

10. Заңнамада Үкіметтің уақытша қаулыларының конституциялылығын тексеру туралы арнайы ережелер болмаса да, ол Президенттің, Бас Прокурордың, соттардың, адам құқықтары жөніндегі уәкілдің және азаматтардың бастамасымен жүзеге асырылуы мүмкін. Бірақ соңғы үш субъект үшін Конституциялық Сотқа жүгіну адамның конституциялық құқықтары мен бостандықтарын қозғайтын мәселелермен шектеледі. Соттар мен азаматтар үшін дауласу оларды нақты істерді қарау кезінде қолданған кезде ғана мүмкін болады.

Ғалымдар осы институтты конституцияларда немесе жекелеген заңдарда егжей-тегжейлі бекітуге бағытталған өкілетті заң актілеріне және құқық қолдануда туындайтын проблемаларға қатысты құқықтағы олқылықтарды жою туралы әртүрлі пікірлер айтты [3, 85 б.; 15, 70-71 б.; 16, 59-61б.]. Әлбетте, бұл ұсыныстар Парламент пен Үкіметтің заң шығару қызметін реттейтін заңнаманы жетілдіру кезінде оларды ықтимал іске асыру бөлігінде мұқият зерттеуді қажет етеді.

Қорытынды

2022 жылғы Конституциялық реформа өкілетті заңнама институтын қайта жандандырды. Бұл институт алғаш рет Қазақстан заңнамалық тәжірибесінде 1995 жылы Президенттің 1993 жылғы Заң негізінде заң күші бар актілер қабылдау арқылы жүзеге асқан болатын. Қазіргі таңда

⁹ «Құқықтық актілер туралы» 2016 жылғы 6 сәуірдегі ҚР Заңы // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1600000480>

бұл өкілеттік Үкіметке берілген және ол арнайы Парламенттің делегирлеу туралы Заңынсыз-ақ, белгілі бір шұғыл жағдайлар туындаған кезде, уақытша заң күші бар нормативтік қаулы қабылдауға құқылы.

Үкімет қабылдайтын мұндай қаулының уақытша сипаты мен қолданылу шегі нақты белгіленген - ол тек Парламент тиісті заң қабылдағанға дейін немесе одан бас тартқанға дейін ғана әрекет етеді. Мұндай қаулы заң жобасымен қатар ұсынылуы тиіс және нақты заңнамалық бастамамен қатар жүреді.

Алайда өкілетті заңнама институтын құқықтық реттеу барысында бірқатар кемшіліктер мен қайшылықтар орын алуда. Атап айтқанда:

- үкімет бастамашылық ететін шұғыл заң жобаларын ұсыну негіздерінің тарлығы (мысалы, ақпараттық, экологиялық немесе әскери қауіпсіздік көрсетілмеген);
- Парламент каникулы кезеңінде уақытша қаулы қабылдау тәртібінің нақты белгіленбеуі;
- мұндай актілер бойынша парламенттік бақылаудың болмауы;
- Парламенттің бірлескен отырысында Үкімет бастамасымен ұсынылған заң жобасын қарау рәсімі мен Конституцияның 54-бабы арасындағы қайшылық;
- Президенттің заң жобаларын басымдықпен қарауды талап ету құқығының билік тармақтарының бөлінісі қағидасына қайшы келуі.

Осыған байланысты өкілетті заңнама институтының қолданыстағы құқықтық реттелуін нақтылау және жетілдіру қажет. Бұл - құқықтық қайшылықтарды жойып, билік тармақтары арасындағы тепе-теңдікті қамтамасыз етуге және атқарушы биліктің Парламентті айналып өтіп, заң шығару қызметін иемденуінің алдын алуға мүмкіндік береді.

Авторлардың қосқан үлесі

Авторлар зерттеу тұжырымдамасын әзірлеуге, зерттеуді жүргізуге және мақаланың соңғы нұсқасын дайындауға елеулі үлес қосты:

Жанузакова Л.Т. зерттеудің жалпы дизайнын әзірледі, мәселені талдады, «Нәтижелер мен талқылау», «Қорытынды» бөлімдерін дайындады;

Бейсенбаева М.Т. аннотацияны, кіріспе, «Материалдар мен әдістер» бөлімдерін дайындады, ғылыми әдебиеттерге шолу жасады, мәтінді аударды, библиографиялық тізімді рәсімдеді.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1 Васильева Т.А. Акты делегированного законодательства как источник публичного права зарубежных стран // Труды Института государства и права Российской академии наук. - 2011. - № 1. - С.171-194.

2 Троицкий В.С. Делегированное правотворчество: теория и практика: автореф. дисс....канд.юрид.наук. – М., 2005. – 20 с.

3 Аксенович О.А. Понятие и современное значение делегированного законодательства //Общество и право. – 2009. - № 4. – С.80-86.

4 Арефина С.И. Проблемы делегированного законодательства в зарубежных странах. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. - 2002. - С. 49-63.

5 Fleming T.G., Ghazi T. Parliamentary Scrutiny of Delegated Legislation: Lessons from Comparative Experience // The Political Quarterly. – 2023. – Vol. 94, Issue 3. – P. 412–419. DOI: 10.1111/1467-923X.13290

6 Dey P., Murphy J. R. Pandemic Parliamentary Oversight of Delegated Legislation: Comparing the Performance of Westminster Systems // ICL Journal of International Constitutional Law. – 2021. DOI: 10.1515/icl-2021-0004

7 Chng K. Re-examining Judicial Review of Delegated Legislation // Legal Studies. – 2024. – Vol. 44, Issue 1. – P. 81–98. DOI: 10.1017/lst.2023.7

8 Yordanova N., Zhelyazkova A. *Delegating Legislative Powers to the European Commission: The Threat of Non-Compliance with Tertiary Legislation in the Member States* // *Journal of Public Policy*. – 2024.

9 Al-Fatih S., Safaat M. A., Widiarto A. E. et al. *The Hierarchical Model of Delegated Legislation in Indonesia* // *Lex Scientia Law Review*. – 2023. – Vol. 7, No 2. – P. 629–658. DOI: 10.15294/lesrev.v7i2.74651

10 Лебедева М.Л. Технологии институциональной организации регламентаризма Французской республики // *Бизнес в законе*. – 2015. - № 3. - С.13-16.

11 Червонюк В.И., Якадин Д.Д. Делегирование законодательных полномочий как вид юридических производств (сравнительно-правовой анализ) // *Вестник Саратовской юридической академии*. – 2014 - № 3. – С.180-187.

12 Жанузакова Л.Т. Некоторые вопросы совершенствования законодательного процесса в Республике Казахстан // *Сб.науч.статей по итогам первого Севаст.юрид. форума, прошедшего 27-28 сентября 2018 г.* - М.:Центркаталог, 2019. – С.232-239.

13 Жанузакова Л.Т., Нургазинов Б.К., Караев А.А. Некоторые вопросы разграничения законодательного и подзаконного регулирования // *Вестник Института законодательства и правовой информации РК*. – 2021. - № 1. - С.22-34.

14 Жанузакова Л. Т. *Legal Framework for Delegated Legislation* // *Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of RK*. – 2023. – № 3(74). – С. 40–57. DOI:10.52026/2788-5291_2023_74_3_40

15 Кирякова И.Н. Конституционное закрепление института делегированного законодательства в зарубежных странах // *Вестник. Белорус. гос. ун-та*. - 2020. - № 2. – С.68-71.

16 Егоров А.В. Конституционные аспекты отечественного нормотворчества // *Конституционно-правовые проблемы формирования социального правового государства: Мат. Межд.. науч.-практ. конф.* - Мн., 2000. - С.59–61.

References:

1 Vasil'eva T.A. *Akty delegirovannogo zakonodatel'stva kak istochnik publichnogo prava zarubezhnyh stran* // *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk*. - 2011. – № 1. - S.171-194

2 Troickij V.S. *Delegirovannoe pravotvorchestvo: teorija i praktika: avtoref. diss....kand.jurid.nauk.* – М., 2005. – 20 s.

3 Aksenovich O.A. *Ponjatie i sovremennoe znachenie delegirovannogo zakonodatel'stva* // *Obshhestvo i pravo*. – 2009. - № 4. – S.80-86

4 Arefina S.I. *Problemy delegirovannogo zakonodatel'stva v zarubezhnyh stranah. (Obzor)* // *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Ser. 4, Gosudarstvo i pravo: Referativnyj zhurnal*. - 2002. - S. 49-63.

5 Fleming T. G., Ghazi T. *Parliamentary Scrutiny of Delegated Legislation: Lessons from Comparative Experience* // *The Political Quarterly*. – 2023. – Vol. 94, Issue 3. – P. 412–419. DOI: 10.1111/1467 923X.13290

6 Dey P., Murphy J. R. *Pandemic Parliamentary Oversight of Delegated Legislation: Comparing the Performance of Westminster Systems* // *ICL Journal of International Constitutional Law*. – 2021. DOI: 10.1515/icl 2021 0004

7 Chng K. *Re examining Judicial Review of Delegated Legislation* // *Legal Studies*. – 2024. – Vol. 44, Issue 1. – P. 81–98. DOI: 10.1017/lst.2023.7

8 Yordanova N., Zhelyazkova A. *Delegating Legislative Powers to the European Commission: The Threat of Non Compliance with Tertiary Legislation in the Member States* // *Journal of Public Policy*. – 2024.

9 Al Fatih S., Safaat M. A., Widiarto A. E. et al. *The Hierarchical Model of Delegated Legislation in Indonesia* // *Lex Scientia Law Review*. – 2023. – Vol. 7, No 2. – P. 629–658. DOI: 10.15294/lesrev.v7i2.74651

10 Lebedeva M.L. *Tehnologii institucional'noj organizacii reglamentarizma Francuzskoj respubliki* // *Biznes v zakone*. – 2015. – № 3. – S.13-16.

11 Chervonjuk V.I., Jakadin D.D. *Delegirovanie zakonodatel'nyh polnomochij kak vid juridicheskikh proizvodstv sravnitel'no-pravovoj analiz*) // *Vestnik Saratovskoj juridicheskoi akademii*. – 2014 - № 3. – S.180-187

12 Zhanuzakova L.T. *Nekotorye voprosy sovershenstvovaniya zakonotvorcheskogo processa v Respublike Kazahstan* // *Sb.nauch.statej po itogam pervogo Sevast.jurid. foruma, proshedshego 27-28 sentjabrja 2018 g.* - M.:Centrkatalog, 2019. – S.232-239.

13 Zhanuzakova L.T., Nurgazinov B.K., Karaev A.A. *Nekotorye voprosy razgranichenija zakonodatel'nogo i podzakonnogo regulirovanija* // *Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii RK*. – 2021. - № 1. - S.22-34.

14 Zhanuzakova L. T. *Legal Framework for Delegated Legislation* // *Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of RK*. – 2023. – № 3(74). – S. 40–57. DOI:10.52026/27885291_2023_74_3_40

15 Kirjakova I.N. *Konstitucionnoe zakreplenie instituta delegirovannogo zakonodatel'stva v zarubezhnyh stranah* // *Vestnik. Belorus. gos. un-ta*. - 2020. - № 2. – S.68-71.

16 Egorov A.V. *Konstitucionnye aspekty otechestvennogo normotvorchestva* // *Konstitucionno-pravovye problemy formirovanija social'nogo pravovogo gosudarstva: Mat. Mezhd.. nauch.-prakt. konf.* - Mn., 2000. - S.59–61.

КОНСТИТУЦИЯЛЫҚ ҚҰҚЫҚ. ӘКІМШІЛІК ҚҰҚЫҚ ЖӘНЕ ПРОЦЕСС
КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС
CONSTITUTIONAL LAW. ADMINISTRATIVE LAW AND PROCESS

IRSTI 10.15.33
UDC 342.5

10.51889/2959-6181.2025.81.3.003

Ye.Adam^{1*}

¹ Tashkent State Law University
(E-mail: *ernar.adam75@gmail.com)

**CONSTITUTIONAL COURT OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN:
ISSUES IN THE IMPLEMENTATION OF ITS COMPETENCE AND PROSPECTS FOR
DEVELOPMENT**

Abstract

The article is devoted to a comprehensive analysis of the current state and prospects for the development of the institution of constitutional justice in the Republic of Kazakhstan in the context of constitutional reform. It reveals the theoretical and legal foundations of constitutional control and the specifics of the institutional evolution of the Constitutional Court, which, as a result of reforms, has acquired the status of a full-fledged judicial body. Much attention is paid to the new right of citizens to file constitutional complaints, which has significantly strengthened the potential for protecting fundamental rights and freedoms of the individual. The main problems of the Constitutional Court's jurisdiction are identified: a heavy workload on the constitutional justice body with limited procedural filters for the admissibility of complaints and insufficient transparency of procedures. It is noted that without the creation of a system of parliamentary and public control over the implementation of the decisions of the Constitutional Court, there remains a risk of undermining the role of constitutional justice. The article argues for the need to introduce additional procedures, in particular, the amicus curiae mechanism, as a way to improve the quality of case consideration and strengthen trust in the court. It is emphasized that public trust and the development of a legal culture are the determining factors for the stability of democratic institutions. The conclusion is made that further improvement of constitutional control in Kazakhstan should combine the institutional independence of the court, the binding nature of its decisions, and the broad involvement of civil society.

Key words: constitution, human rights, constitutional justice, constitutional review, constitutional court, constitutional reform, constitutional complaint.

Е.Адам¹

¹ Ташкент мемлекеттік заң университеті

**ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ КОНСТИТУЦИЯЛЫҚ СОТЫ:
ҚҰЗЫРЕТТІЛІГІН ЖҮЗЕГЕ АСЫРУ МӘСЕЛЕЛЕРІ ЖӘНЕ ДАМУ
ПЕРСПЕКТИВАЛАРЫ**

Аңдатпа

Мақалада Қазақстан Республикасындағы конституциялық реформалар жағдайында конституциялық әділет институтының қазіргі жай-күйі мен даму перспективаларына кешенді талдау жасалады. Конституциялық бақылаудың теориялық-құқықтық негіздері және

реформаның нәтижесінде толыққанды сот органы мәртебесіне ие болған Конституциялық соттың институционалдық эволюциясының ерекшеліктері ашып көрсетіледі. Азаматтардың конституциялық шағым жасау құқығына ерекше көңіл бөлінген, бұл құқық адамның негізгі құқықтары мен бостандықтарын қорғау әлеуетін едәуір арттырды. Конституциялық соттың құзыретіне қатысты негізгі мәселелер анықталған: конституциялық әділет органына түсетін жүктеменің жоғары болуы, шағымдарды қабылдаудың процессуалдық сүзгілерінің жеткіліксіздігі және рәсімдердің айқын еместігі. Конституциялық сот шешімдерінің орындалуына парламенттік және қоғамдық бақылау жүйесі құрылмайынша, конституциялық әділеттің рөлінің төмендеу қаупі сақталатыны атап өтілген. Мақалада істерді қарау сапасын арттыру және сотқа деген сенімді нығайту тәсілі ретінде *amicus curiae* тетігін енгізу қажеттігі негізделеді. Қоғамның сенімі мен құқықтық мәдениеттің дамуы демократиялық институттардың тұрақтылығының шешуші факторлары екендігі айқын көрсетілген. Қазақстандағы конституциялық бақылауды одан әрі жетілдіру соттың институционалдық тәуелсіздігін, оның шешімдерінің міндеттілігін және азаматтық қоғамның кеңінен қатысуын үйлестіруі тиіс деген қорытынды жасалған.

Түйін сөздер: конституция, адам құқықтары, конституциялық әділет, конституциялық бақылау, Конституциялық сот, конституциялық реформа, конституциялық шағым.

Адам Е.¹

¹ *Ташкентский государственный юридический университет*

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОМПЕТЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация

Статья посвящена комплексному анализу современного состояния и перспектив развития института конституционной юстиции Республики Казахстан в условиях конституционной реформы. Раскрываются теоретико-правовые основы конституционного контроля и специфика институциональной эволюции Конституционного Суда, который в результате реформ получил статус полноценного судебного органа. Большое внимание уделено новому праву граждан на конституционную жалобу, существенно усилившему потенциал защиты основных прав и свобод личности. Выявлены основные проблемы компетенции Конституционного Суда: высокая нагрузка на орган конституционной юстиции при ограниченных процессуальных фильтрах допустимости жалоб и недостаточная прозрачность процедур. Отмечено, что без создания системы парламентского и общественного контроля за исполнением решений Конституционного Суда сохраняется риск нивелирования роли конституционной юстиции. В статье аргументируется необходимость внедрения дополнительных процедур, в частности, механизма *amicus curiae*, как способа повышения качества рассмотрения дел и укрепления доверия к суду. Подчеркивается, что именно доверие общества и развитие правовой культуры являются определяющими факторами устойчивости демократических институтов. Сделан вывод о том, что дальнейшее совершенствование конституционного контроля в Казахстане должно сочетать институциональную независимость суда, обязательность его решений и широкое вовлечение гражданского общества.

Ключевые слова: Конституция, права человека, конституционная юстиция, конституционный контроль, Конституционный Суд, конституционная реформа, конституционная жалоба.

Introduction

The relevance of the study of the status of the Constitutional Court is due to changes in the system of constitutional control as a result of the constitutional reform of 2022. The proclaimed course towards building a New Fair Kazakhstan predetermined the need to strengthen judicial mechanisms for protecting individual rights and freedoms, including through the restoration of a full-fledged Constitutional Court as an independent body of constitutional justice. The introduction of this institution

marks a new stage in the development of the national model of separation of power and constitutional control, correlated with the trends of world practice.

Modern research is reflected in analytical reports and the writings of scientists. In the science of constitutional law of foreign countries, issues of institutionalization of constitutional justice and the transformation of its role in the context of political reforms are actively discussed. Particular importance is attached to the problems of the independence of constitutional courts in transitional democracies, the compliance of the activities of constitutional justice bodies with the principles of the rule of law.

Of undoubted interest is a study analyzing the process of transformation of the Constitutional Court of Kazakhstan into the Constitutional Council in 1995 and its subsequent use as an instrument of authoritarian legitimization. In the context of our research, this work seems valuable in view of the fact that it justifies the institutional risks of politicization of constitutional control bodies and serves as a negative background on which the latest model of the Constitutional Court of 2023 can be considered as an attempt to return the true judicial nature to this institution [1]. The legal literature indicates that "on the example of the constitutional reform of 2022 in Kazakhstan, one can see a significant potential of legal policy, law for minimizing, eliminating and preventing social conflicts, including democratic mechanisms for strengthening the unity of the people, cooperation in the interests of reforming and developing society" [2, p. 52].

However, in foreign literature there is another point of view regarding constitutional amendments: "on the one hand, they are a step towards democratization and strengthening the guarantees of human rights and freedoms; on the other hand, they strengthen existing undemocratic mechanisms of public administration", and it is further argued that these reforms generally fit into the paradigm of so-called authoritarian constitutionalism; and represent the adaptation of the constitutions of these countries to the current needs of their undemocratic presidents [3].

Researchers rightly believe that "that the study of this issue allows us to choose the optimal model that allows us to effectively solve the problems of national rulemaking. For the Republic of Kazakhstan, this problem is very important in the light of the formation of a new model of constitutional justice in the country, which requires scientific understanding, taking into account the accumulated world experience in organizing constitutional justice [4, p. 63].

Researchers are conducting an active scientific controversy about the advisability of reviving the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan, designed to provide citizens with direct access to constitutional justice. It is noted that procedural barriers are preserved, and individual complaints require simplification and expansion of legal tools [5].

The new hypostasis examines the relationship between constitutional and administrative justice, focusing on new opportunities for citizens to apply to the Constitutional Court [6, p. 34].

Thus, the status of the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan today is considered as a transitional institution - from the so-called "presidential council" to a full-fledged judicial body capable of really protecting rights and balancing power.

The purpose of the article is a comprehensive study of the status of the Constitutional Court as a body of constitutional control in the context of modern constitutional and legal reform.

Materials and methods

The study is based on a comprehensive approach combining both regulatory and comparative legal analysis. The materials for the study were the Constitution of the Republic of Kazakhstan of 1995, as amended during the constitutional reform of 2022, the Law of the Republic of Kazakhstan of November 5, 2022; regulatory decisions of the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan, including decisions of 2023 illustrating the formation of a new practice of constitutional control, analytical materials on the reform of 2022 and its impact on the development of the institution of constitutional justice; materials of international organizations on the rule of law and confidence in the judicial system. (Venice Commission of the Council of Europe, Association of Asian Constitutional Courts, etc.). The works of domestic and foreign researchers on constitutionalism, independence of courts and comparative law were used as sources.

The methodological basis of the study was the comparative legal method used to compare the model of constitutional control of Kazakhstan with foreign samples; formal legal method, which made it possible to identify the specifics of regulatory regulation of the status and competence of the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan; the historical and legal method used to analyze the evolution of the institution of constitutional control in Kazakhstan; a systematic approach that made it possible to consider the Constitutional Court as an element of the mechanism for sharing power and protecting human rights and freedoms; institutional and sociological analysis, including an assessment of public confidence and perceptions of ongoing reforms.

Results and discussion

The Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan was restored from January 1, 2023 as part of a large-scale constitutional reform approved at a republican referendum on June 5, 2022. The reform was a response to a public demand for democratization and political modernization after the protests in January 2022. If the Constitutional Council, which existed from 1995 to 2022, had limited powers and was more perceived as an instrument of political power, then the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan was modeled as an independent judicial body with the right to consider appeals from a wider range of subjects - citizens, ombudsman, and prosecutor's office. Kazakhstan almost returned to the model that effectively operated in 1992-1995, but taking into account the lessons of the previous period. It should be noted the assessment of international observers (UN, OSCE): the creation of the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan is an important step towards ensuring the rule of law and the balance of branches of government.

The legal status of the Constitutional Court is enshrined in the Constitution of the Republic of Kazakhstan and the Constitutional Law of the Republic of Kazakhstan "On the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan" dated November 5, 2022. The Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan consists of 11 judges, including the Chairman, appointed by the President, Senate and the Mazhilis of Parliament. This scheme is aimed at ensuring balance in the formation of the composition of the court.

The status of the Constitutional Court is defined as a judicial body of constitutional control, the main function of which is to check regulatory legal acts for compliance with the Constitution. The Constitutional Court is authorized to consider disputes on the interpretation of the Constitution, check the constitutionality of bills, and ensure the protection of the rights and freedoms of citizens.

A novelty of the regulation of the status and competence of the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan was the provision of the right of direct appeal of citizens and civil society institutions. According to the data, in 2024 alone, the court received more than 3.7 thousand appeals, which confirms the high level of demand for the institute in society. In general, such an indicator of appeals means that the Constitutional Court has grown from the image of a symbolic body into a really working mechanism of legal protection. In addition, the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan is empowered to check international treaties for compliance with the Constitution; resolving issues of competence between authorities; participation in the formation of legal positions of the state in the field of human rights protection.

Practice 2023-2025 confirms that the position of the Kazakh constitutional control body has intensified, going beyond the previous advisory function of the Constitutional Council. The decision to abolish the privileged status of N.A. Nazarbayev as the "Leader of the Nation," which became an indicator of the dismantling of authoritarian structures and the strengthening of the supremacy of the Constitution. The regulatory decision of the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan dated January 10, 2023 №. 2 "On the official interpretation of paragraph 4 of Article 62 of the Constitution of the Republic of Kazakhstan" indicates the absence of legal grounds for preserving the Law on the First President after the reform of 2022 - the law is recognized as invalid¹.

¹ Regulatory decision of the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan of January 10, 2023 №. 2 "On the official interpretation of paragraph 4 of Article 62 of the Constitution of the Republic of Kazakhstan"// https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38350070&show_di=1

In a number of regulatory decisions, the Constitutional Court analyzed the provisions of the Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan. Thus, the decision on the second part of Article 127 of the Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan dated July 4, 2014, the Constitutional Court, referring to international standards for the protection of human rights, emphasized that civil decisions cannot automatically predetermine conclusions in criminal cases, since this would violate the presumption of innocence. The court has shown an ability to develop reasoned positions comparable to international standards, confirming its judicial nature rather than an advisory role².

Thus, in the regulatory decision of the Constitutional Court of July 11, 2023 No. 20-NP, it is noted: "The Basic Law guarantees ownership only of property that is acquired legally. Constitutional guarantees do not apply to property benefits acquired in violation of the grounds and procedures established by law, as well as to revenues received from their use. «The said regulatory order also recognizes that "initially illegally acquired property, including as a result of corruption, fraud or abuse of office, on the basis of the law and in accordance with the methods and procedures defined in it, must be returned to its rightful owner, including the state"³.

In the regulatory decision of the Constitutional Court of February 22, 2023 No. 3 On consideration for compliance with the Constitution of the Republic of Kazakhstan, subparagraph 1) of paragraph 1 and paragraph 2 of Article 610 of the Code of the Republic of Kazakhstan of December 25, 2017 "On taxes and other mandatory payments to the budget" (Tax Code) provided an explanation for the legislator in the context of ensuring a balance between the fiscal interests of the state and the constitutional rights of citizens. The Constitutional Court declared inconsistent with paragraph 2 of Article 13 and Article 14 of the Constitution of the Republic of Kazakhstan the provisions of paragraph 2 of Article 610 of the Code of the Republic of Kazakhstan "On taxes and other mandatory payments to the budget" (Tax Code) in terms of the words "when filing an administrative claim, statement of claim (statements) on such disputes "that lead to infringement and restriction of everyone's constitutional right to judicial protection of their rights and freedoms. The constitutional control body considered that the gap that arose after the exclusion from the legislation of the Republic of Kazakhstan of instruments that provide access to justice for citizens who find themselves in a difficult property situation (reduction in size, exemption, deferral, installment payment of state duties, etc.) prevents the full realization of the constitutional right of everyone to judicial protection of their rights and freedoms.⁴

The regulatory decision of the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan of June 1, 2023 №. 18-NP On consideration for compliance with the Constitution of the Republic of Kazakhstan of paragraph five of point 3 of the regulatory decision of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan of March 31, 2016 No. 2 "On the practice of courts applying legislation on the adoption of children" contains conclusions checking the constitutionality of norms regarding the procedure for applying legislation in this area. For the first time, it was clearly established that when adopted, the child is a subject of law, and not an object of legal relations. The decision contributed to a change in judicial practice: the courts are now obliged to take into account the psychological state of the child, his right to know his origin and the right to identity. This decision actually confirmed the judicial nature of the Constitutional Court, which did not limit itself to checking the formal constitutionality of the norm,

² Regulatory decision of the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan of July 14, 2023 №. 23-NP "On consideration for compliance with the Constitution of the Republic of Kazakhstan, part two Article 127 of the Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan of 4 July 2014 "On consideration for conformity with the Constitution of the Republic of Kazakhstan of part two of Article 127 of the Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan dated July 4, 2014" // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32099643

³ Regulatory decision of the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan of February 22, 2023 №. 3 "On consideration for compliance with the Constitution of the Republic of Kazakhstan of subparagraph 1) of paragraph 1 and paragraph 2 of Article 610 of the Code of the Republic of Kazakhstan of December 25, 2017" On taxes and other mandatory payments to the budget "(Tax Code)" // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37626433

⁴ Regulatory decision of the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan of February 22, 2023 №. 3 On consideration for compliance with the Constitution of the Republic of Kazakhstan of subparagraph 1) of paragraph 1 and paragraph 2 of Article 610 of the Code of the Republic of Kazakhstan dated December 25, 2017 "On taxes and other mandatory payments to the budget" (Tax Code) // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37626433

but formed legal standards that are binding on the entire judicial system and correlated with the practice of the European Court of Human Rights.

The successful cases of the Constitutional Court undoubtedly testify to the transformation from a body of "negative legislation" into a full-fledged body of constitutional justice, adapting the world's best examples of constitutional justice.

Thus, the modern Constitutional Court has the legally enshrined status of an independent judicial body, whose institutional mission goes beyond constitutional control and is aimed at ensuring the rule of the Constitution and protecting human rights. For Kazakhstan, this means institutional rapprochement with legal systems, where constitutional justice is perceived not just as a technical filter for laws, but as a central element of a modern state.

Thus, the modern competence of the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan demonstrates a noticeable strengthening of its role as an institution of constitutional control, which emphasizes its significance and at the same time such an expansion of competence and growth of the public role inevitably pose new challenges to the constitutional control body. As the practice of recent years shows, the more actively the court uses the granted powers, the more acute are the structural, institutional and political-legal problems associated with independence, efficiency of execution of decisions and interaction with other branches of government.

One of the main challenges for the body of Kazakhstan's constitutional control remains the issue of its institutional independence. Despite the principle of independence enshrined in the law, the procedure for forming the composition of judges still depends on the head of state and the speakers of the chambers of Parliament. The historical experience of the Constitutional Council shows that excessive dependence on public authority can turn a constitutional control body into an instrument of legitimation, not protection of the Constitution. This risk remains relevant for the modern Constitutional Court, if real guarantees of independence are not provided.

The issue of guaranteed and effective execution of decisions of the Constitutional Court is of particular relevance. According to the Constitution, acts of the Constitutional Court are mandatory for all bodies and officials, but in practice there is a possibility of difficulties with their implementation. In modern conditions, the priority direction of the development of constitutional justice is the institutionalization of mechanisms of parliamentary and public control over the execution of decisions of the Constitutional Court, and this will contribute to the transformation of court acts into an effective tool for influencing the legislative process and administrative practice.

An important role in assessing the effectiveness of the judicial system is played by the issue of public confidence and the level of legal culture. In general, in Kazakhstani society, the level of trust in the judiciary is consistently low. As for the activities of the Constitutional Court, given the high level of burden on judges of the Constitutional Court (more than 3.7 thousand appeals were received in 2024 alone), the risk of rejecting a significant part of complaints on formal grounds objectively increases. In such a situation, there is a danger of the formation of the opposite effect: a decrease in confidence in the institution of constitutional justice itself, if proper transparency of procedures and convincing arguments for decisions are not ensured.

Despite the possibility of direct access of citizens, it is quite difficult to use this opportunity, since such procedural filters as, firstly, the requirement to exhaust other remedies before applying to the Constitutional Court remain; second, strict criteria for admissibility of complaints; thirdly, the limitations of the subject of consideration (only norms, not individual acts). This construction certainly reduces the real availability of constitutional justice. It seems appropriate to consider simplifying permissibility filters with the introduction of the practice of *amicus curiae*. This format is the opinion of independent experts, scientific organizations, international structures or NGOs involved in order helping the court in the consideration of the case. *Amicus curiae* can be seen as a conduit for institutionalized dialogue between the court, society, and the scientific community.

Politically significant cases have shown that the current Constitutional Court is capable of institutionally significant steps. At the same time, there remains a danger that such decisions will be perceived as politically motivated, especially in conditions of dependence on the subjects of the

appointment of judges. The stability of constitutional control is achieved only with long-term institutional guarantees - the stability of the composition of the court, the transparency of the argumentation of decisions and independent funding.

Summarizing, we note that the main problematic aspects of the status of the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan are ensuring real independence, guaranteed execution of decisions, increasing public confidence and eliminating procedural barriers. Without solving these problems, there is a risk that the new institution may repeat the fate of the Constitutional Council and remain a "formal" body. World comparative legal experience shows that the main factors of the stability of constitutional courts are the long term of office of judges and their irremovability; clear rules for selection and appointment; financial and organizational autonomy; openness of decisions and arguments for society.

Promising areas of reform, in our opinion, are guarantees of independence, efficiency of execution of decisions, transparency and public control, development of the doctrine of a constitutional complaint, as well as integration into international relations on issues of constitutional justice. With regard to the problem of guarantees of independence, the direction of reforming the procedure for appointing judges seems promising, ensuring a balance between the presidential, parliamentary and professional quotas, which will allow the risk of political bias.

An important task of improving the institution of constitutional control is to ensure the execution of decisions of the constitutional court. In this context, it is advisable to introduce mechanisms for parliamentary monitoring of the implementation of decisions of the Constitutional Court and making the necessary legislative changes.

Conclusion

The modern Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan has all the attributes of a full-fledged judicial body of constitutional control. Its status is qualitatively different from the model of the Constitutional Council. The effectiveness of this institution largely depends on how effectively its independence, transparency and quality of execution of decisions are ensured. If all urgent challenges are successfully overcome, the Constitutional Court will be able to become the foundation of the rule of law in Kazakhstan, otherwise the risk of formalizing its role remains.

The modern stage of the development of constitutional justice in the Republic of Kazakhstan is characterized by a profound transformation of its institutional role: from an advisory body under the presidential government to a full-fledged court with expanded powers, recognition of citizens' right to a constitutional complaint.

The prospects of Kazakhstan's constitutional justice largely depend on the ability to combine two most important factors - legal force and public trust. The Constitutional Court should be able not only to abolish unconstitutional norms, but to turn into a platform for dialogue between the state and society - an institution whose decisions are not only binding, but, most importantly, are perceived by citizens as fair and justified. This is precisely the historical mission of the constitutional justice body: to establish the supremacy of the Constitution not as an abstract slogan, but as an objective legal and political reality.

References:

- 1 Webb Williams N., Hanson M. *Captured Courts and Legitimized Autocrats: Transforming Kazakhstan's Constitutional Court*. *Law & Social Inquiry*. -2022;-47(4):1201-1233. doi:10.1017/lsi.2021.85
- 2 Ударцев С.Ф. Конституционная реформа 2022 года в Казахстане: корректировка модели государства, укрепление правозащитных механизмов после массовых беспорядков начала года // *Государственно-правовые исследования*. -2022. -Вып. 5. -С. 52-62.
- 3 Czachor R. (2024). *Democratic Transition or Autocratic Adjustment? Constitutional Amendments in Kazakhstan and Uzbekistan in 2022–2023*. *Review of European and Comparative Law*, 56(1), 187–205.// <https://doi.org/10.31743/recl.17105>

4 Оңгдашулы Е., Ахатов У., Бискултанова А. (2024). Современные модели конституционного правосудия и их отличительные особенности // Вестник Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева. Серия «Право». -2024. -147 (2), -63–77. <https://doi.org/10.32523/2616-6844-2024-147-2-63-77>

5 Zhamankarayeva G., Baizhanov, Y., & Yarikhapova S. (2025). Comparative analysis of constitutional rights and their implementation in Kazakhstan and other CIS countries: problems and prospects. BULLETIN of L.N. Gumilyov Eurasian National University Law Series, 151(2), 101–121.// <https://doi.org/10.32523/2616-6844-2025-151-2-101-121>

6 Жанузакова Л.Т., Куандыков Б. Ж., & Адам Е. (2025). О рассмотрении нормативных правовых актов на соответствие конституции и законам в конституционном и административном судах. // Научно-правовой журнал «Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан», 80(1). https://doi.org/10.52026/2788-5291_-2025_-80_1_26

References:

1 Webb Williams N., Hanson M. Captured Courts and Legitimized Autocrats: Transforming Kazakhstan's Constitutional Court. Law & Social Inquiry. -2022;-47(4):1201-1233. doi:10.1017/lsi.-2021.-85

2 Udarcev S.F. Konstitucionnaja reforma 2022 goda v Kazahstane: korrektirovka modeli gosudarstva, ukreplenie pravozashhitnyh mehanizmov posle massovyh besporjadkov nachala goda // Gosudarstvenno-pravovye issledovaniya. -2022. -Vyp. 5. -S. 52-62.

3 Czachor R. (2024). Democratic Transition or Autocratic Adjustment? Constitutional Amendments in Kazakhstan and Uzbekistan in 2022–2023. Review of European and Comparative Law, 56(1), 187–205. <https://doi.org/10.31743/recl.17105>

4 Ongdashuly E., Ahatov U., Biskultanova A. (2024). Sovremennye modeli konstitucionnogo pravosudija i ih otlichitel'nye osobennosti. Vestnik Evrazijskogo nacional'nogo universiteta im. L.N. Gumileva. Serija «Pravo», 147 (2), -63–77. <https://doi.org/10.32523/2616-6844-2024-147-2-63-77>

5 Zhamankarayeva G., Baizhanov, Y., & Yarikhapova S. (2025). Comparative analysis of constitutional rights and their implementation in Kazakhstan and other CIS countries: problems and prospects. BULLETIN of L.N. Gumilyov Eurasian National University Law Series, 151(2), 101–121. <https://doi.org/10.32523/2616-6844-2025-151-2-101-121>

6 Zhanuzakova L.T., Kuandykov B. Zh., & Adam E. (2025). O rassmotrenii normativnyh pravovyh aktov na sootvetstvie konstitucii i zakonam v konstitucionnom i administrativnom sudah. Nauchno-pravovoj zhurnal «Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii Respubliki Kazahstan», 80(1). https://doi.org/10.52026/2788-5291_2025_80_1_26

Богатырева Л.Б.^{1*}

¹Казахский национальный медицинский университет имени С.Д. Асфендиярова
(*e-mail: bogatyreva.l@kaznmu.kz)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ ПРАВА НА ЗДОРОВЬЕ: УНИВЕРСАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация

Статья посвящена исследованию международных стандартов права на охрану здоровья и механизмов их реализации на универсальном, региональном и национальном уровнях. Автор исходит из того, что здоровье человека является неотъемлемым элементом системы прав человека, закрепленным в ключевых международных договорах и декларациях. Рассмотрены базовые документы универсального уровня - Конституция Всемирной организации здравоохранения 1946 года, Всеобщая декларация прав человека 1948 года, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 года и Общий комментарий №14 Комитета ООН по ЭСКП. Особое внимание уделяется четырем элементам права на здоровье, сформулированным в международной практике: доступность, приемлемость, качество и недискриминация (AAAQ).

Региональные механизмы раскрыты на примере Европейской социальной хартии, Африканской хартии прав человека и народов и Межамериканской конвенции по правам человека. Приведена практика Европейского суда по правам человека, Межамериканского суда по правам человека и Африканской комиссии по правам человека и народов, где вопросы доступа к медицинской помощи и условий лечения рассматривались в контексте нарушений фундаментальных прав.

В национальном измерении рассмотрен опыт Республики Казахстан. Конституция РК закрепляет право на охрану здоровья (ст. 29), а Кодекс «О здоровье народа и системе здравоохранения» конкретизирует механизмы его реализации. В работе отмечаются недавние реформы – создание Конституционного Суда, обновление Концепции развития здравоохранения до 2026 года, а также стремление к гармонизации национального законодательства с международными обязательствами.

В статье сделан вывод о том, что эффективная реализация права на здоровье возможна только при комплексном подходе, включающем имплементацию международных стандартов, развитие национальных институтов и укрепление судебных и квазисудебных механизмов защиты.

Ключевые слова: право на здоровье, международные стандарты, универсальные механизмы, региональные механизмы, здравоохранение, механизм защиты прав граждан.

Л.Б. Богатырева¹

¹ С.Д. Асфендияров атындағы Қазақ ұлттық медицина университеті

ДЕНСАУЛЫҚҚА ҚҰҚЫҚТЫҢ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ СТАНДАРТТАРЫ: ІСКЕ АСЫРУДЫҢ ЖАЛПЫҒА БІРДЕЙ ЖӘНЕ АЙМАҚТЫҚ ТЕТІКТЕРІ

Аңдатпа

Мақала денсаулық сақтау құқығының халықаралық стандарттарын және оларды жалпыға бірдей, аймақтық және ұлттық деңгейде жүзеге асыру тетіктерін зерттеуге арналған. Автор адам денсаулығы негізгі халықаралық шарттар мен декларацияларда бекітілген адам құқықтары

жүйесінің ажырамас элементі болып табылатындығына негізделген. Әмбебап деңгейдегі негізгі құжаттар – 1946 жылғы Дүниежүзілік Денсаулық сақтау Ұйымының Конституциясы, 1948 жылғы Адам Құқықтарының Жалпыға Бірдей Декларациясы, 1966 жылғы Экономикалық, Әлеуметтік Және Мәдени Құқықтар туралы Халықаралық Пакт және № 14 Жалпы Түсініктеме. Халықаралық тәжірибеде тұжырымдалған денсаулық сақтау құқығының төрт элементіне ерекше назар аударылады: қол жетімділік, қол жетімділік, сапа және кемсітпеу (AAAQ).

Аймақтық механизмдер еуропалық Әлеуметтік Хартия, Адам Және Халықтар Құқықтары Жөніндегі Африка Хартиясы және Адам Құқықтары жөніндегі Америкааралық Конвенция мысалында сипатталған. Мақалада Еуропалық Адам Құқықтары Сотының, Америкааралық Адам құқықтары Сотының және Африканың Адам және Халықтар Құқықтары Жөніндегі Комиссиясының тәжірибесі келтірілген, онда медициналық көмекке қол жеткізу және емдеу шарттары негізгі құқықтардың бұзылуы контекстінде қарастырылған.

Қазақстан Республикасының тәжірибесі ұлттық өлшемде қарастырылады. Қазақстан Республикасының Конституциясында денсаулықты сақтау құқығы бекітілген (29-бап), Ал "Халық Денсаулығы және Денсаулық Сақтау Жүйесі туралы" Кодексте оны жүзеге асырудың тетіктері көрсетілген. Құжатта соңғы реформалар - Конституциялық Соттың құрылуы, Денсаулық сақтауды Дамытудың 2026 жылға дейінгі Тұжырымдамасының жаңартылуы, сондай-ақ ұлттық заңнаманы халықаралық міндеттемелермен үйлестіруге деген ұмтылыс көрсетілген.

Мақалада денсаулық сақтау құқығын тиімді іске асыру халықаралық стандарттарды енгізуді, ұлттық институттарды дамытуды және сот және квазимемлекеттік қорғау тетіктерін нығайтуды қоса алғанда, кешенді тәсіл арқылы ғана мүмкін болады деген қорытындыға келді.

Түйін сөздер: денсаулық сақтау құқығы, халықаралық стандарттар, әмбебап механизмдер, аймақтық механизмдер, денсаулық сақтау, азаматтардың құқықтарын қорғау тетігі.

L.B. Bogatyreva¹

¹ *Kazakh National Medical University named after S.D.Asfendiyarov*

INTERNATIONAL STANDARDS FOR HEALTH: UNIVERSAL AND REGIONAL MECHANISMS FOR IMPLEMENTATION

Abstract

The article is devoted to the study of international standards of the right to health protection and the mechanisms of their implementation at the universal, regional and national levels. The author proceeds from the fact that human health is an integral element of the human rights system, enshrined in key international treaties and declarations. The basic documents of the universal level are considered – the Constitution of the World Health Organization of 1946, the Universal Declaration of Human Rights of 1948, the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights of 1966 and the General Comment No. 14 of the UN Committee on ESCR. Special attention is paid to the four elements of the right to health formulated in international practice: accessibility, acceptability, quality and non-discrimination (AAAQ).

Regional mechanisms are described by the example of the European Social Charter, the African Charter on Human and Peoples' Rights and the Inter-American Convention on Human Rights. The article presents the practice of the European Court of Human Rights, the Inter-American Court of Human Rights and the African Commission on Human and Peoples' Rights, where issues of access to medical care and treatment conditions were considered in the context of violations of fundamental rights.

The experience of the Republic of Kazakhstan is considered in the national dimension. The Constitution of the Republic of Kazakhstan enshrines the right to health protection (art. 29), and the Code "On the Health of the People and the Healthcare System" specifies the mechanisms for its implementation. The paper highlights recent reforms – the creation of the Constitutional Court, the updating of the Concept of Healthcare Development until 2026, as well as the desire to harmonize national legislation with international obligations.

The article concludes that the effective realization of the right to health is possible only with an integrated approach, including the implementation of international standards, the development of national institutions and the strengthening of judicial and quasi-judicial protection mechanisms.

Key words: the right to health, international standards, universal mechanisms, regional mechanisms, healthcare, mechanism for the protection of citizens' rights.

Введение

Актуальность исследования права на здоровье обусловлена тем, что оно является неотъемлемым элементом системы прав человека, признанной на международном уровне. В условиях глобализации, трансграничных угроз (пандемии, климатические изменения, миграция) и развития биомедицинских технологий вопросы реализации права на здоровье приобретают первостепенное значение. Уже во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. (ст.25) закреплено право каждого на уровень жизни, включающий медицинское обеспечение¹. В дальнейшем положения получили развитие в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966г. (ст. 12), где государством предписано обеспечивать «наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья»².

Постановка проблемы. Несмотря на наличие универсальных и региональных актов, закрепляющих право на здоровье, остается значительный разрыв между международными обязательствами и национальной практикой. В ряде государств отсутствует эффективная имплементация международных стандартов, что особенно проявилось в период COVID-19³. При этом международные механизмы – от Общего комментария №14 Комитета ООН по ЭСКП до практики Европейского суда по правам человека – демонстрируют необходимость выработки универсальных критериев доступности, приемлемости, качества и недискриминации в сфере здравоохранения⁴.

Вопрос права на здоровье активно обсуждается как в юридической науке, так и в междисциплинарных исследованиях. Так, П.Хант обосновывает правозащитный подход к здравоохранению, акцентируя внимание на содержательных обязанностях государств [1]. Г.Бакман и соавт. Провели сравнительную оценку реализации права на здоровье в 194 странах, что позволило выявить системные пробелы в национальных системах [2]. Для Казахстана проблема гармонизации национального законодательства с международными стандартами становится особенно актуальной в контексте конституционно-правовых реформ и модернизации Кодекса «О здоровье народа и системы здравоохранения»⁵.

Цель настоящего исследования состоит в комплексном анализе международных стандартов права на здоровье, выявлении универсальных и региональных механизмов их реализации, а также в оценке перспектив имплементации этих стандартов в правовую систему Республики Казахстан.

Материалы и методы

Настоящее исследование опирается на комплекс международно-правовых и сравнительно-правовых источников. В качестве нормативной базы использованы универсальные документы: Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт об экономических, социальных и

¹ Всеобщая декларация прав человека от 10.12.1948 // Организация Объединённых Наций. URL: <https://www.un.org/en/about-us/universal-declaration-of-human-rights>

² Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16.12.1966 // OHCHR. URL: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/international-covenant-economic-social-and-cultural-rights>

³ Всемирная организация здравоохранения. COVID-19 and the Right to Health // WHO, 2021. URL: <https://www.who.int/news/item/29-06-2021-covid-19-and-the-right-to-health>

⁴ Комитет ООН по ЭСКП. Общий комментарий № 14 (2000) «Право на наивысший достижимый уровень здоровья (ст. 12)» (E/C.12/2000/4). URL: <https://www.ohchr.org/en/documents/general-comments-and-recommendations/ec1220004-general-comment-no-14-highest-attainable>

⁵ Кодекс Республики Казахстан от 07.07.2020 № 360-VI ЗРК «О здоровье народа и системе здравоохранения». URL: <https://adilet.zan.kz/eng/docs/K2000000360>

культурных правах, Конституция Всемирной организации здравоохранения, Международные медико-санитарные правила (2005). Важное значение имеют также Общие комментарии Комитета ООН по ЭСКП, раскрывающие содержание права на здоровье и обязательства государств.

На региональном уровне применены акты и практика: Европейская социальная хартия (пересмотренная, 1966), решения Европейского суда по правам человека (например, дело *Vavříčka* и другие против Чехии, 2021); Протокол Сан-Сальвадора, к Американской конвенции по правам человека и юриспруденция Межамериканского суда (например, дела *Gonzales Lluu* против Эквадора, 2015; *Poblete Vilches* против Чили, 2018); Африканская хартия прав человека и народов и решения Африканской комиссии (например, *SERAC* против Нигерии, 2001).

Методологическая база исследования строится на использовании сравнительно-правового метода, позволяющего выявить различия и общие тенденции в подходах международных и региональных организаций; формально-юридического метода, применимого к анализу нормативных текстов и обязательств государств; системного анализа, с помощью которого право на здоровье рассматривается во взаимосвязи с другими социальными и экологическими правами; анализа судебной практики, отражающей эволюцию интерпретации права на здоровье; доктринального метода, позволяющего опираться на научные труды.

Для казахстанского контекста рассмотрены Конституция Республики Казахстан и Кодекс «О здоровье народа и системы здравоохранения», что позволяет сопоставить национальное регулирование с международными обязательствами.

Результаты и обсуждение

Право на здоровье закреплено в международных актах, таких как Всеобщая декларация прав человека (1948, ст. 25), Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966, ст. 12), где фиксируется обязательство государств обеспечивать «наивысший достижимый уровень» физического и психического здоровья⁶. Общий комментарий №14 Комитета по ЭСКП (2000) уточняет содержательные элементы этого права, включая доступность, качество, приемлемость и недискриминацию. Международные медико-санитарные правила (2005, IHR 2005) создают юридический механизм для глобальной готовности и реагирования на санитарно-эпидемиологические угрозы.

Региональные правозащитные системы закрепляют и конкретизируют право на здоровье, формируя дополнительные механизмы его реализации.

В рамках Европейской системы ключевым документом является Пересмотренная Европейская социальная хартия 1996 г., статья 11 которая возлагает на государства обязательства по принятию мер в целях предупреждения заболеваний, охраны здоровья населения и обеспечения функционирования эффективной системы здравоохранения⁷. Дополнительно, Хартия Европейского союза об основных правах 2000г. (ст. 35) закрепляет право каждого на доступ к профилактическому здравоохранению и медицинской помощи⁸. Хотя Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. не содержит прямой статьи о праве на здоровье, Европейский суд по правам человека в своей практике интерпретирует его через гарантии права на жизнь и права на уважение частной жизни. Так, в деле *Vavříčka* и другие против Чехии (2021) Суд признал правомерным обязательное детское вакцинирование, указав на соразмерность вмешательства интересам общественного здоровья⁹.

В Международной системе право на здоровье закреплено в Протоколе Сан-Сальвадора 1988 г. (ст. 10), который предписывает государствам обеспечивать медицинскую помощь и

⁶ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16.12.1966 // OHCHR. URL: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/international-covenant-economic-social-and-cultural-rights>

⁷ European Social Charter (Revised, 1996), art. 11. Council of Europe. URL: <https://rm.coe.int/168007cf93>

⁸ Charter of Fundamental Rights of the European Union, 2000, art. 35. URL: <https://fra.europa.eu/en/eu-charter/article/35-health-care>

⁹ ECtHR, *Vavříčka and Others v. the Czech Republic* [GC], Judgment of 8 Apr 2021, appl. no. 47621/13. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:\[%22001-209039%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-209039%22]})

санитарную защиту населения¹⁰. Наряду с этим американская декларация прав и обязанностей человека 1948 г. (ст. XI) прямо провозглашает право на сохранение здоровья. В практике Межамериканского суда по правам человека данные положения получили развитие: в деле *Gonzales Lluy против Эквадора* (2015) Суд указал на обязанность государства гарантировать надлежащую медицинскую помощь ВИЧ-инфицированным детям; в деле *Poblete Vilches против Чили* (2018) подчеркнута необходимость обеспечения доступности медицинской помощи пожилым лицам¹¹.

В Африканской системе важнейшее значение имеет Африканская хартия прав человека и народов 1981 г. (ст. 16), закрепляющая право каждого на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья. Специальные гарантии для детей содержатся в Африканской хартии о правах и благополучии ребенка 1990г. (ст. 14)¹². Значимым прецедентом является решение Африканской комиссии по правам человека и народов по делу *SERAC против Нигерии* (2001), в котором право на здоровье связано с правом на благоприятную окружающую среду¹³.

В Арабском регионе закрепление прав на здоровье осуществлено в Арабской хартии прав человека 2004 г. (ст.39), которая предусматривает обязанность государств обеспечивать бесплатные и доступные медицинские услуги, а также санитарно-эпидемиологическую защиту населения¹⁴.

Наконец, в азиатско-тихоокеанском регионе, где отсутствует единый обязательный договор в сфере прав человека, правовое значение имеет Декларация прав человека АСЕАН 2012 г. (ст. 29), закрепляющая право на наивысший достижимый уровень здоровья и доступ к медицинской помощи¹⁵. Хотя этот документ носит декларативный характер, он используется в качестве ориентира при разработке региональных стратегий Всемирной организации здравоохранения для стран Юго-Восточной Азии.

Таким образом, региональные акты дополняют универсальные стандарты, придавая им конкретизацию с учетом социально-культурных и институциональных особенностей регионов.

Пандемия COVID-19 стала кульминационным моментом, выявившим структурные ограниченности систем здравоохранения и несовершенство правового института реализации права на здоровье. В литературе отмечается, что реализация права на охрану здоровья в условиях пандемий требует активного согласования национальной системы здравоохранения с международными стандартами и адаптации механизмов [3]. В странах с низким и средним уровнем дохода ускоренная и неравномерная вакцинация усугубила социально-экономическое расслоение: так, согласно оценке, не менее 50% смертей от COVID-19 в ряде стран могли быть предотвращены при равных условиях доступа к вакцинации [4].

Исследование Kavanagh и др. (2025) показывает, что неравномерность доступа к вакцинациям отражает системные сбои глобальной цепочки поставок и экономические искажения. Авторы делают акцент на необходимости не просто улучшения распределения, а трансформации глобального регулирования – с учетом принципов прав человека и устранением рыночных барьеров [5].

Исследование Gleeson и др. (2023) применяют политэкономический анализ, чтобы объяснить, как исторические и институциональные *asymmetries* закрепили неравный доступ к

¹⁰ Additional Protocol to the American Convention on Human Rights in the Area of Economic, Social and Cultural Rights (“Protocol of San Salvador”), 1988, art. 10. URL: <https://www.oas.org/dil/1988>

¹¹ IACtHR, *Gonzales Lluy v. Ecuador*, Judgment of 1 Sep 2015, Series C No. 298; *Poblete Vilches v. Chile*, Judgment of 8 Mar 2018, Series C No. 349. URL: <https://iachr.ils.edu/cases/gonzales-lluy-et-al-v-ecuador>

¹² African Charter on the Rights and Welfare of the Child, 1990, art. 14. URL: https://www.acerwc.africa/sites/default/files/2022-06/African%20Charter%20on%20the%20Rights%20and%20Welfare%20of%20the%20Child_ENG_5.pdf

¹³ African Commission on Human and Peoples’ Rights, *Social and Economic Rights Action Center (SERAC) and Center for Economic and Social Rights (CESR) v. Nigeria*, Comm. No. 155/96, Decision of 27 Oct 2001. URL: <https://achpr.au.int/en/decisions-communications/social-and-economic-rights-action-center-serac-and-center-economic-15596>

¹⁴ Arab Charter on Human Rights, 2004, art. 39. URL: https://www.eods.eu/template/default/compendium/Part%209/006_Arab_Charter_on_Human_Rights.pdf

¹⁵ ASEAN Human Rights Declaration, 2012, art. 29. URL: <https://asean.org/asean-human-rights-declaration/>

диагностическим и лечебным средствам. Авторы подчеркивают, что кратковременные гуманитарные меры (например, COVAX) без структурной трансформации глобального управления обречены на ограниченный эффект [6].

Оба исследования подтверждают: пандемическая ситуация потребовала устойчивых юридических инструментов, способствующих справедливому распределению ресурсов, и международно-правовой реформы, выходящей за рамки традиционных реактивных подходов.

Кроме того, COVID-19 обнажил проблему правовой неподготовленности и слабости институтов в условиях чрезвычайных ситуаций. Отсутствие четких правовых норм, регулирующих приоритеты распределения вакцин, сферу цифровых данных о здоровье, а также санкции за дискриминацию усугубляло ситуацию [7].

Таким образом, пандемия выступила не просто вызовом здравоохранению, но и испытанием правовых механизмов защиты. В связи с этим необходимы комплексные подходы, предусматривающие: глобальное правовое регулирование системы распределения медицинских ресурсов; институциональное укрепление национальных механизмов реагирования; учет принципов равенства, недискриминации и универсального доступа в национальном и международном законодательстве.

Международная практика показывает, что суды и комиссии активно интерпретируют право на здоровье как составную часть других фундаментальных прав – права на жизнь, права на уважение человеческого достоинства и запрета дискриминации. В частности, Европейский суд по правам человека в деле *Surgus v. Turkey* (2001) отметил, что отказ в доступе к медицинской помощи может рассматриваться как нарушение ст. 3 ЕКПЧ (запрет бесчеловечного обращения)¹⁶. Международный суд по правам человека в деле *Ximenes Lopes v. Brazil* (2006) установил ответственность государства за ненадлежащие условия в медицинском учреждении¹⁷. Африканская комиссия по правам человека и народов в деле *Purohit and Moore v. The Gambia* (2003) признала нарушение ст. 16 Африканской хартии из-за отсутствия должной защиты лиц с психическими расстройствами¹⁸.

В Казахстане право на охрану здоровья закреплено на конституционном уровне (ст. 29 Конституции РК) и далее развито в положениях Кодекса «О здоровье народа и системе здравоохранения», которые включают механизм гармонизации санитарно-эпидемиологических норм с международными требованиями¹⁹.

В казахстанской юриспруденции практика по праву на охрану здоровья пока формируется. Судебные органы преимущественно рассматривают частные иски о ненадлежащем оказании медицинской помощи и компенсации вреда здоровью. Однако с созданием Конституционного Суда в 2023 году открылась возможность для более широкого конституционного толкования ст. 29 Конституции, что позволит приблизить национальную правоприменительную практику к международным стандартам.

Комплексное понимание права на охрану здоровья должно опираться на международные стандарты, включая принципы доступности, качества и недискриминации. Важное значение имеет толкование статьи 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, приводящая к определению основных элементов права на здоровье (так называемая формула AAAQ): Availability – наличие (достаточное количество учреждений, товаров и услуг здравоохранения); Accessibility – доступность (физическая, экономическая, информационная и без дискриминации); Acceptability – приемлемость (уважение к медицинской этике, культурным особенностям, недискриминационный подход); Quality – качество (соответствие современным научным и медицинским стандартам)²⁰.

¹⁶ *Cyprus v. Turkey*, Application no. 25781/94, Judgment of 10 May 2001 (Grand Chamber). URL: <https://hudoc.echr.coe.int/fre?i=001-144151>

¹⁷ *Case of Ximenes Lopes v. Brazil*, Judgment of July 4, 2006 (Merits, Reparations and Costs). URL: <https://www.refworld.org/jurisprudence/caselaw/iacrthr/2006/en/149616>

¹⁸ *Purohit and Moore v. The Gambia*, Communication No. 241/2001, Decision adopted in 2003. URL: <https://achpr.au.int/en/decisions-communications/purohit-and-moore-v-gambia-24101>

¹⁹ Кодекс «О здоровье народа и системе здравоохранения» от 7 июля 2020 года № 360-VI URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34464437

²⁰ UN Committee on Economic, Social and Cultural Rights. General Comment No. 14: The right to the highest attainable standard of health (Art. 12 of

Конституционное закрепление социального права требует реализации через специфическое законодательное регулирование, основанное на международной практике. В «Концепции развития здравоохранения Республики Казахстан до 2026 года» подчеркивается необходимость адаптации глобальных стандартов ВОЗ к национальным реалиям, включая институциональные особенности, ресурсное обеспечение и региональные различия в доступе к медицинской помощи²¹.

Поступательные шаги в сторону гармонизации подтверждаются на уровне государственной политики. Постановлением Правительства Республики Казахстан от 29 февраля 2024 года №141 внесены изменения в Концепцию развития здравоохранения до 2026 года, включая обновленные целевые показатели: ожидаемая продолжительность жизни к 2026 году – 75, 1 года (в 2023 – 74,2 года); рост удовлетворенности качеством и доступностью медицинских услуг до 81%; снижение смертности от сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний, материнской и младенческой смертности; повышение проникновения адаптированных зарубежных технологий, охвата ОСМС и т.д.²² Это свидетельствует о стремлении национального законодательства выровнять свои ориентиры с международными стандартами (например, ВОЗ).

Таким образом, усилия Казахстана по интеграции международных стандартов в национальное законодательство проявляются как на уровне нормативных актов, так и в научно-правовом дискурсе, где акцент сделан на адаптивность, нормативно-институциональную устойчивость и учет национальных особенностей при реализации таких стандартов.

Для обеспечения полноценной реализации конституционного права на охрану здоровья целесообразно прибегнуть к инструменту официального толкования Конституции. В условиях Казахстана такая функция возложена на Конституционный Суд РК, действующий с 2023 года, который уполномочен давать обязательное толкование положений Конституции, включая ст. 29 закрепляющую право граждан на охрану здоровья. Это соответствует международной практике, когда конституционные суды или аналогичные органы разъясняют содержание социальных прав в свете международных обязательств (например, ст. 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах и Общего комментария №14 Комитета ООН по ЭКСП).

Заключение

Право на здоровье – комплексное право, включающее медицинские, социальные и экологические аспекты. Его реализация требует сочетания универсальных стандартов, региональных механизмов и национальных реформ. Для Казахстана актуальной задачей является институциональное обеспечение права на здоровье через конституционное толкование и законодательные изменения.

Проведенный анализ показал, что право на охрану здоровья является одной из ключевых категорий современного международного права прав человека, обеспечивающей не только медицинский аспект, но и широкий комплекс социальных, экономических и экологических условий. Универсальные механизмы - Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах и его интерпретация Комитетом ООН по ЭКСП – закрепляют фундаментальные стандарты и формируют доктринальные ориентиры для национальных правовых систем.

Региональные механизмы демонстрируют разнообразие подходов к конкретизации права на здоровье и служат дополнительными гарантиями его реализации.

Казахстан, будучи участником основных международных договоров в области прав человека, стремится выстроить систему здравоохранения в соответствии с этими стандартами.

²¹ Об утверждении Концепции развития здравоохранения Республики Казахстан до 2026 года. Постановление Правительства Республики Казахстан от 24 ноября 2022 года № 945. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2200000945>

²² О внесении изменений в постановление Правительства Республики Казахстан от 24 ноября 2022 года № 945 "Об утверждении Концепции развития здравоохранения Республики Казахстан до 2026 года" Постановление Правительства Республики Казахстан от 29 февраля 2024 года № 141. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2400000141/history>

Конституция Республики Казахстан закрепляет право на охрану здоровья (ст. 29), а также Кодекс «О здоровье народа и системе здравоохранения» конкретизирует гарантии и механизмы его реализации. Последние реформы, включая создание Конституционного Суда и обновление Концепции развития здравоохранения до 2026 года, отражают стремление государства укрепить институциональные и правовые основы реализации данного права.

В то же время сохраняются вызовы, связанные с необходимостью официального толкования конституционных положений, совершенствования судебной и административной практики, а также обеспечения реальной доступности и качества медицинской помощи на всей территории страны. Эти задачи требуют как национальных усилий, так и ориентации на международные стандарты, включая принципы доступности, недискриминации, приемлемости и качества.

Таким образом, эффективная реализация права на здоровье возможна лишь при комплексном подходе, сочетающем международные обязательства, региональные практики и национальные механизмы. Для Казахстана перспективным направлением является дальнейшее сближение национального законодательства с международными правами, усиление роли Конституционного Суда в обеспечении конституционной защиты и развитие профилактических программ, что позволит приблизить национальную систему здравоохранения к универсальным стандартам Всемирной организации здравоохранения и требованиям устойчивого развития.

Список использованной литературы:

1 Hunt P. *Interpreting the International Right to Health in a Human Rights-Based Approach to Health* // *Health and Human Rights*. -2016. -Vol. 18, -№ 2. -P. 109–130.

2 Backman G., Hunt P., Khosla R., et al. *Health systems and the right to health: an assessment of 194 countries* // *The Lancet*. -2008. -Vol. 372, -№ 9655. -P. 2047–2085. DOI: 10.1016/S0140-6736(08)61781-X.

3 Mukhamedzhanov A.Z. *The right to health protection in Uzbekistan: implementation and legal support in the context of a pandemic of infectious diseases* // *Вестник КазНПУ имени Абая. Серия Юриспруденция* - 2025. - №1 (79). - С.62-75.

4 Nampewo Z., Mike J.H. & Wolff J. *Respecting, protecting and fulfilling the human right to health*. *Int J Equity Health* 21, 36 (2022). // <https://doi.org/10.1186/s12939-022-01634-3> (дата обращения: 22.04.2025).

5 Kavanagh M.M., Abinader L.G, Hassan F., & Friedman E. *"Law and Global Governance of Infectious Disease: Access to Medicines on COVID-19, AIDS, and Beyond"* // *Journal of Law, Medicine & Ethics*, 2025; -53(S1):-23-28. DOI: 10.1017/jme.2025.27.

6 Gleeson D., Townsend B., Tenni B., Phillips T. & Brigitte F. *"Global inequities in access to COVID-19 health products and technologies: A political economy analysis"* // *Health & Place*, 2023; DOI: 10.1016/j.healthplace.2023.103051.

7 Gostin L.O. *"Health Policy, Human Rights and the COVID-19 Pandemic: Confronting Challenges in Global Governance"* // *The Lancet*, 2023

References

1 Hunt P. *Interpreting the International Right to Health in a Human Rights-Based Approach to Health* // *Health and Human Rights*. -2016. -Vol. 18, -№ 2. -P. 109–130.

2 Backman G., Hunt P., Khosla R., et al. *Health systems and the right to health: an assessment of 194 countries* // *The Lancet*. -2008. -Vol. 372, -№ 9655. -P. 2047–2085. DOI: 10.1016/S0140-6736(08)61781-X.

3 Mukhamedzhanov A.Z. *The right to health protection in Uzbekistan: implementation and legal support in the context of a pandemic of infectious diseases* // *Vestnik KazNPU imeni Abaja. Serija Jurisprudencija* - 2025. - №1 (79). - S.62-75.

4 Nampewo Z., Mike J.H. & Wolff J. *Respecting, protecting and fulfilling the human right to health*. *Int J Equity Health* 21, 36 (2022). // <https://doi.org/10.1186/s12939-022-01634-3> (data obrashcheniya: 22.04.2025).

5 Kavanagh M.M, Abinader L.G, Hassan F., & Friedman E. "Law and Global Governance of Infectious Disease: Access to Medicines on COVID-19, AIDS, and Beyond" // *Journal of Law, Medicine & Ethics*, 2025;53(S1):23-28. DOI: 10.1017/jme.2025.27.

6 Gleeson D., Townsend B., Tenni B., Phillips T. & Brigitte F. "Global inequities in access to COVID-19 health products and technologies: A political economy analysis" // *Health & Place*, 2023; DOI: 10.1016/j.healthplace.2023.103051. PMC

7 Gostin L.O. "Health Policy, Human Rights and the COVID-19 Pandemic: Confronting Challenges in Global Governance" // *The Lancet*, 2023

МРНТИ 10.17.24
УДК 342.9:35.078

10.51889/2959-6181.2025.81.3.005

Мурат С.^{1*}

¹ Балтийская международная академия
(*e-mail: ms147@mail.ru)

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация

В статье рассматриваются современные подходы к оценке эффективности государственного управления в условиях цифровой трансформации. Особое внимание уделено институциональным и нормативно-правовым основам, определяющим результативность деятельности центральных и местных органов исполнительной власти.

В исследовании проведен сравнительный анализ национальных и международных практик, включая опыт стран-лидеров в области электронного правительства; выявлены факторы, влияющие на эффективность управленческих решений: архитектура данных, качество информационных потоков, степень участия граждан, прозрачность алгоритмов и уровень доверия цифровым сервисам.

На национальном уровне рассмотрены инструменты цифрового правительства Республики Казахстан. Установлено, что развитие сквозной цифровой инфраструктуры позволяет перейти от количественной оценки предоставленных услуг к проактивному обслуживанию пожизненным ситуациям в соответствии с международными стандартами.

На основе опыта развитых стран предложены меры по институционализации правового и этического комплаенса: обязательная оценка воздействия алгоритмов, стандарты прозрачности, независимые аудиты и механизмы обжалования. Сформулированы рекомендации для Казахстана по адаптации международных практик международных практик, включающие: развитие архитектуры данных; приоритизацию низкорисковых кейсов машинного обучения; создание институт регулярного независимого аудита. Обоснован вывод о том, что интеграция цифровых решений с правовыми и институциональными гарантиями является важным условием повышения эффективности государственного управления и укрепления общественного доверия.

Ключевые слова: государственное управление, эффективность, цифровое правительство, цифровизация, государственные услуги, искусственный интеллект.

С. Мұрат¹

¹ Балттық Халықаралық Академиясы

МЕМЛЕКЕТТІК БАСҚАРУДЫҢ ТИІМДІЛІГІН БАҒАЛАУДЫҢ ЗАМАНАУИ ТӘСІЛДЕРІ: ҚҰҚЫҚТЫҚ ТАЛДАУ

Аңдатпа

Мақалада цифрлық трансформация жағдайында мемлекеттік басқарудың тиімділігін бағалаудың заманауи тәсілдері қарастырылады. Орталық және жергілікті атқарушы билік органдары қызметінің нәтижелілігін айқындайтын институционалдық және нормативтік-құқықтық негіздерге ерекше назар аударылды.

Зерттеуде электрондық үкімет саласындағы көшбасшы елдердің тәжірибесін қоса алғанда, ұлттық және халықаралық тәжірибелерге салыстырмалы талдау жүргізілді; басқару шешімдерінің тиімділігіне әсер ететін факторлар анықталды: деректер архитектурасы, акпараттық ағындардың сапасы, азаматтардың қатысу дәрежесі, алгоритмдердің ашықтығы және цифрлық сервистерге сенім деңгейі.

Ұлттық деңгейде Қазақстан Республикасы цифрлық Үкіметінің құралдары қаралды. Өтпелі цифрлық инфрақұрылымды дамыту көрсетілген қызметтерді сандық бағалаудан халықаралық стандарттарға сәйкес өмірлік жағдайларға проактивті қызмет көрсетуге көшуге мүмкіндік беретіні анықталды.

Дамыған елдердің тәжірибесі негізінде құқықтық және этикалық комплаенсті институционализациялау бойынша шаралар ұсынылды: алгоритмдердің әсерін міндетті бағалау, ашықтық стандарттары, тәуелсіз аудиттер және шағымдану тетіктері. Қазақстан үшін халықаралық тәжірибелерді бейімдеу бойынша ұсынымдар тұжырымдалды, оған мыналар кіреді: деректер архитектурасын дамыту; машиналық оқытудың төмен тәуекелді кейстерін басымдық беру; тұрақты тәуелсіз аудит институтын құру. Цифрлық шешімдерді құқықтық және институционалдық кепілдіктермен интеграциялау Мемлекеттік басқарудың тиімділігін арттырудың және қоғамдық сенімді нығайтудың маңызды шарты болып табылады деген тұжырым негізделген.

Түйін сөздер: мемлекеттік басқару, тиімділік, цифрлық үкімет, цифрландыру, мемлекеттік қызметтер, жасанды интеллект.

S. Murat¹

¹ Baltic International Academy

MODERN APPROACHES TO ASSESSING THE EFFECTIVENESS OF PUBLIC ADMINISTRATION: LEGAL ANALYSIS

Abstract

The article discusses modern approaches to assessing the effectiveness of public administration in the context of digital transformation. Special attention is paid to the institutional and regulatory frameworks that determine the effectiveness of central and local executive authorities.

The study conducted a comparative analysis of national and international practices, including the experience of leading countries in the field of e-government; identified factors affecting the effectiveness of management decisions: data architecture, the quality of information flows, the degree of citizen participation, the transparency of algorithms and the level of trust in digital services.

The tools of the digital government of the Republic of Kazakhstan are considered at the national level. It has been established that the development of end-to-end digital infrastructure makes it possible to move from quantifying the services provided to proactive maintenance of lifelong situations in accordance with international standards.

Based on the experience of developed countries, measures have been proposed to institutionalize legal and ethical compliance: mandatory assessment of the impact of algorithms, transparency

standards, independent audits, and appeal mechanisms. Recommendations have been formulated for Kazakhstan on the adaptation of international practices to international practices, including: the development of data architecture; prioritization of low-risk machine learning cases; and the creation of a regular independent audit institute. The conclusion is substantiated that the integration of digital solutions with legal and institutional guarantees is an important condition for improving the effectiveness of public administration and strengthening public trust.

Key words: public administration, efficiency, digital government, digitalization, public services, artificial intelligence.

Введение

Вопросы эффективности государственного аппарата занимают центральное место в современных исследованиях, поскольку от уровня результативности деятельности органов государственного управления зависит не только качество жизни граждан, но и легитимность государственной власти. Глобализация, цифровизация, социальные трансформации актуализируют необходимость выработки новых критериев оценки – институциональных, правовых, социально-экономических, технологических. Как показывает международная практика, выработаны современные индексы и рейтинги, позволяющие сопоставлять уровень эффективности государств

В международной практике устоялись индексы и рейтинги, позволяющие сопоставлять уровень эффективности государств: Worldwide Governance Indicators (WGI) Всемирного банка, включающие показатели верховенства права, качества регулирования и контроля коррупции [1 WGI, 2025]; ежегодные обзоры OECD «Government at a Glance» [2 OECD, 2024]; индекс развития электронного правительства ООН [3 UN DESA, 2024]. Как правило, данные подходы фундаментируются на измеримые показатели как основу объективности анализа.

Современные зарубежные исследования акцентируют внимание на основных аспектах оценки эффективности государственного аппарата. Schmelting указывает, что качество оценки в цифровом правительстве напрямую зависит от уровня межведомственной интеграции и совместимости данных [1]. Zhu обосновывает концептуальную модель сочетания количественных и качественных метрик результативности [2]. Brandt, Wagner и Neumann связывают применение предиктивной и прескриптивной аналитики с публичной ценностью и легитимностью управленческих решений [3]. Chauhan доказывает, что использование больших данных позволяет прогнозировать спрос на госуслуги и оптимизировать ресурсы [4]. Цифровые каналы исполняют роль источника устойчивых потоков обратной связи [5]. Легитимность политики ставится в зависимость от уровня активности граждан в процессах электронного взаимодействия на электронных платформах [6]. Отмечается амбивалентность восприятия гражданами AI-сервисов: если в простых услугах (продление документов, регистрация бизнеса, оформление справок) их воспринимают позитивно, то в чувствительных сферах (социальные выплаты, медицинские решения, уголовное правосудие, миграционные споры) сохраняется предпочтение человеческого контроля. В чувствительных сферах граждане предпочитают, чтобы финальное решение принимал человек, а не алгоритм. [7]

Казахстанские авторы активно ведут исследование проблемы цифровизации госуслуг, подчеркивая положительные эффекты внедрения, одновременно отмечая низкую вовлеченность граждан и институциональные барьеры [8]. Цифровизация является не только инструментом оптимизации, но и фактором правовой трансформации, что необходимо учитывать при формировании национальных индикаторов оценки [9]. Актуальной является тематика исследований восприятия реформ как гражданами, так и госслужащими: отмечаются слабая кадровая подготовка и недостаток мотивации в госаппарате [10], институциональные особенности реформ и влияние на эффективность управления [11], связь качества государственного управления с уровнем благосостояния населения [12], зависимость эффективности от уровня развития организационно-правовой культуры государственных служащих [13].

Современные исследования формируют методологическую основу для включения в систему оценки не только институциональных и цифровых факторов, но и индикаторов доверия, прозрачности и справедливости. Адаптация мировых практик к национальным системам государственного управления требует учета специфики правового поля, институциональной архитектуры и уровня зрелости общества.

Цель статьи – осуществить сравнительный анализ международных и национальных подходов к оценке эффективности государственного аппарата, выявить передовые практики и предложить рекомендации по их адаптации к управленческому кейсу Казахстана.

Материалы и методы

Методология исследования базируется на междисциплинарном подходе. На основе сравнительно-правового анализа сделаны выводы о применимости международных методик оценки эффективности государственного управления в Республике Казахстан. Осуществлен институциональный анализ организационных и правовых основ государственного аппарата Республики Казахстан, прежде всего программных документов (первичных источников): Концепция развития государственной службы Республики Казахстан на 2024-2029 годы; Концепция развития государственного управления в Республике Казахстан до 2030 года; построение «человекоцентричной» модели «Люди прежде всего». Осуществлен эмпирический анализ исследований современных ученых. При проведении исследований применен метод предиктивной аналитики: использование big data, машинного обучения и статистического моделирования для прогнозирования индикаторов эффективности. Использованы материалы WGI, OECD, UN E-Government Survey. В научный оборот включены исследования казахстанских и зарубежных авторов. Применены элементы case-study для анализа практик Финляндии, Сингапура, Канады, Дании, Эстонии, Грузии, Узбекистана и Азербайджана для анализа практик Финляндии, Сингапура, Канады, Дании, Эстонии, Грузии, Узбекистана и Азербайджана.

Использование комплекса методов позволило соединить формально-правовые, организационные и социальные аспекты оценки эффективности госуправления с возможностями цифровых технологий.

Результаты и обсуждение

В условиях глобальной цифровой трансформации государственное управление нуждается в модернизации инструментов оценки эффективности. Традиционные методики, основанные преимущественно на ретроспективных статистических данных, утрачивают актуальность. На смену им приходят комплексные модели, сочетающие институциональные, правовые, социальные и технологические параметры.

В юридической литературе подчеркивается, что «государственная служба ... анализируется через призму институционального подхода, рассматривающего ее как уникальную организационно-нормативную систему и позволяющего оценить эффективность структуры и функционала государственной службы» [13, с.28].

В процессе правового анализа современных подходов к оценке эффективности государственного управления были систематизированы и обобщены закономерности, на основе чего выделен ряд значимых результатов, отражающих не только состояние теоретико-правовой базы, но и уровень практического применения правовых механизмов в сфере государственного управления. Данные результаты позволяют охарактеризовать современную модель оценки эффективности как многоаспектную, основанную на сочетании правовых, институциональных и организационно-управленческих факторов. Данная категория представляет собой многомерное явление, основу которого составляет взаимодействие международных методик, национальных практик, институциональных факторов и современных цифровых инструментов.

Во-первых, международные практики демонстрируют разнообразие критериев и инструментов оценки, что способствует формированию универсальных индикаторов качества государственного управления. Так, в рамках программы Worldwide Governance Indicators (WGI)

Всемирного банка эффективность государственного аппарата оценивается по 6 позициям: эффективность правительств, качество регулирования, верховенство закона, контроль коррупции, политическая стабильность и подотчетность¹. Организация экономического сотрудничества и развития (OECD) в серии докладов *Government at a Glance* акцентирует внимание на транспарентности и подотчетности государственного сектора². Обзор ООН в области электронного правительства эффективность государственных институтов связывает с уровнем цифровизации госуслуг и показателями электронного участия граждан³.

Финляндия традиционно входит в топ-10 по WGI благодаря высокой институциональной культуре, низкому уровню коррупции и прозрачности государственного аппарата. Сильные стороны этого государства – развитая система электронного участия граждан и высокая правовая культура.

Сингапур демонстрирует высокие показатели по качеству регулирования и эффективности правительства, приоритетами являются строгая антикоррупционная политика и цифровизация услуг.

Канада характеризуется высоким уровнем открытости госаппарата: публичный доступ к данным бюджета, системы мониторинга эффективности министерств, открытые отчеты для граждан.

Южная Корея вошла в число стран-лидеров OECD благодаря внедрению концепции открытого правительства и онлайн-платформ, которые позволяют населению контролировать деятельность госорганов.

Германия является примером развитой системы KPI для госслужащих, когда показатели эффективности связаны не только с экономическими результатами, но и уровнем доверия общества.

Что касается уровня Республики Казахстан, фиксируются средние значения: улучшение отмечается по индикатору качество регулирования, но сохраняются серьезные проблемы в сфере контроля коррупции и верховенства права [14].

WGI позволяет выявлять сильные и слабые стороны, но вместе с тем критикуется за чрезмерную агрегированность и зависимость от экспертных оценок. Приводятся аргументы, обосновывающие сложность в сравнении и интерпретации данных, отсутствие отличительных измерений между разными аспектами управления, недостаточную прозрачность и ограниченную воспроизводимость и практическую применимость [15]. Авторы WGI активно реагируют на критику, расширяют прозрачность, обновляют методы и добавляют новые источники, особенно из развивающихся стран.

Опыт OECD полезен для Казахстана в части внедрения прозрачных индикаторов, ориентированных на результаты, а не только на процессы. UN E-Government Survey обосновывает, что цифровизация – важный фактор современного госуправления, а успешные практики современных государств, в частности, Дании и Эстонии могут быть с учетом национальной специфики адаптированы в Казахстане.

Во-вторых, исследование показало, что национальный подход к оценке эффективности госуправления в современный период в Казахстане представляет собой оригинальную модель оценки деятельности центральных и местных исполнительных органов, сформулированную в Концепции развития государственного управления до 2030 года: построение «человекоцентричной» модели «Люди прежде всего»⁴. Переход к модели управления результатами на основе принципа приоритета интересов граждан подкрепляется положениями Концепции развития государственной службы на 2024-2029 годы о применении цифровых инструментов и внедрении технологий искусственного интеллекта⁵. Внедрение портала Egov.kz и

¹ Worldwide Governance Indicators (WGI). // URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/worldwide-governance-indicators>

² OECD. *Government at a Glance 2023*. Paris: OECD Publishing, 2024. DOI: 10.1787/22214399.

³ United Nations Department of Economic and Social Affairs. *United Nations E-Government Survey 2024*. New York: UN, 2024. // URL: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Reports/UN-E-Government-Survey-2024>

⁴ Концепции развития государственного управления до 2030 года: построение «человекоцентричной» модели «Люди прежде всего» // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000522>

⁵ Концепция развития государственной службы на 2024-2029 годы // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2400000602>

системы «Smart Data Ukimet» позволило автоматизировать сбор данных об эффективности госорганов. Однако исследования доказывают, что уровень доверия и удовлетворенности граждан измеряется недостаточно [10].

На постсоветском пространстве примечательны примеры Грузии, Azerbaijan и Узбекистана. Грузия считается одним из лидеров по реформам в сфере госуправления: с 2004 года проведена радикальная реформа госслужбы с акцентом на антикоррупционную политику и транспарентность. Используется Performance Management System (PMS), которая связывает стратегические цели правительства с индивидуальными KPI госслужащих, активно внедряются электронные сервисы, в том числе блокчейн-технологии для защиты реестров. Рейтинг Transparency International показывает, что Грузия стабильно входит в топ-3 стран региона по индикатору «контроль коррупции», что подтверждает влияние институциональных реформ на международные оценки эффективности.

Azerbaijan применяет гибридную модель: в 2005 году был создан центр ASAN xidmət (Асан – хидмет) как единая система оказания госуслуг по принципу «one stop shop». Эффективность измеряется через удовлетворенность граждан: в 2023 году уровень доверия к АСАН по данным UN DESA превысил 95%. В приоритете не столько количество оказанных сервисов, сколько оперативность и удобство услуг. Следует отметить, что азербайджанская модель АСАН получила международное признание, отмеченное премией ООН в сфере госуслуг.

Узбекистан с 2017 года активно внедряет систему мониторинга деятельности госорганов, утвержденная в 2023 году Стратегия развития «Узбекистан – 2030» закрепляет цифровизацию как основу реформ госуправления. В 2022 году в стране внедрена система «Xalq bilan mulqot»/Диалог с народом, приближающая узбекскую модель к принципам OECD и UN E-Government Survey, учитывая введение публикуемых рейтингов открытости госорганов с акцентом на сравнительные KPI госслужащих (скорость рассмотрения обращений граждан, уровень цифровизации услуг и др.).

Результаты исследования подтверждают выводы ряда современных работ о том, что политико-административная культура Казахстана по-прежнему сохраняет черты советской модели, и это снижает гибкость госуправления [16]; электронное правительство, оставаясь инструментом повышения эффективности, страдает от ограниченной вовлеченности граждан [8]. Для Казахстана целесообразно перенять от Грузии привязку KPI к стратегическим целям и жесткую антикоррупционную политику; от Azerbaijan – сервисный подход и акцент на удовлетворенность граждан; от Узбекистана – систему рейтингов открытости и диалога с гражданами. Несмотря на впечатляющие успехи в области цифровизации, Казахстану необходимо учитывать лучшие мировые практики комплексного анализа эффективности госаппарата и внедрять инструменты прогнозирования.

В-третьих, факторы эффективности государственного аппарата классифицируются на институциональные, социальные, цифровые и управленческие. К институциональным факторам относятся уровень правового регулирования и распределение полномочий между органами; к социальным – доверие и удовлетворенность граждан деятельностью государственных органов; к цифровым – уровень цифровизации и применение ИИ, к управленческим – оперативность принятия решений и степень межведомственной координации. Классификация такого плана позволяет рассматривать эффективность как комплексное правовое и управленческое решение. Важнейшее значение имеет правовое регулирование, баланс полномочий и институциональная культура. Высокий уровень верховенства права и развитая система административного права в Финляндии обеспечивает прозрачность деятельности органов государственной власти, а судебный контроль гарантирует законность решений. Институциональные реформы в Грузии 2004 года стали драйвером повышения эффективности государственного аппарата. Вместе с тем, Грузия, достигнув после 2004 года значительных успехов в реформировании госуправления, в настоящее время утратила позиции – международные структуры отмечают признаки ослабления некоторых управленческих институтов – баланс сильно смещен в сторону централизованной и

политически зависимой системы; под серьезным давлением находится независимость институтов и свобода гражданского общества.

Что касается социальных факторов, то речь идет об индикаторах, напрямую влияющих на легитимность государства: доверие граждан к власти и удовлетворенность госуслугами. Достаточно привести пример Дании, где высокое доверие граждан к институтам власти связано с прозрачностью бюджета и широким вовлечением общества в принятие решений.

Новый уровень оценки эффективности госуправления формируется под влиянием цифрового правительства, применения ИИ и больших данных. В Эстонии цифровая идентификация и платформа X-Road обеспечили почти полную цифровизацию госуслуг, что позволило сократить транзакционные издержки и повысить доверие граждан. В Сингапуре применение технологий ИИ в управлении транспортом, здравоохранением и безопасности усилило прогнозируемость решений и качество сервиса.

Управленческие факторы основаны на таких важных параметрах эффективности как согласованность, оперативность, стратегическая координация и адаптивность к кризисам. Развитая система межведомственных цифровых платформ в Южной Корее обеспечивает быструю координацию и гибкое управление, например, в период пандемии COVID-19.

Для Казахстана актуальными задачами в контексте повышения эффективности управленческих инструментов является укрепление независимости оценки эффективности; повышение роли социальных факторов; расширение применения ИИ в аналитике госуправления; сокращение бюрократических барьеров для ускорения принятия решений.

В-четвертых, цифровизация и предиктивная аналитика представляют собой эффективные инструменты современного государственного управления. Интеграция данных из административных, социологических и цифровых источников значительно повышает точность оценки деятельности государственных органов [16]. Использование алгоритмов машинного обучения позволяет прогнозировать результативность государственных услуг и выявлять риски в сфере управления [11].

Интеграция данных из разных источников повышает точность анализа – связка административных данных, социологических источников, цифровой информации в едином дата-контуре – дает сквозные панели и моделирование причинно-следственных связей. В Эстонии сотни баз данных ведомств и частного сектора безопасно связаны, поставщик данных контролирует доступ: таков фундамент цифрового государства, позволяющий строить композитные сервисы и аналитику в реальном времени. В Новой Зеландии Integrated Data Infrastructure (IDI) у Stats NZ представляет собой интегрированную de-identified базу, где административные записи, перепись и обследования связываются для оценки последствий государственной политики и таргетинга интервенций как процесса точечного нацеливания государственных мер на конкретные регионы, сектора и группы населения, которые больше всего нуждаются в поддержке или где ожидается наибольший эффект. Для Дании интеграция ведомственных данных стала одним из факторов лидерства страны в цифровом пространстве (№1 в UN EGOV-2024), обеспечивая сквозную аналитику по жизненным ситуациям и сервисам.

В Казахстане в современный период эффективны Smart Data Ukimet (SDU), E-Өтініш (e-Otinish). Smart Data Ukimet (SDU) – национальная аналитическая платформа, заявленная как единое пространство больших данных для анализа и прогнозирования деятельности правительства, интегрирующая более 120 государственных информационных систем «озере данных» («Data Lake»). Smart Bridge – государственная интеграционная витрина, способствующая быстрой, стандартизированной и прозрачной межведомственной интеграции госорганов, взаимодействию государства и бизнеса, в целом сокращая бюрократию. E-Өтініш (e-Otinish) – единая цифровая система обращений граждан (веб и мобильное приложение), позволяющая встраивать обратную связь и траектории рассмотрения как измерители эффективности и качества услуг.

Международная практика свидетельствует о том, что цифровизация госуслуг становится не только повышением доступности сервисов, но и значимым фактором укрепления качества

управленческих решений и легитимности власти. Развитие цифрового правительства сопряжено с необходимостью обеспечения правового и этического соответствия при введении технологий ИИ и алгоритмов машинного обучения. Канада внедрила директиву о применении автоматизированных решений в государственном секторе, которая закрепляет риск-ориентированный подход: для каждого алгоритма обязательна оценка воздействия алгоритма, а также введение реестра принимаемых решений. Великобритания разработала стандарт раскрытия сведений об алгоритмах, используемых государственными органами. Южная Корея в рамках своей концепции подчеркивает баланс между инновациями и правами человека в цифровой среде, соответствующие документы формируют нормативные гарантии защиты данных граждан и определяют права пользователей цифровых сервисов. Дания на примере масштабного внедрения антифрод-моделей показала уязвимость непрозрачных систем.

Международная практика, таким образом, указывает на необходимость институционализации правового и этического контроля, включающего прозрачность, аудит, независимую верификацию и гарантированные механизмы правовой защиты для граждан. Внедрение в Казахстане аналогичных механизмов позволит минимизировать репутационные и юридические риски при масштабировании цифровых решений и алгоритмов ИИ в государственном управлении

Заключение

Обобщение результатов исследования позволяет выделить несколько направлений совершенствования государственной политики и нормативно-правовой базы для адаптации в Республике Казахстан. Для построения архитектуры данных целесообразно закрепить в нормативных правовых актах обязательную интеграцию административных реестров и каналов обратной связи граждан в национальную аналитическую платформу Smart Data Ukimet (SDU), функционирующую по модели «озера данных» («Data Lake») с применением технологий Master Data Management (MDM) и единой системы цифровой идентификации. Необходимо нормативно регламентировать стандарты качества данных, а также соглашения об уровне обслуживания при межведомственном обмене информацией (по аналогии с апробированной практикой Эстонии и Новой Зеландии).

По аналогии с практикой Сингапура (GovTech Singapore) возможно масштабировать приоритизацию применения алгоритмов машинного обучения, что актуально для реализации проактивных государственных услуг по жизненным ситуациям.

Для повышения объективности оценки цифрового правительства целесообразно дополнить процессные показатели результативными показателями, коими являются доля оказываемых в проактивном режиме услуг, снижение времени и стоимости транзакций для граждан и бизнеса, уровень удовлетворенности пользователей, индекс электронного участия.

Особое внимание должно уделяться системам противодействия мошенничеству. В данном контексте целесообразно внедрение независимых аудитов журналов событий и регулярных проверок на предмет алгоритмических предвзятостей. Такая практика соответствует международным стандартам подотчетности и отражает уроки государств, в которых непрозрачность моделей приводила к серьезным репутационным издержкам.

Таким образом, результаты исследования подтверждают необходимость комплексного подхода к оценке эффективности государственного управления, который должен включать как международные стандарты и

Благодарности

Данная статья подготовлена в рамках гранта финансирования научных исследований Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан № BR28713289 «Система оценивания эффективности государственного аппарата: методологические принципы, правовые основания и предиктивная аналитика в условиях цифровой трансформации».

Список использованной литературы:

- 1 Schmelting M. Data collaboration in digital government: quality of performance measurement // *Government Information Quarterly*. – 2025. – Vol. 42(1). – P. 102–118.
- 2 Zhu X. Performance measurement in digital governance: balancing output and outcome indicators // *Public Performance & Management Review*. – 2024. – Vol. 47(3). – P. 421–440.
- 3 Brandt T., Wagner H., Neumann D. Prescriptive analytics in public sector decision-making: legitimacy and operational value // *European Journal of Operational Research*. – 2021. – Vol. 295(2). – P. 628–642.
- 4 Chauhan S. Demand forecasting for public services using big data // *Procedia Computer Science*. – 2022. – Vol. 200. – P. 1203–1211.
- 5 Shin J. Digital participation platforms and their impact on governance performance // *Government Information Quarterly*. – 2024. – Vol. 41(4). – P. 567–582.
- 6 Wilson A., et al. Public participation in AI governance: towards public value // *Government Information Quarterly*. – 2022. – Vol. 39(3). – P. 357–371.
- 7 Gesk A., et al. Citizens' acceptance of AI in government services: when people prefer humans // *Government Information Quarterly*. – 2022. – Vol. 39(4). – P. 411–428.
- 8 Orazgaliyeva S. et al. E-Government as a Tool to Improve the Efficiency of Public Administration: The Case of Kazakhstan // *Problems and Perspectives in Management*. – 2023. – Vol. 21(2). – P. 578–591.
- 9 Жетписбаев Г.А., Байсалова Г. Т. Казахстанская модель цифровизации: трансформация правовых институтов // *Вестник КазНПУ имени Абая. Серия «Юриспруденция»*. – 2024. – Т. 78, № 4. – С. 17–25.
- 10 Issenova G. et al. An Examination of Civil Servants' Assessment of the New Civil Service Reforms in Kazakhstan // *Central European Journal of Public Policy*. – 2024. – Vol. 18(2). – P. 2–16.
- 11 Arslan M. et al. Civil Service Reforms in Kazakhstan // In: *Biodiversity, Conservation and Sustainability in Asia*. Singapore: Springer, 2022. – P. 1013–1030.
- 12 Serikbayeva, B., Abdulla K. Good Governance Matters for Well-Being: The Case of Kazakhstan // *Transforming Government: People, Process and Policy*. – 2022. – Vol. 16(1). – P. 140–164.
- 13 Каблакатов А.А., Тайторина Б.А. Организационно-правовая культура на государственной службе: некоторые аспекты развития // *Вестник КазНПУ имени Абая. Серия «Юриспруденция»*. – 2024. – Т. 78, № 4. – С. 25–34.
- 14 Klochan V., Piliaiev I., Sydorenko T. et al. Digital Platforms as a Tool in Public Administration // *Journal of Information Technology Management*. 2021. Vol. 13. P. 42–61.
- 15 Kaufmann D., Kraay A., Mastruzzi M. The Worldwide Governance Indicators: Methodology and Analytical Issues // *World Bank Policy Research Working Paper*. – 2025. – № 5430. – DOI: 10.1596/1813-9450-5430.
- 16 Karini A. Politico-Administrative Culture and Public Service Reform in Post-Independence Kazakhstan // *Administrative Sciences*. 2024. Vol. 14(10). P. 268. DOI: 10.3390/admsci14100268.

References:

- 1 Schmelting, M. Data collaboration in digital government: quality of performance measurement // *Government Information Quarterly*. – 2025. – Vol. 42(1). – P. 102–118.
- 2 Zhu, X. Performance measurement in digital governance: balancing output and outcome indicators // *Public Performance & Management Review*. – 2024. – Vol. 47(3). – P. 421–440.
- 3 Brandt, T., Wagner, H., Neumann, D. Prescriptive analytics in public sector decision-making: legitimacy and operational value // *European Journal of Operational Research*. – 2021. – Vol. 295(2). – P. 628–642.
- 4 Chauhan, S. Demand forecasting for public services using big data // *Procedia Computer Science*. – 2022. – Vol. 200. – P. 1203–1211.
- 5 Shin, J. Digital participation platforms and their impact on governance performance // *Government Information Quarterly*. – 2024. – Vol. 41(4). – P. 567–582.

- 6 Wilson, A., et al. *Public participation in AI governance: towards public value* // *Government Information Quarterly*. – 2022. – Vol. 39(3). – P. 357–371.
- 7 Gesk, A., et al. *Citizens' acceptance of AI in government services: when people prefer humans* // *Government Information Quarterly*. – 2022. – Vol. 39(4). – P. 411–428.
- 8 Orazgaliyeva, S. et al. *E-Government as a Tool to Improve the Efficiency of Public Administration: The Case of Kazakhstan* // *Problems and Perspectives in Management*. – 2023. – Vol. 21(2). – P. 578–591.
- 9 Zhetpisbaev G.A., Bajsalova G. T. *Kazahstanskaja model' cifrovizacii: transformacija pravovyh institutov* // *Vestnik KazNPU imeni Abaja. Serija «Jurisprudencija»*. – 2024. – T. 78, № 4. – S. 17–25.
- 10 Issenova, G. et al. *An Examination of Civil Servants' Assessment of the New Civil Service Reforms in Kazakhstan* // *Central European Journal of Public Policy*. – 2024. – Vol. 18(2). – P. 2–16.
- 11 Arslan, M. et al. *Civil Service Reforms in Kazakhstan* // In: *Biodiversity, Conservation and Sustainability in Asia*. Singapore: Springer, 2022. – P. 1013–1030.
- 12 Serikbayeva, B., Abdulla, K. *Good Governance Matters for Well-Being: The Case of Kazakhstan* // *Transforming Government: People, Process and Policy*. – 2022. – Vol. 16(1). – P. 140–164.
- 13 Kablakatov A. A., Tajtorina B. A. *Organizacionno-pravovaja kul'tura na gosudarstvennoj sluzhbe: nekotorye aspekty razvitija* // *Vestnik KazNPU imeni Abaja. Serija «Jurisprudencija»*. – 2024. – T. 78, № 4. – S. 25–34.
- 14 Klochan V., Piliaiev I., Sydorenko T. et al. *Digital Platforms as a Tool in Public Administration* // *Journal of Information Technology Management*. 2021. Vol. 13. P. 42–61.
- 15 Kaufmann D., Kraay A., Mastruzzi M. *The Worldwide Governance Indicators: Methodology and Analytical Issues* // *World Bank Policy Research Working Paper*. – 2025. – № 5430. – DOI: 10.1596/1813-9450-5430.
- 16 Karini A. *Politico-Administrative Culture and Public Service Reform in Post-Independence Kazakhstan* // *Administrative Sciences*. 2024. Vol. 14(10). P. 268. DOI: 10.3390/admsci14100268.

МРНТИ 10.15.23
УДК 324.4

10.51889/2959-6181.2025.81.3.006

Рахимбаев Д.К.^{1*}

¹Общеобразовательная школа №99 города Алматы
(E-mail: *didarbek1971@bk.ru)

КОНСТИТУЦИОННЫЕ РЕФОРМЫ И ИХ РОЛЬ В МОДЕРНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Аннотация

Статья посвящена исследованию конституционных реформ Республики Казахстан в период обретения независимости с акцентом на их роль в модернизации государственного управления. Исследование содержит анализ всех этапов конституционного развития: переходная модель Конституции 1993 года, закрепление президентской модели власти Конституцией 1995 года, реформы 2007 и 2017 гг., связанные с перераспределением полномочий между ветвями власти, а также масштабные изменения 2022 года, направленные на откат от модели суперпрезидентства и восстановление Конституционного суда. Цель исследования – выявить закономерности и результаты конституционных реформ в Казахстане, определить их значение для институционального развития и демократизации.

Результаты исследования: обосновано, что Конституция 1993 года имела переходный характер и не вполне обеспечивала устойчивость баланса ветвей власти; Конституция 1995 года закрепила президентскую модель, обеспечив стабильность, но ограничив демократизацию;

реформы 2007-2017 года продемонстрировали курс на институциональную модернизацию, ноне изменили ситуацию фактического доминирования президента; конституционная реформа 2022 года представляет собой масштабную трансформацию системы власти: усилен парламент, восстановлен судебный орган конституционного контроля, расширены механизмы защиты прав человека. Осуществлена комплексная оценка всех этапов конституционного развития в позиции их вклада в эволюцию системы государственного управления. Выявлено, что конституционные реформы в Казахстане выполняли двойную функцию: стабилизирующую и модернизационную, постепенно расширяя пространство для демократии.

Ключевые слова: конституция, конституционная реформа, государственное управление, президент, модернизация, конституционализм, демократизация.

Д.Қ. Рахымбаев¹

¹ Алматы қаласының №99 жалпы білім беретін мектебі

КОНСТИТУЦИЯЛЫҚ РЕФОРМАЛАР ЖӘНЕ ОЛАРДЫҢ ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ МЕМЛЕКЕТТІК БАСҚАРУЫН ЖАҢҒЫРТУДАҒЫ РӨЛІ

Аңдатпа

Мақала Қазақстан Республикасының тәуелсіздік алған кезеңінен кейінгі конституциялық реформаларын және олардың мемлекеттік басқаруды жаңғыртудағы рөлін зерттеуге арналған. Зерттеу барысында конституциялық дамудың барлық кезеңдері талданады: 1993 жылғы Конституцияның өтпелі үлгісі, 1995 жылғы Конституцияның президенттік билік моделін бекітуі, билік тармақтары арасындағы өкілеттіктерді қайта бөлуге бағытталған 2007 және 2017 жылдардағы реформалар, сондай-ақ суперпрезиденттік модельден бас тартуға және Конституциялық Сотты қалпына келтіруге бағытталған 2022 жылғы ауқымды өзгерістер. Зерттеудің мақсаты – Қазақстандағы конституциялық реформалардың заңдылықтары мен нәтижелерін айқындау, олардың институционалдық даму мен демократияландыру үшін маңызын анықтау.

Зерттеу нәтижелері: 1993 жылғы Конституция өтпелі сипатқа ие болып, билік тармақтарының тепе-теңдігін толық қамтамасыз етпегені дәлелденді; 1995 жылғы Конституция президенттік модельді орнықтырып, саяси тұрақтылық бергенімен, демократияландыруды шектеді; 2007–2017 жылдардағы реформалар институционалдық жаңғырту бағытын айқындады, алайда президенттің фактілік үстемдігін өзгерте алмады; 2022 жылғы конституциялық реформа билік жүйесін түбегейлі трансформациялаудың үлгісі болды: Парламенттің өкілеттігі күшейтілді, конституциялық бақылау органы қалпына келтірілді, адам құқықтарын қорғау тетіктері кеңейтілді. Конституциялық дамудың барлық кезеңдеріне олардың мемлекеттік басқару жүйесінің эволюциясына қосқан үлесі тұрғысынан кешенді баға берілді. Қазақстандағы конституциялық реформалардың тұрақтандырушы және жаңғыртушы қос функция атқарып, демократия кеңістігін біртіндеп кеңейткені анықталды.

Түйін сөздер: конституция, конституциялық реформа, мемлекеттік басқару, президент, жаңғырту, конституционализм, демократияландыру

D.K. Rakhimbayev¹

¹ Secondary School № 99, Almaty

CONSTITUTIONAL REFORMS AND THEIR ROLE IN THE MODERNIZATION OF PUBLIC ADMINISTRATION IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Abstract

The article is devoted to the study of the constitutional reforms of the Republic of Kazakhstan during the period of independence, with an emphasis on their role in the modernization of public administration. The study contains an analysis of all stages of constitutional development: the

transitional model of the 1993 Constitution, the consolidation of the presidential model of government by the 1995 Constitution, the reforms of 2007 and 2017 related to the redistribution of powers between the branches of government, as well as large-scale changes in 2022 aimed at rolling back the model of super-presidency and the restoration of the Constitutional Court. The purpose of the study is to identify patterns and results of constitutional reforms in Kazakhstan, to determine their importance for institutional development and democratization.

The results of the study: it is proved that the 1993 Constitution was of a transitional nature and did not fully ensure the stability of the balance of the branches of government; the 1995 Constitution consolidated the presidential model, ensuring stability but limiting democratization; the reforms of 2007-2017 demonstrated a course towards institutional modernization, but did not change the situation of the actual dominance of the president; The constitutional reform of 2022 represents a large-scale transformation of the system of government: the parliament has been strengthened, the judicial body of constitutional control has been restored, and human rights protection mechanisms have been expanded. A comprehensive assessment of all stages of constitutional development has been carried out in terms of their contribution to the evolution of the public administration system. It is revealed that constitutional reforms in Kazakhstan performed a dual function: stabilizing and modernizing, gradually expanding the space for democracy.

Key words: constitution, constitutional reform, public administration, president, modernization, constitutionalism, democratization.

Введение

Конституционные реформы выступают основным инструментом правовой и институциональной модернизации государства. Для Республики Казахстан конституционные реформы на протяжении более трех десятилетий стали механизмом адаптации системы власти к новым социально-политическим вызовам и одновременно средством легитимации курса политического развития. Действительно, в период 1993-2025 гг. Казахстан преодолел ряд этапов трансформации конституционной системы, каждый из которых был связан с изменением с изменением баланса между ветвями власти и поиском оптимальной модели государственного управления. Конституционные реформы, целеполагающие укрепление верховенства права и обеспечение устойчивого развития государства и демократизации общества, приобретают особое значение как фактор модернизации публичной власти.

Цель статьи: осуществить анализ конституционных реформ 1993-2025гг. и выявить их роль в модернизации государственного управления.

Материалы и методы

Материалами исследования послужили тексты Конституции 1993 и 1995 годов, законы о внесении изменений в текст Конституции 1998, 2007, 2017 и 2022 годов, а также инициативы и акты, сопровождавшие процессы модернизации государственного управления. В исследовательском процессе использовались международные документы и рекомендации (ООН, ОБСЕ, Венецианская комиссия Совета Европы), задающие стандарты демократизации и верховенства права.

Научную основу статьи составили труды отечественных и зарубежных ученых-правоведов, основу которых составляет исследование конституционных реформ.

Примененный методологический инструментарий сочетает анализ прошлого, оценку настоящего и моделирование будущего, что позволяет рассматривать конституционные реформы Казахстана как процесс модернизации государственного управления. Историко-правовой метод применен для анализа генезиса конституционных реформ Казахстана, начиная с 1993 года, и выявления закономерностей их развития. Сравнительно-правовой метод использовался для сопоставления этапов реформ в Казахстане. Институциональный метод позволил выявить изменения в системе разделения власти, перераспределение полномочий между институтами публичной власти. Системный метод обеспечил целостное рассмотрение

конституционных реформ как части стратегии модернизации государства, включающей демократизацию, развитие прав человека и укрепление конституционной юстиции. Доктринальный анализ применялся для изучения и критической оценки научных концепций казахстанских и зарубежных исследователей, выявления дискуссий в контексте понятия авторитарного конституционализма. Метод правового моделирования использован для построения прогнозов развития конституционной системы Казахстана до 2030 года, включая возможные направления укрепления роли парламента, повышения независимости судебной власти и институционализации конституционного контроля. Данный метод позволил на основе выявленных тенденций и международных стандартов сформировать рекомендации по совершенствованию конституционно-правовой базы.

Результаты и обсуждение

Проблематика конституционных реформ в Республике Казахстан активно дискутируется в юридической литературе, и, соответственно, нашла отражение в трудах ведущих отечественных правоведов и современных исследователей.

Еще в 1990-е годы академик С.З. Зиманов подчеркивал, что «будущая Конституция Казахской ССР должна выразить идею правового государства, а главное – воплотить ее в реальную структуру и в реальные жизненные отношения» [1, с.37].

Проблемы становления и укрепления принципа правового государства рассматривал академик М.Т.Баймаханов, отмечавший, что данные принципы должны «пропитывать все конституционные институты и нормы» [2, с.4-5]. Труды М.Т.Баймаханова пронизаны идеей о системном характере конституционной реформы и ее определяющем влиянии на развитие государственных институтов.

Особое внимание анализу Конституции 1995 года и ее роли в формировании президентской модели уделял академик Г.С.Сапарғалиев, обосновавший: Конституция обеспечила политическую стабильность в переходный период, однако одновременно ограничила развитие парламентаризма и систему сдержек и противовесов [3].

Неоценимый вклад в развитие парламентаризма внес академик С.С.Сартаев, обосновавший значимость парламента в системе государственной власти и необходимость повышения его роли в законодательном процессе [4].

Более поздний этап конституционно-правового развития отражен в коллективном научно-практическом комментарии к Конституции 2018 года, в котором содержится анализ реформы 2017 года [5].

Современные исследователи конституционных реформ отмечают, что реформы 2022 года стали основой перехода к модели президентской республики с сильным парламентом, что знаменует собой новый этап эволюции государственного управления [6].

Предназначение конституционных изменений видится в том, чтобы «скорректировать форму правления, снизить социальную напряженность, восстановить доверие населения к власти, обеспечить более справедливое распределение национального дохода», и что «на примере конституционной реформы 2022 года в Казахстане можно видеть значительный потенциал правовой политики, права для минимизации, устранения и профилактики социальных конфликтов, включения демократических механизмов укрепления единства народа, сотрудничества в интересах реформирования и развития общества» [7, с.52].

Следует отметить, что большинство исследователей акцентируют внимание на развитии института конституционной юстиции и тенденциях демократизации [8; 9].

Что касается исследований зарубежных авторов, то интерес представляют позиции, обосновывающие, что конституционные реформы в странах Центральной Азии, в том числе в Казахстане, в целом укладываются в парадигму авторитарного конституционализма и представляют собой адаптацию конституций этих стран к текущим потребностям их недемократических президентов [10].

Таким образом, в научной литературе сложился своего рода консенсус относительно того, что конституционные реформы в Казахстане были обусловлены задачами укрепления государственности и политической стабильности, но постепенно трансформировались в сторону демократизации и усиления институтов парламентаризма и конституционного контроля.

Первая Конституция независимого Казахстана, принятая 28 января 1993 года, закрепила основы государственности. Преамбула провозглашала Республику Казахстан утверждающей себя демократическим, правовым и социальным государством, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы¹. При этом Конституция сохраняла ряд черт советской системы: широкими полномочиями обладал Верховный Совет, и прослеживались элементы конкуренции между президентом и парламентом.

В научной литературе наиболее распространена точка зрения, что Конституция 1993 года явилась переходным и временным документом. В исследованиях отмечается, что Конституция 1993 года не обеспечивала реального баланса ветвей власти и стабильности политической системы [11]. Неопределенность взаимодействия Верховного Совета и Президента порождала кризисные ситуации, что могло отразиться на устойчивости всей системы государственного управления.

В литературе наряду с анализом позитивного имиджа первой Конституции независимого Казахстана отмечается, что «Конституция 1993 года, декларируя стремление к достижению общемировых социальных ценностей, фактически консервировала прежнюю систему социально-экономических и политико-конституционных отношений, не решила множество важнейших вопросов, требовавших скорейшего своего развития» [12, с.80].

Полагаем, что такая критическая оценка не раскрывает всей полноты историко-правового значения Конституции 1993 года. По мнению ряда исследователей, она адекватно отражала переходный характер казахстанского общества, обеспечив закрепление новых принципов государственного устройства после распада СССР: основной закон того периода отражал «сбалансированное устройство государства, учитывающее национальную, религиозную и общественную неоднородность граждан», что придавало ей компромиссный и легитимирующий характер [13]. Положения Конституции 1993 года, закрепившие широкий перечень прав и свобод человека и гражданина, включая принцип непосредственного действия прав и свобод, не были декларативными, использовались в правоприменительной практике. Конституция выполнила важную учредительную миссию, утвердив основы независимого государства, ее значение выходит за рамки кратковременного действия: основной закон стал своеобразным мостом между советским прошлым и современным конституционным строем Казахстана.

Яркой представляется изложенная в исследованиях проблемы констатация факта: «в Конституции оказались заложены противоречия, не разрешимые в рамках этой Конституции. Главным из них было недостаточно четко прописанное соотношение между законодательной и исполнительной властью. В Конституции был заложен принцип жесткого разделения властей, при которой и Президент, и Парламент обладали большим кругом полномочий... В то же время механизм разрешения противоречий между ветвями власти не был четко разработан. Это привело к нарастанию противоречий между Президентом и Верховным Советом» [14].

В результате обострения конфликта 1994 -1995 гг. Верховный Совет был распущен, что предопределило принятие новой Конституции на республиканском референдуме 30 августа 1995 года.

Конституция 1993 года закрепила разделение власти, но не устанавливала четкий механизм их взаимодействия, в итоге Верховный Совет обладал значительными полномочиями, включая возможность отставки правительства, что вызывало конфликты с Президентом [12]. Конституция 1995 года установила суперпрезидентскую модель: Президент стал не только главой государства, но и определяющим арбитром во взаимоотношениях ветвей власти, получил

¹ Конституция Республики Казахстан от 28 января 1993 г. // Ведомости Верховного Совета Республики Казахстан. – 1993. – № 4. – Ст. 33.

право роспуска Парламента, издания законов, имеющих силу закона [15]. По Конституции 1993 года действовал однопалатный Верховный Совет. Конституция 1995 года учредила двухпалатный парламент (Сенат и Мажилис), что позволило перераспределить полномочия и создать более управляемую законодательную систему.

С 1993 по 1995 год функционировал Конституционный суд, имевший право признать неконституционными акты парламента и президента, отменять итоги выборов в случае нарушений выборного законодательства. В 1995 году его заменил Конституционный Совет с урезанными полномочиями, Президент при этом получил возможность не согласиться с решениями нового органа конституционного контроля.

По Конституции 1993 года местные Советы обладали относительной самостоятельностью, принятый в 1995 году основной закон ввел институты маслихатов и акиматов, что укрепило вертикаль президентской власти.

Таким образом, Конституция 1995 года радикально изменила баланс ветвей власти, превратив Казахстан фактически в президентскую республику, ограничил парламент в полномочиях, создав ситуацию доминирования правительства, ослабив институт конституционного контроля. Явившись институтом стабилизации, новый основной закон одновременно укрепил персоналистскую модель управления.

Конституционная реформа 1998 года по сути означала корректировку президентской модели. Увеличен срок полномочий депутатов палат, изменен порядок формирования Сената: часть депутатов избиралась регионами, часть – назначалась президентом. Парламент получил более широкий контроль над правительством и бюджетом, однако это не изменило сути президентской республики [3]. Исследователи констатируют ограниченный и косметический характер реформы 1998 года [13].

Конституционную реформу 1998 года можно определить как промежуточный шаг, означающий готовность власти к некоторому расширению парламентских полномочий, но при этом сохранен фундаментальный характер президентской модели.

Конституционная модель 2007 года также была направлена на усиление парламентских полномочий в контексте участия в формировании правительства, предоставления парламенту права выражать вотум недоверия правительству. Также был начат переход к пропорциональной избирательной системе с целью способствовать укреплению партийной системы.

В исследованиях содержатся выводы об институциональной модернизации 2017 года: «Результатом реформы явилась демократическая модернизация президентской республики посредством повышения роли парламента, усиления самостоятельности Правительства при одновременном расширении механизмов его подотчетности и подконтрольности Парламенту. Существенной новацией стал отказ Президента Республики Казахстан от своих законодательных полномочий в пользу Парламента, что делает Парламент единственным законодательным и высшим представительным органом Республики Казахстан... Прошедшие конституционные преобразования имеют характер эволюционных изменений, они не содержат каких-либо радикальных мер, а продолжают логику предыдущих конституционных преобразований в стране» [9].

После событий января 2022 года, обнаживших уязвимость системы власти и доказавших необходимость ее демократизации главой государства К.-Ж.Токаевым была инициирована новая конституционная реформа. 5 июня 2022 года состоялся республиканский референдум, в результате которого были внесены поправки в действующую Конституцию.

Конституционную реформу 2022 года можно признать крупнейшей в истории конституционных преобразований в Республике Казахстан: провозглашен переход от суперпрезидентской формы правления к президентской республике с сильным парламентом. Поправки касаются восстановления Конституционного суда, закрепления независимого статуса омбудсмена, запрета членства президента в политических партиях, перераспределения полномочий между президентом, парламентом и правительством, ограничения для родственников президента занимать высокие государственные должности.

Позитивное значение реформы: переход к деконцентрации президентской власти, расширение полномочий парламента и органа конституционного контроля, новые механизмы участия гражданского общества. Однако президент сохранил ключевые рычаги, парламент остается зависимым от партийной системы, в которой доминирует партия власти. В целом реформа внесла определенные коррективы, без радикальных изменений.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов о характере и значении конституционных реформ в Казахстане за период 1933-2025 гг., которые стали важнейшим инструментом трансформации модели государственного управления. Они позволили обеспечить стабильность в переходный период и постепенно расширили институциональные основы парламентаризма, конституционного контроля и участия граждан в политических процессах. Однако при всех положительных результатах данный процесс носил неравномерный и противоречивый характер.

В историографии Конституции Республики Казахстан 1993 года существуют две исследовательские парадигмы: конструктивная и критическая. Конструктивная обосновывает, что первый в истории независимого Казахстана основной закон государства и общества представляет собой важнейший учредительный акт, заложивший основы казахстанского конституционализма; в то же время внимание критически акцентируется на временном характере и институциональной слабости Конституции 1993 года.

Конституция 1995 года стабилизировала государственную систему, но закрепила доминирование президентской власти, что породило дисбаланс ветвей власти. Реформа 1998 года усилила президентскую модель, увеличив срок его полномочий, тогда как институциональные новации в парламентской сфере и избирательной системе оставались ограниченными по влиянию. Конституционные поправки 2007 года формально усилили парламент, но на практике закрепили доминирование правящей партии и концентрацию власти в руках исполнительной ветви. Реформа 2017 года, направленная на перераспределение полномочий и особенно изменения 2022 года, ориентированные на демократизацию и возрождение конституционного правосудия, обозначили новый этап модернизации. Тем не менее, практика их применения показывает, что реальные механизмы политического плюрализма, независимости парламента и судебной системы остаются ограниченными, а институты гражданского общества не играют системообразующей роли.

В этой связи конституционные реформы в Казахстане можно оценивать как процесс поступательной, но непоследовательной модернизации. Стратегическая цель – построение правового государства и укрепление демократических институтов – остается актуальной задачей, требующей дальнейшего продвижения.

В целях дальнейшего повышения результативности конституционно-правовых преобразований в Республике Казахстан представляется необходимым сформулировать ряд рекомендаций. Прежде всего особое значение приобретает укрепление реальной независимости парламента, что предполагает наделение его полноценными контрольными функциями и обеспечение политического разнообразия в его составе. Такие меры позволят превратить парламент в действенный институт представительства и балансировки ветвей власти, а не в формальный орган одобрения решений исполнительной власти.

В контексте проблемы развития независимости институтов судебного контроля особое место должно занимать укрепление роли Конституционного суда как органа, способного обеспечивать верховенство Конституции, эффективно защищать права и свободы личности.

Для укрепления демократической легитимности важно создание действенных механизмов участия граждан и институтов гражданского общества в процессе принятия политических решений. Это предполагает расширение форм общественного диалога, институционализацию гражданских инициатив и обеспечение прозрачности процедур государственного управления.

Значительный потенциал модернизации связывается также с повышением эффективности механизмов конституционного контроля, прежде всего, тех, которые ориентированы на защиту прав и свобод человека. Их практическая реализация должна обеспечивать не декларативное, а реальное наполнение конституционных норм.

Стратегически важным направлением является гармонизация национальных реформ с международными стандартами демократического управления. Приведение конституционно-правовых институтов в соответствие с рекомендациями ООН, другими авторитетными организациями позволит укрепить авторитет государства на международной арене.

Конституционные реформы стали основой для модернизации государственного управления, но их результативность во многом зависит от того, насколько последовательно и полно будут реализованы заявленные цели – демократизация, верховенство Конституции и обеспечение прав и свобод граждан.

Список использованных источников:

- 1 Зиманов С.З. Конституция и Парламент Республики Казахстан. – Алматы 1996. – 128 с.
- 2 Баймаханов М.Т. Проблемы воплощения принципов правового государства в Конституции Казахстана // Советское государство и право. – 1992. – № 8. – С. 4-15.
- 3 Сапарғалиев Г.С. Конституция Республики Казахстан: комментарий. – Алматы: Жеті Жарғы, 1996. – 312 с.
- 4 Сартаев С.С. Казахстан: конституционализм и парламентаризм. – Алматы: Ғылым, 2000. – 280 с.
- 5 Конституция Республики Казахстан. Научно-практический комментарий / отв. ред. Г.С. Сапарғалиев. – Астана: НИИ частного права, 2018. – 640 с.
- 6 Жанұзакова Л.Т., Караев А.А., Калкаева Н.Б. Конституционные реформы 2022 года: новые приоритеты развития институтов власти // Вестник КазНПУ им. Абая. Серия «Юриспруденция». – 2024. – № 2(74). – С. 9–21.
- 7 Ударцев С. Ф. Конституционная реформа 2022 года в Казахстане: корректировка модели государства, укрепление правозащитных механизмов после массовых беспорядков начала года // Государственно-правовые исследования. – 2022. – Вып.5. – С.52-62.
- 8 Караев А.А. Конституционный суд – важнейший орган защиты прав и свобод человека и гражданина: историко-правовой опыт зарубежных стран // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2022. – № 4 (71). [Электрон. ресурс]. – 2022. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnyy-sud-vazhneyshiy-organ-zaschity-prav-i-svobod-cheloveka-i-grazhdanina-istoriko-pravovoy-opyt-zarubezhnyh-stran> (дата обращения: 30.05.2025).
- 9 Хабриева Т.Я., Андриченко Л.В. Конституционная реформа в Республике Казахстан: тенденции и перспективы развития // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. №3 (64). [Электрон. ресурс]. – 2017. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnaya-reforma-v-respublike-kazahstan-tendentsii-i-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 26.05.2025).
- 10 Czachor R. (2024). *Democratic Transition or Autocratic Adjustment? Constitutional Amendments in Kazakhstan and Uzbekistan in 2022–2023. Review of European and Comparative Law*, 56(1), 187–205. <https://doi.org/10.31743/recl.17105>
- 11 Зиманов С.З. Конституция и Парламент Республики Казахстан. – Алматы: Жеті Жарғы, 1996. – 320 с.
- 12 Амандыкова С.К. (2014). *The Constitution of the Republic of Kazakhstan of 1993 – the first Constitution of sovereign Kazakhstan. Political Science Studies*, 32; 55-82.
- 13 Залесны Я., Остапович И. Ю. Конституционализм в Республике Казахстан: генезис, особенности и перспективы // Антиномии. 2021. №3. [Электрон. ресурс]. – 2021. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionalizm-v-respublike-kazahstan-genezis-osobennosti-i-perspektivy> (дата обращения: 31.04.2025).

14 Сулейменов М.К. Конституция Республики Казахстан: исторический путь развития и перемен. [Электрон. ресурс]. – 2022. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33590347&pos=6;-106#pos=6;-106 (дата обращения: 31.05.2025).

15 Зиманов С.З. История парламентаризма в Казахстане. – Алматы: Жети Жарғы, 1999. – 295с.

References:

- 1 Zimanov S.Z. *Konstitucija i Parlament Respubliki Kazahstan*, -Almaty 1996. -128 c.
- 2 Bajmahanov M.T. *Problemy voploshhenija principov pravovogo gosudarstva v Konstitucii Kazahstana* // *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. – 1992. - № 8. - S. 4-15.
- 3 Sapargaliev G.S. *Konstitucija Respubliki Kazahstan: kommentarij*. – Almaty: Zheti Zharǵy, 1996. – 312 s.
- 4 Sartaev S.S. *Kazahstan: konstitucionalizm i parlamentarizm*. – Almaty: Fylym, 2000. – 280 s.
- 5 *Konstitucija Respubliki Kazahstan. Nauchno-prakticheskij kommentarij / otv. red. G.S. Sapargaliev*. – Astana: NII chastnogo prava, 2018. – 640 s.
- 6 Zhanuzakova L.T., Karaev A.A., Kalkaeva N.B. *Konstitucionnye reformy 2022 goda: novye priority razvitija institutov vlasti* // *Vestnik KazNPU im. Abaja. Serija «Jurisprudencija»*. – 2024. – № 2(74). – S. 9–21.
- 7 Udarcev S. F. *Konstitucionnaja reforma 2022 goda v Kazahstane: korrektirovka modeli gosudarstva, ukreplenie pravozashhitnyh mehanizmov posle massovyh besporjadkov nachala goda* // *Gosudarstvenno-pravovye issledovanija*. - 2022. - Vyp.5. - S.52-62.
- 8 Karaev A.A. *Konstitucionnyj sud – vazhnejshij organ zashhity prav i svobod cheloveka i grazhdanina: istoriko-pravovoj opyt zarubezhnyh stran* // *Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii Respubliki Kazahstan*. – 2022. – № 4 (71). [Elektron. resurs]. – 2022. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnyj-sud-vazhnejshij-organ-zaschity-prav-i-svobod-cheloveka-i-grazhdanina-istoriko-pravovoy-opyt-zarubezhnyh-stran> (data obrashhenija: 30.05.2025).
- 9 Habrieva T.Ja., Andrichenko L.V. *Konstitucionnaja reforma v Respublike Kazahstan: tendencii i perspektivy razvitija* // *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedenija*. 2017. №3 (64). [Elektron. resurs]. – 2017. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnaya-reforma-v-respublike-kazahstan-tendentsii-i-perspektivy-razvitiya> (data obrashhenija: 26.05.2025).
- 10 Czachor R. (2024). *Democratic Transition or Autocratic Adjustment? Constitutional Amendments in Kazakhstan and Uzbekistan in 2022–2023. Review of European and Comparative Law*, 56(1), 187–205. <https://doi.org/10.31743/recl.17105>
- 11 Zimanov S.Z. *Konstitucija i Parlament Respubliki Kazahstan*. – Almaty: Zheti Zharǵy, 1996. – 320 s.
- 12 Amandykova S.K. (2014). *The Constitution of the Republic of Kazakhstan of 1993 – the first Constitution of sovereign Kazakhstan. Political Science Studies*, 32; 55-82.
- 13 Zalesny Ja., Ostapovich I. Ju. *Konstitucionalizm v Respublike Kazahstan: genezis, osobennosti i perspektivy* // *Antinomii*. 2021. №3. [Elektron. resurs]. – 2021. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitucionalizm-v-respublike-kazahstan-genezis-osobennosti-i-perspektivy> (data obrashhenija: 31.04.2025).
- 14 Sulejmenov M.K. *Konstitucija Respubliki Kazahstan: istoricheskij put' razvitija i peremen*. [Elektron. resurs]. – 2022. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33590347&pos=6;-106#pos=6;-106 (data obrashhenija: 31.05.2025).
- 15 Zimanov S.Z. *Istorija parlamentarizma v Kazahstane*. – Almaty: Zheti Zharǵy, 1999. – 295s.

**АЗАМАТТЫҚ ҚҰҚЫҚ ЖӘНЕ ПРОЦЕСС.
ЕҢБЕК ҚҰҚЫҒЫ. БІЛІМ БЕРУ ҚҰҚЫҒЫ
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС. ТРУДОВОЕ ПРАВО.
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРАВО
CIVIL LAW AND PROCESS. LABOR LAW. EDUCATIONAL LAW**

ҒТАХР 10.63.59
ӘОЖ 349.23/24

10.51889/2959-6181.2025.81.3.007

Д.С. Байсымакова^{1*}

¹ Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті
(e-mail: *baisymakovadana@gmail.com)

**ЦИФРЛЫҚ ДӘУІРДЕГІ ЖҰМЫСКЕРЛЕРДІҢ ЕҢБЕК ҚҰҚЫҚТАРЫН ҚОРҒАУДЫ
ҚҰҚЫҚТЫҚ РЕТТЕУ**

Аңдатпа

Қоғам дамуының қазіргі кезеңі барлық өмірлік қызмет салаларын, соның ішінде еңбек қатынастарын да қамтитын жедел цифрландыру үдерісімен сипатталады. Цифрлық экономика жағдайында қашықтықтан жұмыс істеу, гибридті жұмыспен қамту, фриланс, платформалық жұмыс және «гиг-экономиканың» өзге де нысандары тәрізді жаңа жұмыспен қамту түрлері қалыптасуда. Аталған үдерістер бір жағынан жұмыскерлер мен жұмыс берушілер үшін жаңа мүмкіндіктер ашып, еңбек нарығының икемділігі мен қолжетімділігін арттырса, екінші жағынан еңбек құқықтарын қамтамасыз ету мен қорғауға қатысты бірқатар күрделі мәселелерді туындатады. Цифрлық платформа жұмыскерлерінің құқықтық мәртебесінің айқын болмауы, әлеуметтік кепілдіктерге шектеулі қолжетімділік, еңбекті алгоритмдік басқару кезінде кемсітушілік қаупі мен дербес деректердің құпиялылығына төнетін қауіп-қатерлер құқықтық реттеу үшін жаңа сын-тегеуріндер қалыптастырады.

Зерттеу нәтижелері Қазақстан Республикасының еңбек заңнамасын жаңа цифрлық шындықтарға бейімдеу қажеттігін көрсетеді. Атап айтқанда, цифрлық платформалар жұмыскерлерінің мәртебесін нормативтік тұрғыда бекіту, электрондық еңбек шарттары институтын дамыту, алгоритмдік бақылаудың айқындығына құқықтық кепілдіктер енгізу, сондай-ақ жұмыспен қамтылу нысанына қарамастан әлеуметтік қорғауды кеңейту талап етіледі.

Қорытындылар құқықтық реттеу әділеттілік және технологиялық бейтараптық қағидаттардың икемділігіне негізделуі тиіс екенін айқындайды. Сонымен қатар цифрлық құқықтануды дамыту, еңбек дауларын шешудің электрондық сервистерін енгізу және халықаралық стандарттарды интеграциялау цифрлық дәуірдегі жұмыскерлердің құқықтарын қорғаудың негізгі құралы бола алады.

Түйін сөздер: еңбек қатынастарын цифрландыру, құқықтық реттеу, еңбек құқықтарын қорғау, платформалық жұмыспен қамту, жұмыскерлердің әлеуметтік кепілдіктері, еңбекті алгоритмдік басқару, цифрлық құқықтану.

Байсымакова Д.С.¹

¹Казахский национальный педагогический университет имени Абая

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАЩИТЫ ТРУДОВЫХ ПРАВ РАБОТНИКОВ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Аннотация

Современный этап развития общества характеризуется стремительной цифровизацией, охватывающей все сферы жизнедеятельности, включая трудовые отношения. В условиях цифровой экономики появляются новые формы занятости, такие как удалённая работа, гибридная занятость, фриланс, платформенный труд и иные проявления «гиг-экономики». Эти процессы, с одной стороны, открывают новые возможности для работников и работодателей, повышая гибкость и доступность рынка труда, но, с другой стороны, порождают целый комплекс проблем, связанных с обеспечением и защитой трудовых прав. Отсутствие четкого правового статуса работников цифровых платформ, ограниченный доступ к социальным гарантиям, риск дискриминации при алгоритмическом управлении трудом и угрозы приватности создают новые вызовы для правового регулирования.

Результаты исследования показывают необходимость адаптации трудового законодательства Республики Казахстан к новым цифровым реалиям. В частности, требуется нормативное закрепление статуса работников цифровых платформ, развитие института электронного трудового договора, введение правовых гарантий прозрачности алгоритмического контроля, а также расширение социальной защиты независимо от формы занятости.

Выводы подчеркивают, что правовое регулирование должно опираться на принципы гибкости, справедливости и технологической нейтральности. Одновременно развитие цифровой юриспруденции, внедрение электронных сервисов разрешения трудовых споров и интеграция международных стандартов способны стать ключевыми инструментами защиты прав работников в цифровую эпоху.

Ключевые слова: цифровизация трудовых отношений; правовое регулирование; защита трудовых прав; платформенная занятость; социальные гарантии работников; алгоритмическое управление трудом; цифровая юриспруденция.

D.S. Baisymakova¹

¹*Abai Kazakh National Pedagogical University*

LEGAL REGULATION OF THE PROTECTION OF WORKERS' LABOR RIGHTS IN THE DIGITAL AGE

Abstract

The current stage of society's development is characterized by rapid digitalization, covering all spheres of life, including labor relations. In the digital economy, new forms of employment are emerging, such as remote work, hybrid employment, freelancing, platform work, and other manifestations of the "gig economy." On the one hand, these processes open up new opportunities for employees and employers, increasing the flexibility and accessibility of the labor market, but on the other hand, they create a whole range of problems related to ensuring and protecting labor rights. The lack of a clear legal status for digital platform workers, limited access to social guarantees, the risk of discrimination in algorithmic labor management, and threats to privacy pose new challenges to legal regulation. The results of the study show the need to adapt the labor legislation of the Republic of Kazakhstan to the new digital realities. In particular, it requires the regulatory consolidation of the status of employees of digital platforms, the development of the institution of an electronic employment contract, the introduction of legal guarantees for the transparency of algorithmic control, as well as the expansion of social protection regardless of the form of employment. The conclusions emphasize that

legal regulation should be based on the principles of flexibility, fairness and technological neutrality. At the same time, the development of digital jurisprudence, the introduction of electronic labor dispute resolution services, and the integration of international standards can become key tools for protecting workers' rights in the digital age

Key words: digitalization of labor relations; legal regulation; protection of labor rights; platform employment; social guarantees for employees; algorithmic labor management; digital jurisprudence.

Kipicne

Қазіргі кезеңде цифрландыру әлемдік экономикалық дамудың шешуші факторына айналды. Қазақстан Республикасы да бұл үрдістен шет қалған жоқ. Мемлекет басшысы Қасым-Жомарт Тоқаевтың 2025 жылғы Қазақстан халқына арнаған Жолдауында елдің алдағы үш жыл ішінде толыққанды цифрлық мемлекетке айналуы қажеттігі ерекше атап өтілді. Президенттің пайымдауынша, цифрлық трансформация жаңа экономикалық модель қалыптастырудың, әлеуметтік салаларды жаңғыртудың және мемлекеттік басқарудың тиімділігін арттырудың негізгі құралы болып табылады [1]. Осыған орай, цифрландыру қоғамдық өмірдің барлық салаларын, соның ішінде еңбек саласын да түбегейлі түрлендіріп, соның нәтижесінде қашықтықтан жұмыс істеу, платформалық еңбек, фриланс және «гиг-экономиканың» өзге де элементтері сияқты жұмыспен қамтудың жаңа нысандары қалыптасуда. Аталған үдерістер еңбек нарығының икемділігін арттырғанымен, бірқатар қауіп-қатерлерді де туындатады: платформалық жұмыскерлер үшін кепілдіктердің болмауы, электрондық еңбек шарттарын реттеудегі олқылықтар, еңбекті алгоритмдік басқару кезінде дербес деректер құпиялылығына төнетін қауіптер. Қазақстан үшін бұл тақырыптың өзектілігі ұлттық еңбек заңнамасын цифрлық экономиканың сын-қатерлеріне бейімдеу, сондай-ақ пандемиядан кейінгі және индустриядан кейінгі өзгерістер жағдайында жұмыс беруші мен жұмыскер мүдделерінің теңгерімін қамтамасыз ету қажеттілігімен айқындалады.

Мәселенің қойылымы. Қолданыстағы еңбек заңнамасының нормалары негізінен жұмыспен қамтудың классикалық моделдеріне бағытталған. Цифрлық платформа жұмыскерлері, қашықтықтан және аралас режимде (гибридті) еңбек ететін жұмыскерлер көбінесе еңбек кепілдіктерінің аясынан тыс қалып, олардың еңбегі азаматтық-құқықтық шарттармен реттеледі. Нақты құқықтық мәртебенің болмауы әлеуметтік қорғау деңгейінің төмендеуіне алып келеді, бірлестік пен кәсіподақты қорғау құқығын іске асыруды қиындатады. Бұдан бөлек, еңбек өнімділігін алгоритмдік бақылау жеке өмірге қол сұғу және кемсітушілік тәуекелдерін туындатады. Осыған байланысты цифрлық дәуірде еңбек құқықтарын қорғаудың кешенді құқықтық тетігін әзірлеу міндеті туындайды.

Заманауи зерттеулер дәстүрлі еңбек құқығын қайта қарау қажеттілігін растайды, ал соңғы жылдардағы ғылыми жарияланымдар бұл мәселенің маңыздылығын айғақтады. Еңбек құқығын цифрландыру қоғамдық қатынастардың жаңа түрін және құқықтық жауапкершілік мәселелерін қалыптастырады [2]; цифрлық экономика жағдайында еңбек қатынастарының трансформациясы мен жұмыспен қамтудың жаңа нысандары айқындалған [3, 425 б.]; цифрландырудың теориялық және салыстырмалы-құқықтық қырлары, оның еңбек нарығы мен еңбек қатынастарына ықпалы негізделді [4, 260 б.]; еңбек қызметінің цифрлық нысандарын құқықтық реттеудегі сәйкессіздіктер талданып, тепе-теңдіктің жұмыс берушінің пайдасына қарай ығысу қаупі ерекше аталды [5, 115 б.]; қашықтан жұмыс істеу бойынша қазіргі заманғы еңбек заңнамасының өзгерістері олқылықтарды тек ішінара ғана жауып, гиг-сектор жұмыскерлерінің құқықтық мәртебесі мәселелерін шешілмеген күйінде қалдырғаны атап өтілді [6, 398 б.]; өзін-өзі жұмыспен қамтуды және платформалық еңбекті, сондай-ақ цифрлық кәсіподақтарды дамытуды қамтитын жаңа жұмыспен қамту тұжырымдамасының қажеттілігі негізделді. Қазақстандық зерттеушілер жұмыспен қамтудың стандартты емес нысандары, жұмыскерлерді әлеуметтік қорғау қажеттілігі және әлеуметтік әріптестік тетіктерін дамыту мәселелеріне назар аудара отырып, еңбек заңнамасын жаңғырту мәселелерін көтереді, адамның әлеуметтік және еңбек құқықтарын құқықтық реттеу сапасын арттыру, еңбекті қорғауды дамыту және инклюзивті еңбек нарығын

қалыптастыру мақсатында ЭЫДҰ стандарттарын Қазақстан Республикасының еңбек заңнамасына енгізу жөнінде ұсыныстарын білдірді [7, 37 б.].

Мақаланың мақсаты цифрландыру жағдайында жұмыскерлердің еңбек құқықтарын қорғауға қатысты құқықтық мәселелерді айқындау, ұлттық және халықаралық тәжірибені талдау, сондай-ақ цифрлық экономиканың сын-тегеуріндерін ескере отырып, Қазақстан Республикасының еңбек заңнамасын жетілдіру жөнінде ұсыныстарын тұжырымдау болып табылады.

Материалдар мен әдістер

Зерттеудің әдіснамалық негізі еңбек қатынастарын цифрландырудың құқықтық, әлеуметтік-экономикалық және институционалдық аспектілерін ескеретін пәнаралық тәсілге негізделген. Эмпирикалық база ретінде: Халықаралық еңбек ұйымының (ХЕҰ) халықаралық құжаттары, соның ішінде World Employment and Social Outlook 2021 баяндамасы [8]; Дүниежүзілік банк пен ЭЫДҰ-ның цифрлық экономика жағдайындағы жұмыспен қамту перспективалары туралы талдамалық баяндамалары; Еуропалық одақтың материалдары, атап айтқанда платформалық жұмыспен қамту туралы директиваның жобасы (2021-2024 жж.); еңбек заңнамасын жаңғырту, еңбек шарты институтын реформалау және жұмыскерлердің әлеуметтік қорғалу мәселелеріне арналған халықаралық рецензияланатын ғылыми журналдардағы жарияланымдар мен отандық зерттеулер пайдаланылды.

Зерттеуде ғылыми талдау әдістерінің кешені қолданылды. Салыстырмалы-құқықтық әдіс, Қазақстандағы, ЕО елдеріндегі және ХЕҰ халықаралық стандарттарындағы цифрлық еңбек қатынастарын реттеу тәсілдерін салыстыруға мүмкіндік берді. Ресми-құқықтық әдіс, Қазақстан Республикасы Еңбек кодексінің нормаларын зерттеу барысында және қашықтықтан аралас жұмыспен қамтуды реттеуге байланысты Ресей мен Еуропа заңнамаларындағы өзгерістермен салыстыруда қолданылды. Жүйелік тәсіл экономиканы цифрландыру мен еңбек құқықтары институтының трансформациясы арасындағы өзара байланыстарды айқындау үшін қолданылды. Аталған әдіс цифрландыруды оқшауланған құбылыс ретінде емес, әлеуметтік кепілдіктерге, әлеуметтік әріптестік институтына және жұмыскерлердің құқықтарын қорғауға ықпал ететін кешенді үдеріс ретінде қарастыруға мүмкіндік берді.

Мақаланың әдіснамалық құралдар жүйесі құқықтық және пәнаралық талдауды ұштастыруға бағытталған, бұл әдіс еңбек қатынастарын ұлттық реттеудегі олқылықтарды айқындауға, сондай-ақ оларды халықаралық стандарттармен үйлестірудің ықтимал бағыттарын анықтауға мүмкіндік берді.

Нәтижелер мен талқылау

Экономиканың цифрлық трансформациясы жұмыспен қамту институтының сапалы өзгерістерімен қатар жүреді. Ұзақ мерзімді жұмыспен қамтуға, тұрақты жұмыс орнына және стандартталған әлеуметтік кепілдіктерге негізделген еңбек шартының дәстүрлі моделі әмбебаптығын жоғалтуда [9, 17 б.]. Оның орнын қашықтықтан жұмыс, платформалық еңбек, фриланс және өзін-өзі жұмыспен қамтитын еңбек қатынастарының «мозаикасы» басып келеді. Е.М.Офманның пікірінше, цифрлық еңбекті ұйымдастыруды құқықтық реттеу қайшылықты және үзінді сипатқа ие, нормативтік актілер көбінесе реттеудің біркелкілігі мен болжамдылығын қамтамасыз етпейді, бұл жұмыскерлердің құқықтарын жүйелі түрде бұзуға әкеледі. Мұндай үрдіс Қазақстанға да тән, онда нормативтік-құқықтық база еңбек нарығындағы тәжірибелік өзгерістерден әлі де кейін қалып отыр [10].

Н.В.Закалюжнаяның пайымдауынша, жұмыспен қамтудың жаңа түрлері (гиг-жұмыспен қамту, платформалық жұмыспен қамту, спот-жұмыспен қамту) екіжақты сипатқа ие, бір жағынан, олар икемді еңбекке қол жеткізуге мүмкіндік береді, екінші жағынан, прекаризация (тұрақсыздық, әлеуметтік кепілдіктердің болмауы, дискриминация) қатерлерін туындатады [11].

Жұмыспен қамтудың бұл түрлері Қазақстан үшін айырықша өзекті, себебі цифрлық қызметтер нарығы құқықтық реттеу жүйесіне қарағанда жылдамырақ дамуда. Платформаларда еңбек ететін жұмыскерлер көбіне еңбек заңнамасының қолданылу аясынан тыс қалуда, бұл

олардың зейнетақымен қамсыздандыруға, медициналық сақтандыруға және жұмыс берушімен даулы жағдай туындаған кезде құқықтарын қорғау тетіктеріне қолжетімділігін шектейді.

Цифрлық платформалар еңбекті ұйымдастыруда алгоритмдерді белсенді қолданады: олар тапсырыстарды бөлу, тиімділікті бағалау, тапсырмаларды орындау уақыты мен сапасын бақылау функцияларын атқарады. Алайда бұл тәсілдер жұмыскерлер үшін жиі ашық болмайды және оларға автоматтандырылған шешімдерді даулауға мүмкіндік бермейді. Зерттеушілер бұл құбылысты «just-in-time workforce» деп атайды, яғни нақты уақыт режимінде басқарылатын әрі тұрақтылықтан айырылған еңбек [12, 471 б.]. Еуропалық елдерде, мысалы, Испания мен Италияда жұмыс берушінің алгоритмдік бақылау критерийлерін ашып көрсету және жұмыскердің шешімдерін адам тарапынан қайта қарау құқығын қамтамасыз ету міндетін белгілейтін нормалар қабылданған. Ал Қазақстанда мұндай кепілдіктер әзірге жоқ, бұл еңбек заңнамасына «алгоритмдердің ашықтығы» қағидатын енгізу қажеттілігі мәселесін алға тартады.

Платформалық жұмыскерлердің құқықтық мәртебесін анықтау өзекті мәселе болып табылады.

Халықаралық тәжірибе әр түрлі модельдерді көрсетеді. Еуропалық модель еңбек қатынастарының презумпциясын бекітіп, платформаларға керісінше дәлелдеу міндетін жүктейді. Америкалық модель гибридті нысандарды жиі (өзін-өзі жұмыспен қамту мен әлеуметтік кепілдіктерге ішінара қолжетімділікті) қолданады. Қазақстандық модель әлі қалыптасу сатысында және азаматтық-құқықтық шарттардың үстемдігімен сипатталады. Ж.А. Хамзина мен Е.А. Бурибаевтың зерттеулерінде атап көрсетілгендей, Қазақстан үшін инклюзивті еңбек нарығын қалыптастыру мақсатында халықаралық стандарттарды (әсіресе ЭЫДҰ мен ХЕҰ ұсынымдарын) ұлттық заңнамаға бейімдеу қажет, өйткені бұл жағдайда жұмыскерлердің стандартты емес санаттары да заңмен қорғалатын болады [7, 37 б.].

Әлеуметтік әріптестіктің дәстүрлі институты да трансформациялану үдерісін бастан өткеруде. Цифрландыру жағдайында ұжымдық қорғаудың, оның ішінде жұмыскерлер мен жұмыс берушілердің өзара іс-қимылы үшін цифрлық кәсіподақтар мен онлайн-платформалардың маңыздылығы артады. Мұндай құрылымдар жұмыспен қамтудың фрагментарлығын өтеп, келіссөздер барысында жұмыскерлердің даусын күшейтеді.

Халықаралық тәжірибеде блокчейн-технологиялар немесе таратылған тізілімдер негізінде жұмыс істейтін «цифрлық қашықтықтан әрекет ететін кәсіподақтардың» моделдері пайда болуда, бұл олардың сыртқы қысымға төзімділігін арттырады. Қазақстан үшін мұндай нысандарды енгізу әлеуметтік әріптестікті жаңғыртудың тиімді құралы бола алады.

Жүргізілген талдау Қазақстанның дамыған елдерге тән бірқатар сын-қатерлерге тап болып отырғанын көрсетеді. Олардың қатарында нормативтік база мен нақты тәжірибе арасындағы алшақтық, платформалық жұмыскерлер үшін кепілдіктердің жеткіліксіздігі (бұл мәселе ЕО да платформалық жұмыспен қамту туралы директива қабылдағанға дейін өзекті болды), сондай-ақ дәстүрлі және цифрлық жұмыскерлер арасындағы әлеуметтік жіктелу қаупі бар.

Зерттеу нәтижелері Қазақстанға ХЕҰ-ның халықаралық стандарттарын интеграциялау, алгоритмдік бақылауды реттеу бойынша еуропалық тәжірибелерді пайдалану, сондай-ақ әлеуметтік әріптестік институттарын цифрлық экономика жағдайында бейімдеу бағытында қозғалу қажеттігін бекітуге мүмкіндік береді:

1. Еңбекті цифрландыру еңбек және азаматтық-құқықтық қатынастар арасындағы шекаралардың бұлыңғырлануына әкеледі [13].

Дәстүрлі еңбек құқығы еңбек шартын азаматтық-құқықтық шарттан айқын ажыратуға мүмкіндік беретін бірқатар белгілерге негізделеді: олардың қатарына жұмыскердің ішкі еңбек тәртібіне бағынуы; жұмысты жеке орындау; жұмыс берушінің жұмыс орны және еңбек құралдарымен қамтамасыз етуі; еңбектің ақылы сипаты (жалақы төлеу); әлеуметтік кепілдіктердің (еңбек демалысы, еңбекке уақытша жарамсыздық бойынша төлем, зейнетақы аударымдары және т.б.) берілуі жатады. Аталған критерийлер халықаралық құжаттарды (ХЕҰ-ның 2006 жылғы «Еңбек құқықтық қатынастар туралы» №98 ұсынымы) және ұлттық заңнамаларда бекітілген.

Цифрлық технологиялардың дамуына байланысты жұмыспен қамтудың жаңа түрлері пайда болуда: платформалық еңбек, фриланс, қашықтықтан жұмыс істеу, гиг-жұмыспен қамту. Аталған жұмыс түрлері әрдайым классикалық модельге сәйкес келе бермейді, себебі жұмыс беруші көбінесе «көрінбейді», өйткені тапсырыс беруші жұмыскермен цифрлық платформалар (Uber, Glovo, Яндекс.Такси, TaskRabbit және т.б.) арқылы әрекеттеседі; физикалық жұмыс орны болмайды; жұмыс кестесі икемді болып, оны алгоритм не жұмыскердің өзі айқындайды, еңбекақы уақытқа емес, орындалған тапсырмалар санына қарай төленеді; шарт электрондық нысанда жасалып, ресми түрде қызмет көрсетуге немесе мердігерлікке қатысты азаматтық-құқықтық шарт түрінде көрінуі мүмкін, ал ол еңбек шарты ретінде рәсімделмейді. Нәтижесінде жұмыскер еңбек заңнамасы мен әлеуметтік кепілдіктердің қолданылу аясынан тыс қалады.

Көптеген елдерде жұмыс берушілер еңбек шартына тән жауапкершіліктен жалтару мақсатында әдейі азаматтық-құқықтық құрылымдарды пайдаланады. Қазақстанда курьерлер мен такси жүргізушілерінің қызметін мердігерлік шарттар немесе көлік құралын жалдау шарттары негізінде рәсімдеу тәжірибесі кең таралған. Сот тәжірибесі көрсеткендей, мұндай шарттарға дау туындаған жағдайда жұмыскерлер еңбек қатынастарының сипатын дәлелдеуде айтарлықтай қиындықтарға тап болады. ХЕҰ мен еңбек және тұрмыс жағдайларын жақсарту жөніндегі Еуропалық қоры (Eurofond) бұл құбылысты «еңбектің десубординациясы» деп атайды. Мұнда жұмыскер ресми түрде тәуелсіз мердігер болып көрінгенімен, іс жүзінде алгоритмге немесе платформаға тәуелді болады.

Классикалық жұмыс берушінің болмауына қарамастан, цифрлық платформалар жұмыскерлерді GPS-бақылау, рейтингтік жүйе мен клиенттердің пікірлері, тапсырыстарды автоматты түрде бөлу, тапсырмадан бас тартқаны немесе төмен баға алғаны үшін санкциялар сияқты тетіктер арқылы қадағалайды. Осылайша, дәстүрлі әкімшілік бағыныштылықтың орнын цифрлық бағыныштылық басады. Жұмыскер құқықтық тұрғыдан «өзін-өзі жұмыспен қамтыған» болып көрінгенімен, іс жүзінде ол цифрлық басқарумен еңбек функциясын орындайды.

Әлемдік тәжірибеде мұндай мәселелерді шешудің сәтті талпыныстары байқалады. 2021 жылы Испанияда курьерлер мен жеткізу платформалары арасында еңбек қатынастарының бар екендігі жөнінде презумпцияны бекіткен «Райдерлер туралы заң» қабылданды [14]. Италия мен Францияда соттар еңбек қызметінде бағыныштылық пен жүйелілік элементтері болған жағдайда платформалық жұмыскерлерді жалдамалы жұмыскерлер ретінде таниды. ЕО-та платформалық жұмыспен қамту туралы директива дайындалып жатыр, онда еңбек қатынастарының сипатын айқындауға арналған критерийлер (жұмыстың жүйелілігі, алгоритмдік бақылау, табыстың платформаға тәуелділігі) енгізілуде.

Аталған норма қосымша диспозиция енгізу арқылы Испанияның Еңбек кодексінің (Statuto de los Trabajadores) мәтініне енгізілді, онда платформаның бақылауы мен ұйымдастыруы, соның ішінде алгоритмдік бақылауы жағдайында жеткізу қызметін атқаратын тұлғалар жұмыскерлер ретінде танылуы тиіс деп белгіленген [15]. Осылайша, бұл заң Еуропада алғаш рет еңбек қатынастарының осындай презумпциясын заңнамалық деңгейде бекіткен құқықтық тетікке айналды және ол платформалық жұмыскерлердің құқықтық қорғалуын кеңейтуге, сондай-ақ «жалған өзін-өзі жұмыспен қамтығандар» тәжірибесін қысқартуға бағытталды.

Қазақстанда әзірге платформалық жұмыспен қамтуға қатысты арнайы заң жоқ, бұл құқықтық реттеуде «сұр аймақтың» қалыптасуына әкеліп отыр. Курьерлер мен такси жүргізушілері жеке кәсіпкерлер немесе өзін-өзі жұмыспен қамтығандар ретінде рәсімделеді. Олардың ең төменгі жалақыға, еңбек дамылысына және Қазақстан Республикасының Еңбек кодексінде бекітілген¹ өзге де құқықтарға қолжетімділігі жоқ, кәсіподақтық қорғау да күрделене түсуде. Зерттеулер мұндай жұмыскерлердің мәртебесін құқықтық тұрғыдан бекіту және әлеуметтік қорғауды кеңейту қажеттігін растайды.

¹ Қазақстан Республикасының Еңбек кодексі 23 қараша 2015 ж. // <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1500000414> (өтініш берілген күн: 9.09.2025)

Осылайша, цифрландыру еңбек және азаматтық-құқықтық қатынастар арасындағы шекаралардың бұлыңғырлануына әкеледі, өйткені жұмыспен қамтудың жаңа нысандарында екі санаттың да белгілері бар. Жұмыскер құқықтық тұрғыдан «өзін-өзі жұмыспен қамтыған» мәртебесіне ие болғанымен, іс жүзінде жалдамалы еңбектің белгілерін сақтайды. Бұл жағдай заңнамалық араласуды қажет етеді: еңбек қатынастарының презумпциясын енгізу, алгоритмдік бақылаудың ашықтығын қамтамасыз ету және жұмыспен қамтудың барлық санаттары үшін ең төменгі әлеуметтік кепілдіктерді белгілеу қажет.

2. Цифрлық платформалар жұмыскерлері көп жағдайда кәсіподақтарға бірікпеген әрі ұжымдық келіссөздер жүргізу құқығына ие емес. ЕО-да соңғы жылдары ғана курьерлердің «цифрлық кәсіподақтары» (Deliveroo, UberEats) пайда болды, ал Қазақстан мен ТМД елдерінде мұндай тәжірибе дерлік жоқ. Дәл осы санаттағы жұмыскерлер көбіне әлеуметтік әріптестік институтынан тыс қалады, бұл оларды еңбек нарығындағы ең осал топқа айналдырады.

Халықаралық тәжірибелер де осалдықты дәлелдейді, мысалы, Ұлыбританияда Жоғарғы сот *Uber BV v Aslam* ісінде (2021 ж.) Uber жүргізушілерін тәуелсіз мердігер емес, жұмыскер деп танып, оларға ең төменгі жалақы мен ақылы еңбек демалысына құқық берді [16]. Бұған дейін олар бұл кепілдіктерден толықтай айырылған болатын.

2024 жылдың қазан айында ЕО Кеңесі гиг-экономикадағы жұмыспен қамтуды реттеуге бағытталған Platform Work Directive (ЕО Директивасы 2024/2831) деп аталатын құжаттың түпкілікті нұсқасын қабылдады. Ол екі негізгі аспектіні қарастырады: 1. Еңбек қатынастарының презумпциясы; 2. Алгоритмдік басқарудың айқындығы. Директива, егер қызметті бақылау және басқару фактілері (мысалы, тарифтерді белгілеу, сапаны бақылау, орындамағаны үшін санкциялар) болса, платформа мен ол арқылы жұмыс істейтін адамдар арасында еңбек шартының болуының теріске шығарылатын презумпциясы енгізілді. Бұл дегеніміз, жұмыскер мәртебесінің орындалу жолдары әлі де жауапкершіліктен тыс қалса да, керісінше дәлелдеудің міндеті платформаға жүктеледі. Директива платформаларды алгоритмдік бақылауды қолдануда айқындықты қамтамасыз етуге міндеттейді, оның ішінде: автоматтандырылған бақылау және шешім қабылдау жүйесі туралы толық ақпаратты міндетті түрде ұсыну; маңызды автоматтандырылған шешімдер қабылданған жағдайда адамның бақылауын (human oversight) жүзеге асыру қажеттілігі; сезімтал деректерді жинауға тыйым салу (мысалы, эмоционалдық күй, сенімдер және т.б.); жұмыскерлерге автоматтандырылған шешімдерге шағымдану құқығын қамтамасыз ету [17].

Қазақстанда бұл мәселе айтарлықтай өзекті, курьерлер мен такси жүргізушілері жаппай жеке кәсіпкер немесе өзін-өзі жұмыспен қамтығандар ретінде рәсімделеді, негізгі әлеуметтік құқықтарынан айырылған болады. «Цифрлық платформа жұмыскері» ұғымының заңнамалық анықтамасы жоқ, мұндай дауларға қатысты сот тәжірибесі өте шектеулі, бұл құқық қорғау деңгейін одан әрі төмендетеді. Бұл жағдай заңнамалық реформаларды қажет етеді, еңбек қатынастарының презумпциясын енгізу, ең төменгі әлеуметтік кепілдіктерді белгілеу, платформалық жұмыскерлерге бірігу және мүдделерін қорғау құқығын тану.

3. Қазақстанның ұлттық заңнамасы жұмыспен қамтудың жаңа нысандарының ерекшелігін ескермейді.

Қазақстан Республикасының Еңбек кодексі (ҚР ЕК) 2015 жылғы редакцияда еңбек қатынастарының классикалық моделіне негізделген², онда негізгі белгілер ретінде мыналар қарыстырылған: жұмыс берушінің құқықтық қатынастардың тараптары ретінде болуы; жазбаша еңбек шартының жасалуы; жұмыстың тікелей жұмыскер арқылы орындалуы; ішкі еңбек тәртібі ережелеріне бағыну; жұмыс берушінің жұмыс орны мен еңбек жағдайларын ұсынуы. Аталған нормалар дәстүрлі жұмыспен қамтудың түрлерін тиімді реттейді, алайда мыналарды қамтымайды: қашықтықтан жұмыс істеу; платформалық жұмыспен қамту (Uber, Glovo, Яндекс.Такси және басқалары арқылы жұмыс); фриланс, гибридті жұмыспен қамту нысандары

² Қазақстан Республикасының Еңбек кодексі 23 қараша 2015 ж. // <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1500000414> (өтініш берілген күн: 9.09.2025)

(онлайн және офлайн жұмыстың үйлесімі). Осылайша, жұмыспен қамтудың жаңа түрлері құқықтық саладан тыс қалып, негізінен азаматтық-құқықтық шарттар арқылы рәсімделеді.

Қазақстанның ұлттық құқықтық жүйесінде келесі ұғымдардың: «платформалық жұмыспен қамту», «цифрлық жұмыскер», «цифрлық экономикада өзін-өзі жұмыспен қамтыған» заңнамалық анықтамасы жоқ. Бұл жағдай жұмыскерлердің еңбегі еңбек қатынастары ретінде емес, қызмет көрсету ретінде қарастырылуына әкеледі, нәтижесінде олар ең төменгі жалақы, ақылы еңбек демалысы, әлеуметтік сақтандыру және кәсіподақтық қорғау құқығынан айырылады. Қорытындылай келе, Қазақстанның атаулы заңнамасы жұмыспен қамтудың жаңа нысандарының ерекшелігін ескермейді, өйткені: платформалық жұмыскерлердің құқықтық мәртебесі жоқ; әлеуметтік қорғау дәстүрлі еңбек шарттарымен шектелген; ұжымдық қорғау институты цифрлық жұмыскерлерге қолданылмайды; халықаралық стандарттарға бейімделу жүргізілмеген.

4. Халықаралық тәжірибе (ЕО, ХЕҰ, ЭЫДҰ) тиімді шешімдерді ұсынады: еңбек қатынастарының презумпциясы, алгоритмдердің айқындығы, ең төменгі әлеуметтік кепілдіктер. ХЕҰ №198 Ұсынымында елдерге еңбек қатынастарының бар екенін бірнеше индикатордың жиынтығы арқылы анықтауға мүмкіндік беретін құқықтық механизмдерді қолдануды, сондай-ақ жұмыспен қамтудың азаматтық-құқықтық шартқа «бүркемелеу» қаупі жоғары секторларда кері дәлел-денетін презумпцияны енгізуді ұсынады. ЕО-та бұл логика нормативті түрде бекітілген: платформалық жұмыспен қамту туралы директива платформалық жұмыскерлердің мәртебесін дұрыс анықтауға арналған құралдарды енгізеді және іс жүзінде жұмыспен қамтудың кері дәлелденетін презумпциясын жүзеге асырады («өзін-өзі жұмыспен қамтуды» дәлелдеу міндеті платформаға көшіріледі).

ЕО директивасы еңбекті автоматтандырылған басқару жүйелері туралы ақпаратты ашуды, маңызды автоматтандырылған шешімдер қабылданған жағдайда міндетті «адам бақылауын» және жұмыскерге мұндай шешімдерге шағымдану құқығын талап етеді. Бұл шаралар тікелей кемсітушілік және ерікті «цифрлық жұмыстан босату» тәуекелдерін азайтуға бағытталған.

ЭЫДҰ жасанды интеллект пен алгоритмдік менеджменттің еңбек нарығына әсерін талдай отырып, алгоритмдердің айқындығын қамтамасыз ету және платформалық жұмыскерлерді қорғауға бағытталған реттеуші шараларды қолдайды, оларды жұмыс орындарының сапасы мен әлеуметтік қорғаудың кең ауқымды мәселелерімен байланыстырады. Ерекше жұмыспен қамтылғандар үшін ең төменгі әлеуметтік кепілдіктер. ХЕҰ 2021 жылғы WESO баяндамасында платформалық жұмыскерлердің әлеуметтік қорғау жүйесіндегі құрылымдық «ойықтың» анықталғанын көрсетеді және жұмыспен қамтудың нысанына қарамастан әлеуметтік сақтандыру/зейнетақы қамтылымын кеңейту мен еңбек құқықтарына қолжетімділікті қамтамасыз етуді ұсынады [18]. ЭЫДҰ ерекше (платформаны қоса алғанда) жұмыспен қамтуға арналған әмбебап кепілдіктер архитектурасын дәйекті түрде ұсынады: құқықтардың тасымалдануы, жарналар жүйелерінің бейтараптығы, сақтандыру режимдері мен қорғаныс пакеттерін жобалық /платформалық жұмысқа бейімдеу.

Қазақстандық контексте аталған үрдістерді дәйектілікпен енгізу қажет: а) платформалық сектор үшін еңбек қатынастарының теріске шығарылатын презумпциясын (бақылау және тәуелділік индикаторлары бойынша), дәлелдеу ауыртпалығын қайта бөле отырып, ХЕҰ-ның №198 ұсынымы мен ЕО тәжірибесіне сәйкес бекіту; б) алгоритмдік басқаруға қойылатын талаптарды енгізу: алгоритмнің логикасын ашу, елеулі шешімдерді адам тарапынан қайта қарау, сезімтал деректерді жинауға тыйым салу және шешімдерді даулауға байланысты рәсімдік құқықтарды қамтамасыз ету. Еуропалық Одақ Кеңесі: в) құқықтар мен жарналардың тасымалдануын, сондай-ақ «цифрлық» жұмыскерлер (демалыс, сақтандыру режимдері, еңбекті қорғау) үшін төменгі кепілдіктерге қол жеткізуді қамтамасыз ете отырып, әлеуметтік қорғауды стандартты емес жұмыспен қамтуға кеңейту.

5. Қазақстан үшін цифрлық кәсіподақтарды дамыту мен дауларды электрондық тәсілдер арқылы шешу перспективалы бағыт болып табылады.

Дәстүрлі кәсіподақтар тарихи тұрғыда индустриалдық экономиканың жағдайында және жұмыскерлердің тікелей (бетпе-бет) өзара іс-қимылы негізінде қалыптасқан. Алайда еңбектің цифрландырылуы нәтижесінде жұмыскерлердің елеулі бөлігі (әсіресе платформалық жұмыспен

камту, фриланс және қашықтықтан жұмыс саласында) кәсіподақтық қорғау аясынан тыс қалып отыр. Бұл құқықтық вакуум туындатады: цифрлық платформаларда еңбек ететін жұмыскерлердің көпшілігінде ұжымдық өкілдік болмайды, олардың мүдделері жұмыс берушілермен және мемлекетпен жүргізілетін келіссөздерде ескерілмейді.

Халықаралық тәжірибе (ЕО, АҚШ, Канада) мобильді қосымшалар, мессенджерлер немесе блокчейн-платформалар арқылы жұмыс істейтін онлайн-кәсіподақтар мен «цифрлық қашықтықтан бірлестіктердің» пайда болуын көрсетеді [19]. Мұндай бірлестіктер: географиялық тұрғыдан әркелкі орналасқан жұмыскерлерді ұйымдастыруға; еңбек жағдайлары мәселелері бойынша онлайн-дауыс берулер мен сауаонамалар жүргізуге; ұжымдық талаптарды қалыптастыру және оларды келіссөздерде ұсынуға; жұмыскерлердің құқықтарын алгоритмдік бақылаудан, «цифрлық жұмыстан босатудан» және кемсітушіліктен қорғауға мүмкіндік береді. Зерттеулерде атап өтілгендей, дәл осы кәсіподақтардың цифрландырылуы цифрлық дәуірдегі әлеуметтік әріптестіктің классикалық нысандарының әлсіреуін өтей алады.

Еңбек дауларын шешудің электрондық тетіктері. Қазақстанда дәстүрлі сот жүйесі еңбек құқықтарын қорғаудың негізгі нысаны болып қала береді. Алайда цифрландыру жағдайында баламалы электрондық тетіктерді дамыту қажеттілігі туындайды, соның ішінде, жұмыскерлердің шағымдарын онлайн-платформалар арқылы қабылдау, жеке және ұжымдық еңбек дауларын электрондық реттеу, медиация мен төрелікті цифрлық форматта қолдану, мемлекеттік қызметтердің интеграцияланған жүйелерін құру («еңбек инспекторының цифрлық қызметі», «жұмыскердің онлайн-кабинеті»).

ЕО тәжірибесі (мысалы, ODR platforms-online dispute resolution енгізу) және Қытайдағы (онлайн-еңбек төрелік комиссиялары) мұндай шешімдердің тиімділігін көрсетеді: дауларды қарау мерзімін қысқарту, шығындарды азайту және әділ сотқа қолжетімділікті кеңейту.

Қазақстан үшін цифрлық кәсіподақтарды және еңбек дауларын шешудің электрондық тетіктерін дамыту еңбек құқығы жүйесін жаңғыртудың негізгі құрамдас бөлігіне айналуы мүмкін. Бұл қадам платформалық жұмыскерлер мен өзін-өзі жұмыспен қамтығандарды әлеуметтік әріптестік институтына тартуға, дәстүрлі соттарға түсетін жүктемені азайтуға, жұмыскерлердің құқықтарын қорғау жүйесіне деген сенімін арттыруға, сондай-ақ Қазақстанның ХЕҰ мен ЕО-тың заманауи стандарттарын ескеретін халықаралық құқықтық кеңістікке кірігуіне жағдай жасауға мүмкіндік береді.

Осылайша, цифрлық кәсіподақтар мен еңбек дауларын электрондық тәсілмен шешу тетіктері дәстүрлі жүйеге қосымша ғана емес, Қазақстанның цифрландыру дәуіріндегі құқықтық саясатында стратегиялық рөл атқара алатын еңбек құқықтарын қорғаудың жаңа архитектурасы болып табылады.

Қорытынды

Еңбектің цифрландырылуы жұмыспен қамтудың құрылымын түбегейлі өзгертіп, құқық жүйесінің алдына жаңа сын-қатерлер қояды. Дәстүрлі еңбек құқықтарын қорғау тетіктері цифрлық платформаларда еңбек ететіндерге, фрилансерлерге және қашықтықтан жұмыс істейтін жұмыскерлерге жеткіліксіз болып отыр. Бұл өз кезегінде еңбек пен азаматтық-құқықтық қатынастардың арасындағы шекаралардың бұлдырауына, әлеуметтік қорғау деңгейінің төмендеуіне алып келеді.

Халықаралық тәжірибеде (ХЕҰ, ЕО, ЭЫДҰ) еңбек қатынастарын реттеуде, перспективалы шешімдерді ұсынады - еңбек қатынастарының презумпциясы, алгоритмдік басқарудың ашықтығы және әлеуметтік кепілдіктерді әмбебаптандыруды көрсетеді. Қазақстан үшін даму бағыттарының негізгісі, цифрлық платформаларда еңбек ететін жұмыскерлердің мәртебесін заңнамалық тұрғыда бекіту, цифрлық кәсіподақтарды және онлайн еңбек дауларын шешу тетіктерін енгізу, сондай-ақ еңбек заңнамасын халықаралық стандарттарға бейімдеу болып табылады.

Тек құқықтық базаны кешенді жаңғырту ғана жұмыс берушілер мен жұмыскерлер мүдделерінің теңгерімін қамтамасыз етіп, еңбек адамының құқықтарын қорғауға және цифрлық дәуірде әділ еңбек жүйесін қалыптастыруға мүмкіндік береді.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

- 1 Мемлекет басшысы Қасым-Жомарт Тоқаевтың «Жасанды интеллект дәуіріндегі Қазақстан: өзекті мәселелер және оны түбегейлі цифрлық өзгерістер арқылы шешу» атты Қазақстан халқына Жолдауы. - 2025 жыл 8 қыркүйек.// <https://malim.kz/article/politics/zoldau-2025-tolyq-matini-33951> (өтініш берілген күн: 9.09.2025)
- 2 Insebayeva S., Beyssembayev S. Digital Platform Employment in Kazakhstan: Can New Technologies Solve Old Problems in the Labor Market? //International Labor and Working-Class History. -2023;103:-62-80. doi:10.1017/S0147547923000200
- 3 Sandra Fredman, Darcy Du Toit, Alessio Bertolini, Jonas Valente, Mark Graham, Fair Work for Platform Workers: Lessons from the EU Directive and Beyond // Industrial Law Journal. - Volume 54., Issue 3. -September 2025. -Pages 425–457, <https://doi.org/10.1093/indlaw/dwaf018>
- 4 Комлева А.С. Цифровизация трудового права: новый вид общественных отношений, проблемы юридической ответственности // Второй Ярославский юридический форум: сборник научных статей по вопросам трудового права / отв. редактор А. М. Лушников - Ярославль, 2023. - С. 260–264.
- 5 Лютов Н.Л. Трансформация трудового правоотношения и новые формы занятости в условиях цифровой экономики // Журнал российского права. - 2019. - № 7. - С. 115–130.
- 6 Томашевский К.Л. Цифровизация и ее влияние на рынок труда и трудовые отношения (теоретический и сравнительно-правовой аспекты) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. - 2020. - Т. 11, № 2. - С. 398–413.
- 7 Хамзина Ж.А., Бурибаев Е.А. Предложения, рекомендации по имплементации стандартов занятости государств ОЭСР в законодательство Казахстана // Вестник КазНПУ имени Абая. Серия: Юриспруденция, 2019. – № 3 (57). - С.37-46.
- 8 World Employment and Social Outlook 2021 https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/@dgreports/@dcomm/@publ/documents/publication/wcms_795453.pdf (өтініш берілген күн: 9.09.2025)
- 9 Жетписбаев Г.А., Байсалова Г.Т. Казахская модель цифровизации: трансформация правовых институтов // Вестник КазНПУ имени Абая. Серия: Юриспруденция 2024. -, Том 78. - № 4. - С. 17–25.
- 10 Офман Е.А. Цифровая организация труда: прорыв в постиндустриальное общество? // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. -2021. -№3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-organizatsiya-truda-proryv-v-postindustrialnoe-obschestvo>
- 11 Закалюжная Н.В. Новая концепция занятости и развитие трудовых отношений в цифровую эпоху // Право. Журнал Высшей школы экономики. -2023. -№2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-kontseptsiya-zanyatosti-i-razvitie-trudovyh-otnosheniy-v-tsifrovuyu-epoh>
- 12 De Stefano V. The Rise of the “Just-in-Time Workforce”: On-Demand Work, Crowdwork, and Labor Protection in the “Gig-Economy” // Comparative Labor Law & Policy Journal. – 2016. – Vol. 37. – P. 471–504.
- 13 Дмитриев М.В., Горшенин В.Ф. Проблемы цифровизации трудовых отношений // Общество, экономика, управление. -2023. -№4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-tsifrovizatsii-trudovyh-otnosheniy>
- 14 The struggle for employment rights in digital platforms: an insight on the Spanish “Rider-Law” inca-project.euBakerTillySpainnoticias.juridicas.comcepr.org (өтініш берілген күн: 9.09.2025)
- 15 New EU Directive Impacting Digital Platforms and Individuals Working for Them // https://www.crowell.com/en/insights/client-alerts/new-eu-directive-impacting-digital-platforms-and-individuals-working-for-them?utm_source=chatg (өтініш берілген күн: 9.09.2025)
- 16 Uber BV v Aslam (2021) // <https://www.supremecourt.uk/cases/uksc-2019-0029> (өтініш берілген күн: 9.09.2025)
- 17 Employment Outlook 2024 // https://www.oecd.org/en/publications/oecd-employment-outlook-2024_08785bba-en.html (өтініш берілген күн: 9.09.2025)

18 WESO 2021 // <https://www.ilo.org/publications/world-employment-and-social-outlook-trends-2021> (өтініш берілген күн: 9.09.2025)

19 Prassl, Jeremias, *Humans as a Service: The Promise and Perils of Work in the Gig Economy* (Oxford, 2018; online edn, Oxford Academic, 19 Apr. 2018), <https://doi.org/10.1093/oso/9780198797012.001.0001>, accessed 4 Sept. -2025 .

References:

1 Memleket basshysy Qasym-Jomart Tokaevtyн «Jasandy intellekt dauirindegi Kazakhstan: ozekti maseleler jane ony tubegeili cyfrylyk ozgerister arkyly sheshu» atty Kazakhstan kalkyna Joldaуy. – 2025 jyl, 8 kyrkyiek.// <https://malim.kz/article/politics/zoldau-2025-tolyq-matini-33951> (Ötiniş berilgen kün: 9.09.2025)

2 Insebayeva S, Beyssembayev S. Digital Platform Employment in Kazakhstan: Can New Technologies Solve Old Problems in the Labor Market? *International Labor and Working-Class History*. 2023;103:62-80. doi:10.1017/S0147547923000200

3 Sandra Fredman, Darcy Du Toit, Alessio Bertolini, Jonas Valente, Mark Graham, *Fair Work for Platform Workers: Lessons from the EU Directive and Beyond*, *Industrial Law Journal*, Volume 54, Issue 3, September 2025, Pages 425–457, <https://doi.org/10.1093/indlaw/dwaf018>

4 Komleva A. S. Cifrovizacija trudovogo prava: novyy vid obshhestvennyh otnoshenij, problemy juridicheskoy otvetstvennosti // *Vtoroj Jaroslavskij juridicheskij forum: sbornik nauchnyh statej po voprosam trudovogo prava / otv. redaktor A. M. Lushnikov - Jaroslavl'*, 2023. - S. 260–264.

5 Ljutov N. L. Transformacija trudovogo pravootnoshenija i novye formy zanjatosti v uslovijah cifrovoj jekonomiki // *Zhurnal rossijskogo prava*. - 2019. - № 7. - S. 115–130.

6 Tomashevskij K. L. Cifrovizacija i ee vlijanie na rynek truda i trudovye otnoshenija (teoreticheskij i sravnitel'no-pravovoj aspekty) // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo*. - 2020. - T. 11, № 2. - S. 398–413.

7 Hamzina Zh.A., Buribaev E.A. Predlozhenija, rekomendacii po implementacii standartov zanjatosti gosudarstv OJeSR v zakonodatel'stvo Kazahstana // *Vestnik KazNPU imeni Abaja. Serija: Jurisprudencija*, 2019. – № 3(57). - S.37-46.

8 World Employment and Social Outlook 2021// https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/@dgreports/@dcomm/@publ/documents/publication/wcms_795453.pdf (Ötiniş berilgen kün: 9.09.2025)

9 Zhetpisbaev G.A., Bajsalova G.T. Kazahstanskaja model' cifrovizacii: transformacija pravovyh institutov // *Vestnik KazNPU imeni Abaja. Serija: Jurisprudencija* 2024. -, Tom 78. - № 4. - S. 17–25.

10 Ofman E.A. Cifrovaja organizacija truda: proryv v postindustrial'noe obshhestvo? // *Vestnik JuUrGU. Serija: Pravo*. -2021. -№3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-organizatsiya-truda-proryv-v-postindustrialnoe-obschestvo>

11 Zakaljuzhnaja N.V. Novaja koncepcija zanjatosti i razvitie trudovyh otnoshenij v cifrovuju jepohu // *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki*. -2023. -№2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-kontseptsiya-zanyatosti-i-razvitie-trudovyh-otnosheniy-v-tsifrovuyu-epohu>

12 De Stefano V. The Rise of the “Just-in-Time Workforce”: On-Demand Work, Crowdwork, and Labor Protection in the “Gig-Economy” // *Comparative Labor Law & Policy Journal*. – 2016. – Vol. 37. – P. 471–504.

13 Dmitriev M.V., Gorshenin V.F. Problemy cifrovizacii trudovyh otnoshenij // *Obshhestvo, jekonomika, upravlenie*. -2023. -№4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-tsifrovizatsii-trudovyh-otnosheniy>

14 The struggle for employment rights in digital platforms: an insight on the Spanish “Rider-Law” inca-project.euBakerTillySpainnoticias.juridicas.comcepr.org (Ötiniş berilgen kün: 9.09.2025)

15 New EU Directive Impacting Digital Platforms and Individuals Working for Them // https://www.crowell.com/en/insights/client-alerts/new-eu-directive-impacting-digital-platforms-and-individuals-working-for-them?utm_source=chatg (Ötiniş berilgen kün: 9.09.2025)

16 *Uber BV v Aslam* (2021) // <https://www.supremecourt.uk/cases/uksc-2019-0029> (Ötiniş berilgen kün: 9.09.2025)

17 *Employment Outlook 2024* // https://www.oecd.org/en/publications/oecd-employment-outlook-2024_08785bba-en.html (Ötiniş berilgen kün: 9.09.2025)

18 *WESO 2021* // <https://www.ilo.org/publications/world-employment-and-social-outlook-trends-2021> (Ötiniş berilgen kün: 9.09.2025)

19 Prassl, Jeremias, *Humans as a Service: The Promise and Perils of Work in the Gig Economy* (Oxford, 2018; online edn, Oxford Academic, 19 Apr. 2018), <https://doi.org/10.1093/oso/9780198797012.001.0001>, accessed 4 Sept. -2025.

МРНТИ 10.87.27

10.51889/2959-6181.2025.81.3.008

УДК 341.2; 341.231.14

Молдахметова Ж.Е.^{1*}

¹Казахский национальный педагогический университет имени Абая
(E-mail: *moldaxmetova_Zh@mail.ru)

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН НА РЕАЛИЗАЦИЮ ТРУДОВЫХ ПРАВ МИГРАНТОВ

Аннотация

В статье рассматривается влияние миграционной политики Республики Казахстан на реализацию трудовых прав трудовых мигрантов в современных условиях. Казахстан, обладая стратегическим географическим положением и развивающейся экономикой, является не только транзитной страной, но и одним из крупнейших центров притяжения трудовых ресурсов в Центральной Азии. Основные потоки мигрантов формируется из Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана, что обусловлено как социально-экономическими факторами, так и межгосударственным сотрудничеством в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС). В центре анализа находится взаимосвязь между национальной миграционной политикой и фактической реализацией трудовых прав мигрантов, включая вопросы доступа к социальным гарантиям, медицинскому обслуживанию, защите от дискриминации и эксплуатации. Особое внимание уделено нормативно-правовой базе Казахстана, международным обязательствам страны, а также практике их имплементации. Отмечается, что несмотря на предпринимаемые шаги по гармонизации законодательства с международными стандартами и предоставление трудовым мигрантам из стран ЕАЭС более широкого доступа к рынку труда, сохраняется ряд проблем: нелегальная занятость, неравенство в правах мигрантов из разных государств, трудности в судебной защите, низкий уровень информированности. В статье выявляются противоречия между провозглашаемыми принципами равенства и фактическими барьерами в реализации трудовых прав. Делается вывод о необходимости дальнейшего совершенствования миграционной политики Казахстана, направленной на обеспечение эффективной правовой и социальной защиты мигрантов, усиление механизмов мониторинга и контроля, а также расширение международно-правовых обязательств страны посредством ратификации ключевых конвенций МОТ и ООН.

Ключевые слова: мигранты, миграционная политика, трудовые права, социальная защита, гармонизация законодательства, дискриминации, эксплуатация.

Ж.Е. Молдахметова¹

¹Абай атындағы Қазақ Ұлттық педагогикалық университеті

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ КӨШІ-ҚОН САЯСАТЫ: ЕҢБЕК МИГРАНТТАРЫНЫҢ ЕҢБЕК ҚҰҚЫҚТАРЫН ІСКЕ АСЫРУЫНА ЫҚПАЛЫ

Аңдатпа

Мақалада қазіргі кезеңдегі Қазақстан Республикасының көші-қон саясатының еңбек мигранттарының еңбек құқықтарын жүзеге асыруға ықпалы талданады. Стратегиялық географиялық орналасуы мен қарқынды дамып келе жатқан экономикасының нәтижесінде Қазақстан тек транзиттік мемлекет қана емес, сонымен қатар Орталық Азиядағы еңбек ресурстарын тартудың аса ірі орталықтарының бірі болып табылады. Еңбек мигранттарының негізгі ағымы Өзбекстан, Қырғызстан және Тәжікстаннан болғандықтан, бұл үрдіс әлеуметтік-экономикалық факторлармен қатар Еуразиялық экономикалық одақ (ЕАЭО) шеңберіндегі мемлекетаралық ынтымақтастықпен де байланысты. Талдаудың өзегінде ұлттық көші-қон саясаты мен еңбек мигранттарының еңбек құқықтарын нақты іске асырудың өзара байланысы жатыр, бұл байланыс әлеуметтік кепілдіктерге қолжетімділік, медициналық қызмет көрсету, сондай-ақ кемсітуден және қанаудан қорғалу мәселелерін де қамтиды. Ерекше назар Қазақстанның нормативтік-құқықтық базасына, елдің халықаралық міндеттемелеріне және олардың имплементациясы (іске асырылуы) тәжірибесіне аударылады. Халықаралық стандарттармен заңнаманы үйлестіру және ЕАЭО елдерінен келген еңбек мигранттарына еңбек нарығына кеңірек қолжетімділік беру бағытында қабылданып жатқан шараларға қарамастан, бірқатар проблемалар сақталуда: заңсыз (рәсімделмеген) жұмыспен қамтылу, әртүрлі мемлекеттерден келген мигранттардың құқықтарындағы теңсіздік, сот арқылы қорғалудағы қиындықтар, ақпараттандырылу деңгейінің төмендігі. Мақалада жария етілген теңдік қағидаттары мен еңбек құқықтарын іске асырудағы нақты бөгеттер арасындағы қайшылықтар айқындалады. Қазақстанның көші-қон саясатын одан әрі жетілдіру қажеттігі туралы қорытынды жасалады, яғни, бұл жетілдіру мигранттарды тиімді құқықтық және әлеуметтік қорғауды қамтамасыз етуге, мониторинг пен бақылау тетіктерін күшейтуге, сондай-ақ ХЕҰ мен БҰҰ-ның негізгі конвенцияларын ратификациялау арқылы елдің халықаралық-құқықтық міндеттемелерін кеңейтуге бағытталуға тиіс.

Түйін сөздер: мигранттар, көші-қон саясаты, еңбек құқықтары, әлеуметтік қорғау, заңнаманы үйлестіру, кемсітушілік, қанау.

Zh.Ye. Moldakhmetova¹

¹Abai Kazakh National Pedagogical University

THE IMPACT OF THE MIGRATION POLICY OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN ON THE REALIZATION OF LABOR RIGHTS OF MIGRANTS

Abstract

The article examines the impact of the migration policy of the Republic of Kazakhstan on the realization of labor rights of migrant workers in modern conditions. Kazakhstan, with its strategic geographical location and developing economy, is not only a transit country, but also one of the largest centers of attraction for labor resources in Central Asia. The main flows of migrants are formed from Uzbekistan, Kyrgyzstan and Tajikistan, which is due to both socio-economic factors and interstate cooperation within the framework of the Eurasian Economic Union (EAEU). The analysis focuses on the relationship between national migration policy and the actual realization of migrants' labor rights, including access to social guarantees, medical care, protection from discrimination and exploitation. Special attention is paid to the regulatory framework of Kazakhstan, the country's international obligations, as well as the practice of their implementation. It is noted that despite the steps being taken

to harmonize legislation with international standards and provide labor migrants from the EAEU countries with broader access to the labor market, a number of problems remain: illegal employment, inequality in the rights of migrants from different countries, difficulties in judicial protection, and low awareness. The article identifies contradictions between the proclaimed principles of equality and the actual barriers to the realization of labor rights. The conclusion is drawn about the need to further improve Kazakhstan's migration policy aimed at ensuring effective legal and social protection of migrants, strengthening monitoring and control mechanisms, as well as expanding the country's international legal obligations through the ratification of key ILO and UN conventions.

Keywords: migrants, migration policy, labor rights, social protection, harmonization of legislation, discrimination, exploitation.

Введение

Миграция является одним из ключевых процессов, формирующих социально-экономическую и правовую реальность современного Казахстана. Республика выступает одновременно страной происхождения, транзита и приёма мигрантов. Согласно данным Международной организации по миграции (МОМ), Казахстан занимает лидирующие позиции в Центральной Азии по числу трудовых мигрантов, в основном из стран ЕАЭС и соседних государств – Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана¹. Проблематика обеспечения трудовых прав мигрантов напрямую связана с миграционной политикой государства. С одной стороны, Казахстан предпринимает шаги для гармонизации законодательства с международными стандартами и обязательствами в рамках ЕАЭС. С другой стороны, практика реализации прав свидетельствует о наличии дискриминации, ограниченного доступа к социальной защите и трудовым гарантиям.

Вопросы правового положения и социальной интеграции мигрантов в Казахстане находят отражение в отечественной юридической литературе. Так, исследователи подчеркивают, что нелегальная миграция выступает вызовом для национальной правовой системы, создавая одновременно и экономические возможности, и социальные угрозы [1].

Трудовые мигранты чаще всего сталкиваются с проблемами дискриминации, отсутствия трудовых договоров и ограниченного доступа к судебной защите [2].

Кроме того, в работах казахстанских юристов указывается на противоречия между национальной миграционной политикой и международными стандартами, закрепленными в конвенциях МОТ и ООН. Исследования посвящены анализу национального законодательства, международных стандартов и правоприменительной практики, анализу влияния миграционной политики Казахстана на реализацию трудовых прав иностранных граждан, с акцентом на правовые механизмы допуска мигрантов к рынку труда, получение ими разрешений и видов на жительство [3]. Особое внимание уделяется соотношению национальных норм с международными обязательствами в рамках ЕАЭС и проблемам обеспечения равных условий труда для мигрантов и граждан Казахстана [4].

В научных публикациях последних лет подчёркивается необходимость разработки более эффективных механизмов социальной защиты мигрантов, а также усиления институционального контроля в сфере соблюдения их трудовых прав [5-7].

Об утверждении Концепции миграционной политики Республики Казахстан на 2023-2027 годы. Постановление Правительства Республики Казахстан от 30 ноября 2022 года № 961².

Цель статьи: осуществить анализ влияния миграционной политики Казахстана на реализацию трудовых прав мигрантов, обозначить проблемы и предложить пути их решения.

¹ World Migration Report 2022. – Geneva: IOM, 2022 [Электрон. ресурс]. – URL: <https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2022-russian>

² Об утверждении Концепции миграционной политики Республики Казахстан на 2023 – 2027 годы. Постановление Правительства Республики Казахстан от 30 ноября 2022 года № 961. [Электрон. ресурс]. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000477>

Материалы методы

Методологическую основу исследования составил комплекс общенаучных и частно-правовых методов познания, обеспечивающих объективность и достоверность полученных результатов.

Во-первых, был применён нормативно-правовой анализ, позволивший исследовать Конституцию Республики Казахстан, Концепцию миграционной политики Республики Казахстан на 2023-2027 годы, Трудовой кодекс РК, Закон «О миграции населения», а также подзаконные акты, регулирующие порядок въезда, пребывания и трудоустройства иностранных граждан. Особое внимание уделено международным документам – Конвенция Международной Организации труда (МОТ) и договорам ООН, закрепляющим универсальные стандарты в области защиты прав трудящихся-мигрантов.

Во-вторых, использован сравнительно-правовой метод, посредством которого проведено сопоставление казахстанского законодательства с правовыми системами стран ЕАЭС и государств Европейского союза. Это позволило выявить общие тенденции, а также специфику регулирования трудовой миграции в условиях интеграционных обвинений.

В-третьих, применялся социологический и статистический анализ, основанный на обобщении данных Международной организации по миграции (МОМ), Всемирного банка и Бюро национальной статистики Республики Казахстан. Данный подход обеспечил количественную оценку динамики миграционных потоков, структуры занятости иностранных граждан и их вклада в национальную экономику.

В-четвёртых, использован доктринальный метод, заключающийся в изучении и систематизации научных публикаций казахстанских и зарубежных исследователей. Это позволило опереться на современные научные подходы, выявить дискуссионные аспекты и предложить авторское видение проблематики.

Комплексное применение указанных методов обеспечило целостность исследования, сочетание правового и социально-экономического анализа, а также позволило обосновать выводы и рекомендации, имеющие как теоретическое, так и практическое значение.

Результаты и обсуждение

Миграционная политика Казахстана формировалась в условиях постсоветских демографических трансформаций, социально-экономических вызовов и процессов национального строительства. На начальном этапе, в 1990-е годы, государственная политика была ориентирована прежде всего на возвращение этнических казахов (оралманов/кандасов) на историческую родину, что нашло отражение в Законе РК «О миграции населения» от 1997 года. Репатриация рассматривалась как инструмент демографической стабилизации, укрепления национальной идентичности и компенсации оттока русскоязычного населения.

В 2000-е годы приоритеты изменились: Казахстан стал испытывать экономический рост, потребность в рабочей силе в строительстве, сельском хозяйстве, сфере услуг и промышленности. На этом фоне акцент миграционной политики сместился на регулирование трудовой миграции, в первую очередь из стран Центральной Азии – Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана.

Концепция государственной политики в области миграции населения Республики Казахстан на 2007-2015 годы сыграла роль промежуточного этапа и заложила основу для дальнейшей систематизации правового регулирования³.

Ключевым документом в сфере регулирования миграции является Закон Республики Казахстан «О миграции населения» от 22 июля 2011 года (с последующими изменениями и дополнениями, в том числе 2020 г.)⁴, который закрепляет классификацию видов миграции

³О Концепции миграционной политики Республики Казахстан на 2007-2015 годы. Указ Президента Республики Казахстан от 28 августа 2007 года № 399. Утратил силу Указом Президента Республики Казахстан от 23 мая 2011 года № 88 (утративший силу). [Электрон. ресурс]. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U070000399>

⁴О миграции населения. Закон Республики Казахстан от 22 июля 2011 года № 477-IV. [Электрон. ресурс]. – URL:

(внутренней, внешней, трудовой, этнической), устанавливает правовой статус мигрантов и порядок получения разрешений на работу.

В стратегическом плане основы миграционной политики зафиксированы в ряде государственных документов: Концепции миграционной политики Республики Казахстан на 2023-2027 годы. Постановление Правительства Республики Казахстан от 30 ноября 2022 года № 961⁵, Стратегии «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства».

Анализ действующего законодательства показал, что миграционная политика Казахстана напрямую влияет на объём и качество реализации трудовых прав иностранных граждан. Конституция РК (ст. 24) закрепляет право каждого на труд и свободу выбора профессии, однако конкретные механизмы реализации этих прав зависят от положения Трудового кодекса и Закона «О миграции населения». В этих актах установлены специальные условия, регулирующие доступ мигрантов к рынку труда, включая требования о получении разрешений, справок о квалификации и иных документов. Тем самым миграционная политика, формализованная в правовых нормах, фактически определяет пределы реализации конституционных гарантий.

Особое значение имеют нормы, дифференцирующие права трудовых мигрантов в зависимости от их гражданства. В соответствии с Договором о Евразийском экономическом союзе 2014 года граждане государств – членов ЕАЭС (Россия, Кыргызстан, Беларусь, Армения) обладают возможностью трудоустройства в Казахстане без получения дополнительных разрешений. Это расширяет их фактический доступ к реализации трудовых прав – заключению трудовых договоров, получению заработной платы, охране труда и социальной защите. В то же время мигранты из государств, не входящих в ЕАЭС, остаются ограничены системой квот и разрешений, что приводит к различиям в объёме трудовых гарантий.

В 2022 году в Казахстан прибыло около 17 425 лиц, из которых 86,1 % – граждане стран СНГ⁶. По состоянию на 1 мая 2023 года, 15 129 иностранных граждан имели официальные разрешения на трудовую деятельность⁷. Эти цифры свидетельствуют о существенном влиянии миграционной политики на фактическую реализацию трудовых прав мигрантов: несмотря на значительный приток, только часть мигрантов имеет легальный доступ к рынку труда.

Статистические данные подтверждают существование данного различия. Так, по состоянию на 1 апреля 2023 года официально зарегистрированными трудовыми мигрантами в Казахстане являлись 14 417 человек. При этом основная часть прибывших в страну в 2022 году – граждане государств СНГ (85,9%), что демонстрирует их ключевую роль на рынке труда Казахстана. Однако именно для этой группы мигрантов (за исключением граждан ЕАЭС) сохраняются ограничения в доступе к трудовым правам, вытекающие из политики квотирования.

В научной литературе отмечается, что система квот и разрешений выполняет двоякую функцию. По мнению ряда исследователей, она служит инструментом защиты национального рынка труда, позволяя регулировать объём привлечённой иностранной рабочей силы и предотвращать дисбаланс в оплате труда⁸. В то же время обосновано, что чрезмерная зарегулированность может создавать искусственные барьеры для реализации прав мигрантов, ограничивая их возможности заключать официальные правовые договоры и пользоваться системой социальной защиты.

Таким образом, результаты исследования свидетельствуют о том, что влияние миграционной политики Казахстана проявляется в создании дифференцированного режима реализации трудовых прав мигрантов. Либерализация условий для граждан ЕАЭС является позитивным примером гармонизации национальной политики с международными обязательствами. Однако сохраняющаяся зависимость от реализации трудовых прав других

⁵ Об утверждении Концепции миграционной политики Республики Казахстан на 2023 – 2027 годы. Постановление Правительства Республики Казахстан от 30 ноября 2022 года № 961. [Электрон. ресурс]. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000477>

⁶ Миграция населения Республики Казахстан (2022г.). [Электрон. ресурс]. – URL: <https://stat.gov.kz/>

⁷ Более 15,1 тыс. иностранных граждан осуществляют трудовую деятельность в Казахстане. [Электрон. ресурс]. – URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/enbek/press/news/details/562100?lang=ru>

⁸ Labor Migration in Asia: Changing Profiles and Processes. [Электрон. ресурс]. – URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/@asia/@ro-bangkok/documents/publication/wcms_886893.pdf

категорий мигрантов от квот и разрешений требуют дальнейшего совершенствования законодательства и поиска баланса между интересами государства и защитой прав человека.

Анализ правовой базы показал, что миграционная политика Казахстана носит противоречивый характер в части обеспечения трудовых прав мигрантов. С одной стороны, в Конституции РК закреплено право каждого на труд (ст. 24), а Трудовой кодекс предусматривает равенство субъектов трудовых отношений независимо от гражданства. С другой стороны, порядок реализации этого права во многом зависит от миграционного статуса иностранца, что напрямую определяется действующей политикой.

Ключевой элемент миграционной политики – система квот и разрешений. Она призвана регулировать приток иностранной рабочей силы, но фактически ограничивает возможности легального трудоустройства для значительной части мигрантов. Как следствие, многие иностранные граждане вынуждены трудиться без официальных договоров, что лишает их гарантий оплаты труда, защиты от произвольного увольнения, а также доступа к медицинскому и социальному обеспечению. Таким образом, административные барьеры становятся фактором, снижающим уровень реализации провозглашённых трудовых прав.

Особое положение занимают граждане государств - членов ЕАЭС. В соответствии с Договором о ЕАЭС 2014 года они имеют право на трудоустройство в Казахстане без получения разрешений, а также на равный доступ к условиям труда и социальной защите. Это свидетельствует о том, что миграционная политика Казахстана дифференцирует объём трудовых прав в зависимости от международно-правового статуса мигранта: граждане ЕАЭС получают фактически равные права с гражданами Казахстана, тогда как выходцы из других стран сталкиваются с ограничениями. Значительная часть прибывающих мигрантов остаётся вне легального поля, что напрямую связано с существующими барьерами в миграционной политике. В результате их трудовые права реализуются частично или вовсе нарушаются⁹.

В сравнительном аспекте выявлено, что практика стран ЕС отличается более комплексным подходом, где контроль над миграцией сочетается с механизмами социальной интеграции и гарантиями доступа к базовым правам. В Казахстане же миграционная политика сконцентрирована преимущественно на ограничительных мерах. Это создаёт ситуацию, при которой трудовые права мигрантов зависят не от универсальных принципов недискриминации, а от принадлежности к определённому государству или от уровня их легализации.

Таким образом, результаты анализа позволяют утверждать, что действующая миграционная политика Казахстана в её нынешнем виде лишь частично способствует реализации трудовых прав мигрантов. В рамках ЕАЭС наблюдается прогресс и расширение гарантий, тогда как для мигрантов из других стран сохраняются существенные препятствия. Дискуссионным остаётся вопрос: выполняет ли система квот функцию защиты национального рынка труда или она, напротив, способствует росту нелегальной занятости. В научных публикациях обозначена две позиции: одни исследователи видят в квотах инструмент сохранения конкурентоспособности местной рабочей силы [8], другие указывают, что чрезмерные барьеры подрывают доверие к институтам и вынуждают мигрантов уходить в тень [1; 9; 10].

Обсуждение этих подходов демонстрирует необходимость поиска баланса между интересами государства и правами мигрантов. Миграционная политика должна не только регулировать трудовые потоки, но и гарантировать минимальный уровень трудовых прав для всех категорий иностранных граждан.

Заключение

Проведённый анализ показал, что миграционная политика Республики Казахстан оказывает прямое и многогранное влияние на реализацию трудовых прав мигрантов. Нормативно-правовая база, включающая Конституцию, Трудовой кодекс и Закон «О миграции населения», формирует основу для регулирования трудовой деятельности иностранных граждан. Однако именно

⁹ Labor Migration In Kazakhstan. [Электрон. ресурс]. – URL: https://www.mondaq.com/employee-rights-labour-relations/1347780/labor-migration-in-kazakhstan?utm_source=chatgpt.com

государственная политика в области миграции задаёт параметры их фактического доступа к реализации конституционного права на труд.

Сравнение национальных норм с обязательствами в рамках Евразийского экономического союза позволило выявить дифференцированный подход: граждане стран ЕАЭС обладают равными с гражданами Казахстана правами на трудоустройство и социальную защиту, тогда как для мигрантов из других государств сохраняются административные барьеры в виде квот и разрешений. Это создаёт различия в объёме предоставляемых прав и подтверждает, что миграционная политика выступает инструментом, напрямую определяющим возможности и ограничения в реализации трудовых прав.

Статистические данные, предоставленные Бюро национальной статистики РК и Министерством труда и социальной защиты населения, свидетельствуют о несоответствии между числом прибывших в страну мигрантов и числом лиц, имеющих официальные разрешения на трудовую деятельность. Такая ситуация указывает на необходимость совершенствования существующих механизмов доступа к рынку труда, повышения прозрачности процедур и упрощения административных процедур для иностранных работников.

Доктринальный анализ и сопоставление с зарубежной практикой показывают, что Казахстану следует усилить гармонизацию национальной миграционной политики с международными стандартами МОТ и ООН. В частности, важно рассмотреть вопрос о ратификации Конвенции МОТ № 97 «О трудящихся-мигрантах» и № 143 «О злоупотреблениях в области миграции», что позволит укрепить международно-правовые гарантии защиты трудовых прав.

Таким образом, миграционная политика Казахстана одновременно выполняет регулирующую и ограничительную функцию, а её реформирование должно быть направлено на достижение баланса между интересами государства и защитой прав мигрантов. Это требует дальнейшей либерализации процедур трудоустройства для иностранных граждан; расширения равных социальных гарантий вне зависимости от страны происхождения; развития механизмов правовой и судебной защиты мигрантов; интеграции положений международных конвенций в национальное законодательство.

Реализация этих мер позволит не только повысить уровень соблюдения трудовых прав мигрантов, но и укрепить социальную стабильность, обеспечив гармоничное развитие национального рынка труда в условиях глобализации.

Список использованных источников:

1 Хамзин А.Ш., Бурибаев Е.А., Хамзина Ж.А. Нелегальная миграция: проявление реальности в глобальном контексте // Вестник КазНПУ им. Абая. Серия «Юриспруденция». – 2023. – № 4 (74). – С. 73-81.

2 Жадауова Ж.А., Карахожаев О.С. О некоторых аспектах профилактики правонарушений в сфере незаконной миграции. [Электрон. ресурс]. – 2021. // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34851068&utm_source=chatgpt.com&pos=24;-53#pos=24;-53(дата обращения: 12.06.2025).

3 Сарсенова З., Айтасова Г. Трудовая миграция в Казахстане. [Электрон. ресурс]. // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32575837(дата обращения: 12.06.2025).

4 Права трудящихся мигрантов в Казахстане: анализ национального законодательства, международных стандартов и правоприменительной практики. - Алматы, Международная организация труда. – 2008. - 48 с.

5 Абайдельдинов Т.М., Муксинова А.Т. Некоторые вопросы трудовой миграции в Республике Казахстан [Электрон. ресурс]. // URL: <https://doaj.org/article/f99443c488f944caa3932b1d6f6ef9bb> (дата обращения: 12.06.2025).

6 Кириленко В.П., Алексеев Г.В., Чаава М. З. Международная защита прав трудящихся-мигрантов и миграционное законодательство // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. -2022. -№2 (40). [Электрон. ресурс]. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnaya-zaschita-prav-trudyaschihsya-migrantov-i-migratsionnoe-zakonodatelstvo> (дата обращения: 12.06.2025).

7 Шубенкова Е.В., Шичкин И.А. Механизм обеспечения достойного труда и социальной защиты трудовых мигрантов в рамках региональных интеграционных объединений //

Инновации и инвестиции. -2021. -№2. URL: [9https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizm-obespecheniya-dostoyrnogo-truda-i-sotsialnoy-zaschity-trudovyh-migrantov-v-ramkah-regionalnyh-integratsionnyh-obedineniy](https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizm-obespecheniya-dostoyrnogo-truda-i-sotsialnoy-zaschity-trudovyh-migrantov-v-ramkah-regionalnyh-integratsionnyh-obedineniy) (дата обращения: 12.06.2025).

8 Шестерякова И.В. Трудовая интеграция государств - членов Евразийского экономического союза: итоги и перспективы // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. -2017. -№3. URL: [0https://cyberleninka.ru/article/n/trudoppravovaya-integratsiya-gosudarstv-chlenov-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soyuza-itogi-i-perspektivy](https://cyberleninka.ru/article/n/trudoppravovaya-integratsiya-gosudarstv-chlenov-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soyuza-itogi-i-perspektivy) (дата обращения: 12.06.2025).

9 Тимошкин Д.О, Волошин А.А. Как неформальные посредники в строительной индустрии влияют на включение трансграничных мигрантов в теневой рынок труда // Экономическая социология. -2023. -№4. //URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kak-neformalnye-posredniki-v-stroitelnoy-industrii-vliyayut-na-vklyuchenie-transgranichnyh-migrantov-v-tenevoy-rynok-truda> (дата обращения: 12.06.2025).

10 Уязвимость мигрантов и потребности интеграции в Центральной Азии: Основные причины и социальноэкономические последствия возвратной миграции. Региональная полевая оценка в Центральной Азии. - 2016. - Астана, 2016. - 288 с.

References:

1 Hamzin A.Sh., Buribaev E.A., Hamzina Zh.A.Nelegal'naja migracija: projavlenie real'nosti v global'nom kontekste // Vestnik KazNPU im. Abaja. Serija «Jurisprudencija». – 2023. – № 4 (74). – S. 73-81.

2 Zhadauova Zh.A., Karahozhaev O.S. O nekotoryh aspektah profilaktiki pravonarushenij v sfere nezakonnoj migracii. [Jelektron. resurs]. – 2021. // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34851068&utm_source=chatgpt.com&pos=24;-53#pos=24;-53(data obrashcheniya: 12.06.2025)

3 Sarsenova Z., Ajtasova G. Trudovaja migracija v Kazahstane. [Jelektron. resurs]. // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32575837 (data obrashcheniya: 12.06.2025)

4 Prava trudjashhihsja migrantov v Kazahstane: analiz nacional'nogo zakonodatel'stva, mezhdunarodnyh standartov i pravoprimeritel'noj praktiki. - Almaty, Mezhdunarodnaja organizacija truda. – 2008. - 48 s.

5 Abajdel'dinov T.M., Muksinova A.T. Nekotorye voprosy trudovoj migracii v Respublike Kazahstan [Jelektron. resurs]. // URL: <https://doaj.org/article/f99443c488f944caa3932b1d6f6ef9bb> (data obrashcheniya: 12.06.2025)

6 Kirilenko V.P., Alekseev G.V., Chaava M. Z. Mezhdunarodnaja zashhita prav trudjashhihsja-migrantov i migracionnoe zakonodatel'stvo // Evrazijskaja integracija: jekonomika, pravo, politika. - 2022. -№2 (40). [Jelektron. resurs]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnaya-zaschita-prav-trudyaschihsya-migrantov-i-migratsionnoe-zakonodatelstvo> (data obrashcheniya: 12.06.2025)

7 Shubenkova E.V., Shichkin I.A. Mehanizm obespecheniya dostojnogo truda i social'noj zashhity trudovyh migrantov v ramkah regional'nyh integracionnyh ob#edinenij // Innovacii i investicii. -2021. - №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizm-obespecheniya-dostoyrnogo-truda-i-sotsialnoy-zaschity-trudovyh-migrantov-v-ramkah-regionalnyh-integratsionnyh-obedineniy> (data obrashcheniya: 12.06.2025)

8 Shesterjakova I.V. Trudoppravovaja integracija gosudarstv - chlenov Evraziyskogo jekonomicheskogo sojuza: itogi i perspektivy // Vestnik SPbGU. Serija 14. Pravo. 2017. -№3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trudoppravovaya-integratsiya-gosudarstv-chlenov-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soyuza-itogi-i-perspektivy> (data obrashcheniya: 12.06.2025)

9 Timoshkin D.O, Voloshin A.A. Kak neformal'nye posredniki v stroitel'noj industrii vliyajut na vkljuchenie transgranichnyh migrantov v tenevoj rynek truda // Jekonomicheskaja sociologija. 2023. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kak-neformalnye-posredniki-v-stroitelnoy-industrii-vliyayut-na-vklyuchenie-transgranichnyh-migrantov-v-tenevoy-rynok-truda> (data obrashcheniya: 12.06.2025)

10 Ujazvimost' migrantov i potrebnosti integracii v Central'noj Azii: Osnovnye prichiny i social'nojekonomicheskie posledstviya vozvratnoj migracii. Regional'naja polevaja ocenka v Central'noj Azii. - 2016. - Astana, 2016. - 288 с.

**ҚЫЛМЫСТЫҚ ҚҰҚЫҚ ЖӘНЕ ПРОЦЕСС.
КРИМИНОЛОГИЯ. КРИМИНАЛИСТИКА
УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС.
КРИМИНОЛОГИЯ. КРИМИНАЛИСТИКА
CRIMINAL LAW AND PROCESS. CRIMINOLOGY. FORENSICS**

МРНТИ 10.77.91
УДК 343.2/.7(4/9)

10.51889/2959-6181.2025.81.3.009

Сыдығалиева А.С.^{1*}

¹ Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н.Ельцина
(e-mail: *amina20080768@mail.ru)

**ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ОТМЫВАНИЮ
ДОХОДОВ И ФИНАНСИРОВАНИЮ ТЕРРОРИЗМА: ОПЫТ КЫРГЫЗСТАНА**

Аннотация

В статье рассматриваются современные вызовы и угрозы, связанные с финансированием терроризма и легализацией (отмыванием) преступных доходов в Кыргызской Республике. Отмечается, что в условиях глобализации мировой финансовой системы транснациональные схемы отмывания капитала и финансирования террористической деятельности приобретают все более сложный и многоуровневый характер, что требует координации усилий на международном и региональном уровнях. Особое внимание уделено национальной оценке рисков, проведенной в Кыргызстане в 2019-2022 гг. Систематизация результатов показала, что финансово-кредитные учреждения и отдельные категории нефинансовых субъектов представляют наиболее высокий уровень уязвимости. Среди ключевых рисков выделяются: массовое использование систем денежных переводов трудовыми мигрантами, высокий уровень теневой экономики, значительная доля наличного оборота вне банковской системы, а также коррупционные практики. Проведенный анализ демонстрирует, что национальная система оценки рисков является эффективным инструментом выявления слабых мест в системе ПОД/ФТ, формирования приоритетов реформ и оптимального распределения ресурсов. Подчеркивается, что успешное противодействие невозможно без применения риск-ориентированного подхода, согласующегося с международными стандартами FATF. В статье сделан вывод о необходимости дальнейшего совершенствования кыргызской национальной стратегии ПОД/ФТ, включая усиление надзорных механизмов, расширение межведомственного взаимодействия и активизацию международного сотрудничества.

Ключевые слова: финансирование терроризма, легализация, отмывание доходов, риски, угроза, предикатное преступление, оценка рисков.

А.С. Сыдығалиева¹

¹ Б.Н. Ельцин атындағы Қырғыз-Ресей Славян Университеті

**КІРІСТЕРДІ ЖЫЛЫСТАТУҒА ЖӘНЕ ТЕРРОРИЗМДІ ҚАРЖЫЛАНДЫРУҒА ҚАРСЫ
ІС-ҚИМЫЛ: ҚЫРҒЫЗСТАН ТӘЖІРИБЕСІ**

Аңдатпа

Мақалада Қырғыз Республикасындағы терроризмді қаржыландыруға және қылмыстық кірістерді заңдастыруға (жылыстатуға) байланысты қазіргі заманғы сын-кәтерлер мен қауіптер қарастырылады. Әлемдік қаржы жүйесінің жаһандануы жағдайында капиталды жылыстатудың

және террористік қызметті қаржыландырудың трансұлттық схемалары барған сайын күрделі және көп деңгейлі сипатқа ие болып отыр, бұл халықаралық және өңірлік деңгейлерде күш-жігерді үйлестіруді талап етеді. 2019-2022 жылдары Қырғызстанда жүргізілген тәуекелдерді ұлттық бағалауға ерекше назар аударылды. Нәтижелерді жүйелеу қаржы институттары мен қаржылық емес субъектілердің жекелеген санаттары осалдықтың ең жоғары деңгейін көрсететінін көрсетті. Негізгі тәуекелдердің ішінде мыналар ерекшеленеді: еңбек мигранттарының ақша аудару жүйелерін жаппай пайдалануы, көлеңкелі экономиканың жоғары деңгейі, банк жүйесінен тыс қолма-қол ақша айналымының едәуір үлесі, сондай-ақ сыбайлас жемқорлық тәжірибелері. Жүргізілген талдау тәуекелдерді бағалаудың ұлттық жүйесі АЖ/ТҚҚ жүйесіндегі әлсіз жерлерді анықтаудың, реформалардың басымдықтарын қалыптастырудың және ресурстарды оңтайлы бөлудің тиімді құралы болып табылатынын көрсетеді. FATF халықаралық стандарттарына сәйкес келетін тәуекелге бағытталған тәсілді қолданбай сәтті қарсы тұру мүмкін емес екендігі атап өтілді. Мақалада қадағалау тетіктерін күшейту, ведомствоаралық өзара іс-қимылды кеңейту және халықаралық ынтымақтастықты жандандыруды қоса алғанда, Қырғыз ұлттық АЖ/ТҚҚ стратегиясын одан әрі жетілдіру қажеттілігі туралы қорытынды жасалды.

Түйін сөздер: терроризмді қаржыландыру, заңдастыру, кірістерді жылыстату, тәуекелдер, қауіп-қатер, предикаттық қылмыс, тәуекелдерді бағалау.

A.S. Sydygalieva¹

¹Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N.Yeltsin

COUNTERING MONEY LAUNDERING AND TERRORIST FINANCING: KYRGYZSTAN'S EXPERIENCE

Abstract

The article examines the current challenges and threats related to the financing of terrorism and the legalization (laundering) of criminal proceeds in the Kyrgyz Republic. It is noted that in the context of the globalization of the global financial system, transnational capital laundering and terrorist financing schemes are becoming increasingly complex and multilevel, which requires coordination of efforts at the international and regional levels. Special attention is paid to the national risk assessment conducted in Kyrgyzstan in 2019-2022. The systematization of the results showed that financial and credit institutions and certain categories of non-financial entities represent the highest level of vulnerability. Among the key risks are: the massive use of money transfer systems by migrant workers, a high level of the shadow economy, a significant proportion of cash turnover outside the banking system, as well as corrupt practices. The analysis demonstrates that the national risk assessment system is an effective tool for identifying weaknesses in the AML/CFT system, setting reform priorities and optimally allocating resources. It is emphasized that successful counteraction is impossible without the use of a risk-based approach consistent with international FATF standards. The article concludes that it is necessary to further improve the Kyrgyz national AML/CFT strategy, including strengthening oversight mechanisms, expanding interagency cooperation and enhancing international cooperation.

Key words: terrorist financing, legalization, money laundering, risks, threat, predicate crime, risk assessment.

Введение

В современных условиях проблема противодействия финансированию терроризма и легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, занимает одно из центральных мест в системе обеспечения национальной и международной безопасности. Усиление глобализации и развитие транснациональных финансовых связей способствует тому, что незаконные денежные потоки все чаще пересекают государственные границы, принимая все более сложные и скрытые формы. Подобные процессы несут серьезные угрозы не только финансовым системам отдельных государств, но и мировой экономической стабильности в

целом. Особую актуальность данная проблема приобретает в свете того, что экономика Кыргызстана характеризуется высокой зависимостью от денежных переводов трудовых мигрантов, значительной долей теневого сектора и высоким уровнем использования наличного оборота. Эти факторы в совокупности повышают уязвимость финансовой системы и создают предпосылки для использования ее в противоправных целях. Проведенная Национальная оценка рисков подтвердила наличие критических угроз в ряде секторов, что требует выработки дополнительных мер реагирования.

Международные стандарты, разработанные ГРруппой разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (FATF), представляют собой модель риск-ориентированного подхода, предполагающего концентрацию усилий на наиболее уязвимых сферах экономики. Лучшие мировые практики показывают, что именно системная национальная оценка рисков позволяет выявить наиболее слабые звенья в системе ПОД/ФТ, формировать приоритеты и более рационально распределять имеющиеся ресурсы.

В научной литературе данная проблематика рассматривается многопланово, в том числе анализируется тенденции и динамика борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма в странах Центральной Азии [1]; исследуется роль евразийской группы (EAG) как региональной структуры, занимающейся адаптацией стандартов FATF к условиям стран региона [2]; проблемы национальной оценки рисков [3]; предлагаются методологические идеи, примеры эмпирического анализа теневого сектора [4]; показывают, как технологическая готовность стран влияет на связь между показателями AML и стоимостью денежных переводов [5].

Целью данного исследования является анализ проблем в области оценки рисков легализации преступных доходов и финансирования терроризма в Кыргызской Республике

Материалы и методы

В исследовании использованы диалектический, системный и сравнительно-правовой методы, позволившие рассмотреть ПОД/ФТ как многоуровневую правовую систему и выявить ее уязвимости. Эмпирическую базу составили материалы Национальной оценки рисков финансирования терроризма и легализации преступных доходов, статистика Национального банка и национального статистического комитета КР, а также отчеты FATF, ЕАГ и международного валютного фонда. Анализ проведен на основе нормативных правовых актов Кыргызской Республики и научных публикаций отечественных и зарубежных исследователей.

Результаты и обсуждение

На современном этапе весь мир встречается с огромным количеством проблем и угроз нормальному существованию и развитию государства, ее экономики. Это незаконный оборот наркотиков, торговля оружием и радиоактивными материалами, проституция, организованная преступность, нелегальная финансовая и банковская деятельность, расхищение государственных средств и фондов и многие другие. Все эти противоправные деяния имеют своей целью конечно же получение финансовой выгоды и прибыли. Получив вожаделенные деньги, преступники, не могут просто так их потратить, не привлекая к себе внимания компетентных органов. Поэтому они вынуждены придумывать и осуществлять различные схемы легализации или отмывания незаконно полученных денежных средств. Проблематика еще усиливается тем, что преступные доходы могут быть использованы для финансирования терроризма, экстремизма и других аналогичных проявлений.

Проблематика противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансирование терроризма приобретают все большую актуальность в связи с ростом объемов криминальных капиталов, проникающих в легальную экономику. Увеличение доли «теневых» финансовых потоков угрожает устойчивости государственных институтов и национальной экономической безопасности. В условиях глобализации мировых финансовых систем такие схемы приобретают транснациональный характер, что неизбежно требует согласованного международно-правового регулирования. Вопросы противодействия отмыванию

средств в современном мире выходят далеко за рамки внутренней юрисдикции государств и становятся предметом активного взаимодействия на международной арене [6].

Ученые отмечают, что важным элементом эффективной борьбы является риск-ориентированный подход – когда антикоррупционные и AML / CTF меры (Anti-Money Laundering – противодействие отмыванию денег; Counter-Terrorist Financing – противодействие финансированию терроризма) нацелены прежде всего на выявление и нейтрализацию тех угроз, которые считаются наиболее вероятными и значимыми. Анализ австралийского контекста показывает, как использование риск-ориентированного подхода позволяет выявлять пробелы в системе предотвращения финансирования терроризма и оптимизировать распределение ресурсов [7]. Для Казахстана, как и многих постсоветских государств, также характерны тенденции усложнения схем легализации доходов и возрастающей уязвимости финансовой системы [8].

Риски высокого уровня требуют приоритетного внимания и разработки соответствующих мер реагирования на законодательном и правоприменительном уровнях. Как отмечают исследователи, «правовое обеспечение борьбы с терроризмом должно включать как нормативные меры, так и международно-правовое сотрудничество в целях противодействия трансграничной угрозе» [9]. Это подчеркивает, что высокий риск опасности невозможно эффективно нейтрализовать без системной координации и усиленного правового регулирования.

В контексте Кыргызской Республики необходимость проведения национальной оценки рисков становится основополагающей задачей, особенно перед взаимной Евразийской группы ПОД/ФТ. Национальная оценка рисков позволяет выявить слабые места в существующей системе, определить приоритетные направления совершенствования и эффективно распределить человеческие и финансовые ресурсы.

Как отмечает Анарбаев Г.С. "национальная оценка рисков позволить определить основные недостатки в системе противодействия финансированию террористической деятельности и легализации (отмыванию) преступных доходов, приоритеты для дальнейшего совершенствования данной системы и эффективно распределить имеющиеся человеческие и финансовые ресурсы" [10]. Именно на это указывает п.5 "Положения о порядке проведения оценки рисков финансирования террористической деятельности и легализации (отмывания) преступных доходов" утвержденного постановлением Правительства Кыргызской Республики от 25 декабря 2018 года № 606, где отмечено: "национальная оценка рисков - деятельность субъектов ПФТД/ЛПД по выявлению и (или) предотвращению угроз и уязвимостей, выработке мер по ПФТД/ЛПД, а также по предупреждению или минимизации негативных последствий"¹.

В период с 2019 по 2022 годы Кыргызская Республика организовала и провела тщательную и глубокую национальную оценку рисков, по результатам которой, определены уязвимые участки, которые подвержены рискам и сами представляют угрозу, либо те участки, в отношении которых отсутствуют надзорные органы, а у подконтрольных субъектов этой сферы либо слабо присутствует, либо вообще отсутствует понимание о рисках отмывания преступных доходов и финансирования терроризма.

Оценкой были охвачены периоды времени с 2018 по 2021 годы и проанализированы особенности функционирования Кыргызской Республики по секторам экономики. Основными среди них, по удельному весу к ВВП страны отмечены: "сельское хозяйство (около 12,4 % к ВВП), промышленность (16,4%), строительство (7,3%), услуги (51,1%) и торговлю (15,6%). Экономика также поддерживается добычей полезных ископаемых, транспортом и операциями с недвижимостью, сектор услуг. Входящие денежные переводы от трудовых мигрантов составляют 30% ВВП. Добыча золота (35 % экспорта). Объем ВВП КР в мировой экономике занимает 0,01% и 2,6% от региональной экономики Центральной Азии"². Данная аналитика показывает, что доля ВВП экономики Кыргызстана минимальна по отношению к мировым

¹ Положение "О порядке проведения оценки рисков финансирования террористической деятельности и легализации (отмывания) преступных доходов" утвержден постановлением Правительства КР от 25 декабря 2018 года № 606 // <https://cbd.minjust.gov.kg/12936/edition/1270389/ru>

² Отчет о результатах Национальной оценки рисков финансирования террористической деятельности и легализации (отмывания) преступных доходов // <https://fiu.gov.kg/uploads/67af2d1ea573c.pdf>

показателям и во многом зависит, помимо добычи и экспорта полезных ископаемых, от денежных переводов трудовых мигрантов, которые осуществляются в преимущественном большинстве посредством использования системы денежных переводов без открытия банковского счета, что безусловно, не может не представлять угрозы ЛПД и ФТ.

Более того, финансовые учреждения и нефинансовые категории лиц по национальной оценке рисков признаны наиболее существенными, представляющими повышенный риск в схемах легализации преступных доходов, включая вышеупомянутый риск использования систем денежных переводов от трудовых мигрантов, находящихся во многих странах. По результатам национальной оценки рисков ФТ и ЛПД "за рубежом работает 1 млн.118 тысяч граждан Кыргызстана, миллион из них - в Российской Федерации. По данным НБКР, за 2021 год объем денежных переводов физических лиц в Кыргызстан составил 2,7 млрд долларов. Структура переводов в разрезе стран остается прежней - из Российской Федерации (98,0%), 2,6 млрд долларов. В 2019 году объем средств, поступивших через СДП, составил 2,4 млрд долларов США. Объем исходящих переводов из КР - 554,6 млн долларов США. В структуре исходящих переводов значительный объем также приходится на Российскую Федерацию (98,8%)"³. Из этих данных видно, какие колоссальные объемы денежных потоков идут только от трудовых мигрантов через финансовые учреждения, которые однозначно требуют анализа и контроля как со стороны банковской системы, так и соответствующих государственных органов.

Вместе с тем, сами финансовые учреждения и нефинансовые категории лиц являются наиболее существенными по национальной оценке рисков ФТ и ЛПД по нескольким аспектам.

Во-первых, по объему активов преобладают коммерческие банки – 280 млрд сомов или 37% к ВВП КР, операторы системы расчетов с использованием электронных денег – 86 млрд сомов или 11% к ВВП КР, микрофинансовые организации – 25 млрд сомов или 3% от ВВП КР.

Во-вторых, по объему операций (сделок) существенными являются коммерческие банки – 898 млрд. сомов, обменные бюро – 566 млрд сомов, платежные организации – 50 млрд сомов, эмитенты и агенты (дистрибьюторы) электронных денег 34 млрд сомов, микрофинансовые организации – 27 млрд сомов, операторы системы расчетов с использованием электронных денег – 13 млрд сомов.

В-третьих, по количеству клиентской базы преобладают: коммерческие банки; предприятия почтовой связи; операторы системы расчетов с использованием электронных денег; нотариусы.

В-четвертых, самыми распространенными продуктами и услугами, которые оказывают финансовые учреждения и нефинансовые категории лиц, как по количеству, так и по сумме операций (сделок) являются: платежи, осуществленные через клиринговую и grossовую системы расчетов; операции по банковским картам (дебетовые карты и кредитные карты); кредиты физических лиц; операции по обмену валют в коммерческих банках и обменных бюро, включая отдельные микрофинансовые компании; переводы по системе денежных переводов без открытия счёта; операции по чековым книжкам (обналичивание)⁴.

Международная практика подтверждает, что наиболее уязвимым сектором в системе противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма остаются финансово-кредитные учреждения, а также широкий круг нефинансовых посредников (нотариусы, адвокаты, компании по операциям с недвижимостью, ювелирный бизнес и др.). Через эти структуры чаще всего осуществляются операции по отмыванию доходов, поскольку они располагают значительными возможностями для трансформации незаконных активов в легальный оборот. В связи с этим как в международных стандартах FATF (Financial Action Task Force / Межправительственная группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег), так и в национальных правовых актах особое внимание уделяется внедрению риск-ориентиро-

³Отчет о результатах Национальной оценки рисков финансирования террористической деятельности и легализации (отмыкания) преступных доходов. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://fiu.gov.kg/uploads/67af2d1ea573c.pdf>

⁴Отчет о результатах Национальной оценки рисков финансирования террористической деятельности и легализации (отмыкания) преступных доходов. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://fiu.gov.kg/uploads/67af2d1ea573c.pdf>

ванного подхода, направленного на выявление и пресечение подозрительных финансовых операций [7]. В странах Европейского Союза подобный подход реализуется через директивы ЕС по ПОД/ФТ, которые обязывают внедрять механизмы внутреннего контроля, основанные на оценке рисков⁵. В Кыргызской Республике, Республике Казахстан и других странах эта практика также находит отражение: национальные стратегии в сфере ПОД/ФТ предусматривают регулярное проведение национальных оценок рисков и разработку типологий, ориентированных на секторальные особенности экономики.

Таким образом, и в государствах Центральной Азии, и в странах ЕС можно проследить общую тенденцию – концентрацию усилий именно на уязвимых секторах экономики, через которые наиболее часто реализуются схемы легализации доходов и финансирования терроризма.

Результаты Национальной оценки рисков финансирования терроризма и легализации преступных доходов, проведенной службой финансовой разведки совместно с рабочей группой, включающей представителей государственных органов и частного сектора, выявили три уровня угроз: высокий, средний и узкий. При этом группы рисков средней и низкой интенсивности, как правило, не оказывают немедленного системного воздействия, но требуют постоянного мониторинга и периодической корректировки мер. Риск высокого уровня, напротив, требует повышенного внимания со стороны правоохранительных и надзорных органов, а также принятия экстренных мер для минимизации возможных ущербов. Классификация рисков по категориям low/medium/high позволяет учреждениям адекватно настраивать процедуры проверок и усиливать контроль именно там, где угроза наиболее значима⁶.

Для Кыргызстана внедрение риск-ориентированных подходов позволило усилить устойчивость банковской системы и повысить эффективность реагирования на высокие уровни угроз⁷.

Достаточно серьезной угрозой для экономики и экономической безопасности Кыргызской Республики является теневая экономика, размер и масштабы которой достаточно высоки. По данным Национального статистического комитета "объем ненаблюдаемой (скрытой и неформальной) экономики в Кыргызской Республике, оцененный со стороны производства, в 2021 году составил более 155 млрд. сомов, или 21 процент к ВВП. За исследуемый период национальной оценки рисков более 1,8 млрд. долларов США или 21% к ВВП"⁸.

Теневой сектор экономики в основном сопряжен с осуществлением законной экономической деятельности, но обороты которой умышленно скрываются или преуменьшаются, в различных целях: уклонения от уплаты налогов и других обязательных платежей, выполнении установленных государством обязательных санитарно-эпидемиологических, экологических, пожарных норм и нормативов, предписаний по охране труда и других аналогичных административных обязанностей. Осуществлению скрытой экономической деятельности сопутствует такой деструктивный фактор, как ведение "двойной бухгалтерии", т.е. ведение официального бухгалтерского учета экономической деятельности субъекта, как правило с заниженными, искаженными данными и неофициального учета, где отражаются данные уже скрытой, незаконной деятельности. Ведение двойной бухгалтерии становится возможным благодаря использованию наличного расчета для совершения хозяйственных операций.

По данным национальной оценки рисков уровень наличного оборота денег вне банковской системы достаточно высокий, что не может не представлять угрозы легализации преступных доходов и их использования в деструктивных целях.

Соотношение наличных и безналичных средств (млн. сом)

⁵ Directive (EU) 2018/843 of the European Parliament and of the Council of 30 May 2018 amending Directive (EU) 2015/849 on the prevention of the use of the financial system for the purposes of money laundering or terrorist financing. – Official Journal of the European Union, L 156/43, 19.6.2018.

⁶ Anti-Money Laundering (AML) Risk Assessment <https://www.acams.org/en/business/acams-risk-assessment>

⁷ Detect, Assess, Prevent: The Key Components of AML Risk Assessment // https://financialcrimeacademy.org/aml-risk-assessment-2/?utm_source=chatgpt.com

⁸ Национальный статистический комитет КР. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://stat.gov.kg/ru/news/v-2021-godu-otmecheno-povyshenie-doli-nenablyudaemoj-ekonomiki/>

Показатели	2018	2019	2020	2021
Наличные деньги вне обращения (деньги вне банков МО)	84826,7	96009,9	124171,9	124837,8
	55%	53%	57%	49%
Безналичные деньги (деньги в банковской системе (М2-МО))	69749,6	85758,2	94931,7	128350,5
Денежная масса М2	154576,3	181768,1	219103,6	253188,3

Как видно из таблицы, безналичные деньги в обращении составляют 128,4 млрд сомов, а наличные деньги (деньги вне банков) – 124,8 млрд сомов или 49,3% денежной массы (по опыту развитых стран, доля наличных в денежной массе составляет 10–20%)⁹.

Еще одной серьезной проблемой для Кыргызстана с позиции противодействия легализации преступных доходов является коррупция, уровень которой достаточно высок.

"Согласно результатам исследования "Индекс восприятия коррупции", проведенного международной неправительственной организацией "Transparency International", по итогам 2012 года Кыргызская Республика занимала 154 место. В дальнейшем за 8 лет страна улучшила свои показатели на 30 позиций, заняв 124 место и набрав 31 балл из 100 возможных. Коррупционные риски и схемы подвергаются постоянной трансформации. Появляются новые коррупционные зоны в отдельных органах системы государственного управления"¹⁰, а коррупционные доходы участвуют во многих ключевых угрозах легализации преступных доходов.

В результате Национальной оценки рисков финансирования террористической деятельности и легализации (отмыванию) преступных доходов, проведенных Службой финансовой разведки во взаимодействии с рабочей группой из представителей субъектов национальной системы ПФТД/ЛПД (со стороны компетентных государственных органов и частного сектора) выделены три основные группы высокого, среднего и низкого уровня рисков.

Если средний и низкий группы не могут вызывать у государства серьезных опасений, то высокий уровень угрозы диктует проявления повышенного внимания со стороны государства, государственных и правоохранительных органов, находится под пристальным их вниманием и требует тщательной проработки и анализа рисков, с целью срочного принятия мер по их устранению.

К такой высокой группе в основном подпадают риски легализации преступных доходов, в частности использование номинальных/подконтрольных компаний или индивидуальных предпринимателей для обналичивания денег, т.е. используются "фирмы-однодневки" и другие имитирующие легальную деятельность субъекты, и через них обналичивают денежные средства с расчетного счета, полученные по переводам из-за рубежа. В схемах отмывания денег такие "фирмы-однодневки" используются в основном в качестве контрагентов по таким операциям, которые связаны с оплатой импорта товара (оказанием услуг). При совершении таких операций встречаются случаи, когда товар либо не поставляется вовсе (услуга не оказывается), либо поставки идет в меньшем объеме или поставляются совсем другие товары. При этом для обналичивания денег используются фиктивные взаиморасчеты с действующими предприятиями, а после деньги перечисляются подставным компаниям и там обналичиваются.

Предикатами для таких преступлений являются уклонение от уплаты налогов и других установленных законодательством видов обязательных платежей.

Для предотвращения риска использования номинальных / подконтрольных компаний или индивидуальных предпринимателей для обналичивания денег в схемах легализации преступных доходов необходимо со стороны государства и государственных уполномоченных органов осуществление комплекса мер, направленных на устранение номинальных юридических лиц, разрабатывать и внедрять механизмы направленные на препятствование регистрации таких

⁹ Отчет о результатах Национальной оценки рисков финансирования террористической деятельности и легализации (отмывания) преступных доходов // <https://fiu.gov.kg/uploads/67af2d1ea573c.pdf>

¹⁰ Указ Президента Кыргызской Республики от 20 декабря 2021 года №570 "Концепция национальной безопасности Кыргызской Республики" // <https://cbd.minjust.gov.kg/430815/edition/1118046/ru>

"фирм-однодневок" и использования индивидуальных предпринимателей для обналичивания денег, в том числе на законодательном уровне.

Использование номинальных/подконтрольных компаний или индивидуальных предпринимателей для «транзитных» операций по банковским счетам – здесь предикатом выступает, наряду с вышеуказанными налогами и другими обязательными платежами, уклонение от уплаты таможенных платежей.

«Транзит» - получение значительных объемов переводов на счета компании от большого числа лиц, в том числе пополнение банковских счетов наличными с последующим оперативным их списанием в адрес третьих лиц, в том числе с минимальной налоговой нагрузкой (или вовсе без уплаты налогов). Такие операции могут повторяться многократно"¹¹.

Финансовые ресурсы в целях легализации преступных доходов для совершения транзитных операций, получают в основном от экономических преступлений. И здесь также используются как счета юридических лиц, имеющих признаки фиктивности, так и счета индивидуальных предпринимателей. Следует отметить, что счета индивидуальных предпринимателей используются в основном для совершения разовых "транзитных" операций. Но, вместе с тем, их счета используются в схемах «покупки» товаров и услуг по договорам, имеющим признаки фиктивности, по договорам оказания услуг (консалтинг) и кредитным договорам, а также пополнения банковских счетов наличными с последующим оперативным переводом в зарубежные финансовые учреждения.

Несмотря на то, что этому риску присвоен высокий уровень, его использование локальными организованными преступными группами не обнаружено. Однако со стороны государства также необходимо разработка комплекса превентивных мер направленных на недопущение совершения таких преступлений в будущем.

Относительно такого риска как использование схем (в т.ч. фиктивных) приобретения /реализации недвижимого и движимого имущества на территории/за пределами государства предикатом помимо уклонения от уплаты налогов и других обязательных платежей выступают коррупционные преступления и организованная преступность. Как отмечено в отчете о результатах Национальной оценки рисков "преступные денежные средства трансформируются в движимое/недвижимое имущество на территории/за пределами государства. Недвижимое имущество может приобретаться, в т. ч. путем его строительства подрядным способом с дроблением сумм подряда, приобретением земельных участков, приобретением квартир или коммерческих помещений на стадии котлована. Зачастую имущество оформляется на сторонних лиц (родственников), либо его приобретение осуществляется в юрисдикциях, получение информации из которых при проведении проверки существенно затруднено либо невозможно"¹²

К риску использования офшорных компаний добавляется такой предикат, как мошенничество.

Что касается рисков финансирования террористической деятельности, то здесь ситуация складывается более благополучно, национальной оценкой рисков выделены средний и низкий уровни. К среднему уровню подпадают: самофинансирование; частные пожертвования; сбор через социальные сети и мессенджеры, а к низкому: незаконное использование НКО; доходы от преступной деятельности; использование альтернативных систем денежных переводов по типу «Хавала».

Конечно же все рассмотренные выше группы рисков не являются исчерпывающими, но они все должны находиться под пристальным вниманием государства. Необходимо понимать, что лица, которые совершают предикатные преступления, постоянно совершенствуют схемы и механизмы отмыкания преступных доходов. Проведение национальной оценки рисков во

¹¹ Отчет о результатах Национальной оценки рисков финансирования террористической деятельности и легализации (отмыкания) преступных доходов. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://fiu.gov.kg/uploads/67af2d1ea573c.pdf>

¹² Отчет о результатах Национальной оценки рисков финансирования террористической деятельности и легализации (отмыкания) преступных доходов. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://fiu.gov.kg/uploads/67af2d1ea573c.pdf>

многим способствует выявлению новых видов схем и типологий отмывания преступных доходов и активизации работы соответствующих государственных органов составляющих национальную систему ПФТД/ЛПД на которые нужно своевременно реагировать.

Заключение

Проведенный анализ показал, что система ПОД/ФТ Кыргызской Республики сталкивается с рядом серьезных проблем, связанных с теневой экономикой, денежными переводами и коррупционными практиками. Национальная оценка рисков подтвердила необходимость применения риск-ориентированного подхода и межведомственного взаимодействия.

Эффективное противодействие возможно только при сочетании национальных усилий и международного сотрудничества, основанного на стандартах FATF и практике ЕАГ. В этой связи дальнейшее совершенствование стратегии ПОД/ФТ в Республике Кыргызстан представляется первостепенным условием обеспечения экономической и финансовой безопасности государства.

Список использованной литературы:

1 Raimbekova A., Dalelkhan A., Sheryazdanova K., Utarbayev A. *International Cooperation in Combating Money Laundering and Terrorist Financing: A Central Asian Perspective. Security and Human Rights Monitor.* - 11 anp. 2025. DOI: 10.58866/ROBT7027

2 Khamzaev D. *Regionalisation of International Initiatives: Case Study of the Eurasian Group on Combating Money Laundering and Financing of Terrorism (EAG).* В книге *The Political Economy of Central Asian Law*. Cham: Palgrave Macmillan, 2024. [The electron. resource]. – 2024. – URL: <https://portal.research.lu.se/en/publications/regionalisation-of-international-initiatives-case-study-of-the-eu/fingerprints/>

3 D. Sarbagishev & Mergen Dyussenov. *From Dusk to Dawn: Analysis of Anti-Money Laundering and Financing of Terrorism (AML/CFT) through policymaking stages in Kazakhstan and Kyrgyz Republic.* *Journal of Contemporary Governance & Public Policy.* 2020. № 1(2). [The electron. resource]. – 2020. – URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/0ec0/fcea09f94efd5e945fe55661a7b2480d15ba.pdf>

4 Niyatullayev, N. and Almond, P. (2014) *Money laundering and the shadow economy in Kazakhstan.* *Journal of Money Laundering Control*, 17 (2). pp. 128-140. ISSN 1368-5201 doi: 10.1108/JMLC-05-2013-0015 [The electron. resource]. – 2014. – URL: <https://centaur.reading.ac.uk/37966/>

5 Thakur S.Y. et al. *The impact of anti-money laundering measures on remittance costs and AML Index moderated by technological readiness.* *Nature Scientific Reports* (или аналогичный журнал), 2025. [The electron. resource]. – 2025. – URL: https://www.researchgate.net/publication/392132611_The_impact_of_anti-money_laundering_measures_on_remittance_costs_moderating_role_of_frontier_technology

6 Сорокин А.И. Регулирование противодействия легализации денежных средств и иного имущества в международно-правовом аспекте // *Правопорядок: история, теория, практика.* - 2019. -№3 (22). [Электрон. ресурс]. – 2019. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regulirovanie-protivodeystviya-legalizatsii-denezhnyh-sredstv-i-inogo-imuschestva-v-mezhdunarodno-pravovom-aspekte>

7 Goldbarsht D., & Sheedy E. (2024). *Money laundering and the risk in the risk-based approach: the Australian context.* *Monash University Law Review*, 50(1), 31-60. [The electron. resource]. – 2022. – URL: <https://doi.org/10.26180/26520364>

8 Дүйсенбекова А.А. Тенденции развития борьбы с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем в республике казахстан // *Science Time.* 2019. №2 (62). [Электрон. ресурс]. – 2019. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-borby-s-legalizatsiey-otmyvaniem-dohodov-poluchennyh-prestupnym-putem-v-respublike-kazahstan>

9 Тайторина Б.А., Бейбитов М.С. Борьба с религиозным терроризмом: вопросы правового обеспечения // Вестник КазНПУ имени Абая. Серия: Юриспруденция. – 2023. – № 2(72). – С. 79-89.

10 Анарбаев Г.С. Оценка рисков финансирования террористической деятельности и легализации (отмывания) преступных доходов – приоритетное мероприятие для Кыргызской Республики. [Электрон. ресурс]. – 2019. – URL: <https://fiu.gov.kg/news/756?language=ru>

References:

1 Raimbekova A., Dalelkhan A., Sheryazdanova K., Utarbayev A. *International Cooperation in Combating Money Laundering and Terrorist Financing: A Central Asian Perspective*. Security and Human Rights Monitor. — 11 apr. 2025. DOI: 10.58866/ROBT7027

2 Khamzaev D. *Regionalisation of International Initiatives: Case Study of the Eurasian Group on Combating Money Laundering and Financing of Terrorism (EAG)*. V knige *The Political Economy of Central Asian Law*. Cham: Palgrave Macmillan, 2024. [The electron. resource]. – 2024. – URL: <https://portal.research.lu.se/en/publications/regionalisation-of-international-initiatives-case-study-of-the-eu/fingerprints/>

3 D. Sarbagishev & Mergen Dyussenov. *From Dusk to Dawn: Analysis of Anti-Money Laundering and Financing of Terrorism (AML/CFT) through policymaking stages in Kazakhstan and Kyrgyz Republic*. *Journal of Contemporary Governance & Public Policy*. 2020. № 1(2). [The electron. resource]. – 2020. – URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/0ec0/fcea09f94efd5e945fe55661a7b2480d15ba.pdf>

4 Niyatullayev, N. and Almond, P. (2014) *Money laundering and the shadow economy in Kazakhstan*. *Journal of Money Laundering Control*, 17 (2). pp. 128-140. ISSN 1368-5201 doi: 10.1108/JMLC-05-2013-0015 [The electron. resource]. – 2014. – URL: <https://centaur.reading.ac.uk/37966/>

5 Thakur S.Y. et al. *The impact of anti-money laundering measures on remittance costs and AML Index moderated by technological readiness*. *Nature Scientific Reports (ili analogichnyj zhurnal)*, 2025. [The electron. resource]. – 2025. – URL: https://www.researchgate.net/publication/392132611_The_impact_of_anti-money_laundrying_measures_on_remittance_costs_moderating_role_of_frontier_technology

6 Sorokin A.I. *Regulirovanie protivodejstviya legalizacii denezhnyh sredstv i inogo imushhestva v mezhdunarodno-pravovom aspekte* // *Pravoporjadok: istorija, teorija, praktika*. 2019. №3 (22). [Jelektron. resurs]. – 2019. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regulirovanie-protivodeystviya-legalizatsii-denezhnyh-sredstv-i-inogo-imuschestva-v-mezhdunarodno-pravovom-aspekte>

7 Goldbarsht D., & Sheedy E. (2024). *Money laundering and the risk in the risk-based approach: the Australian context*. *Monash University Law Review*, 50(1), 31-60. [The electron. resource]. – 2022. – URL: <https://doi.org/10.26180/26520364>

8 Dujsenbekova A.A. *Tendencii razvitiya bor'by s legalizaciej (otmyvaniem) dohodov, poluchennyh prestupnym putem v respublike kazakhstan* // *Science Time*. 2019. №2 (62). [Jelektron. resurs]. – 2019. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-borby-s-legalizatsiey-otmyvaniem-dohodov-poluchennyh-prestupnym-putem-v-respublike-kazahstan>

9 Tajtorina B.A., Bejbitov M.S. *Bor'ba s religioznym terrorizmom: voprosy pravovogo obespechenija* // *Vestnik KazNPU imeni Abaja*. Serija: Jurisprudencija. – 2023. – № 2(72). – С. 79-89.

10 Anarbaev G.S. *Ocenka riskov finansirovaniya terroristicheskoj dejatel'nosti i legalizacii (otmyvanija) prestupnyh dohodov – prioritnoe meroprijatie dlja Kyrgyzskoj Respubliki*. [Jelektron. resurs]. – 2019. – URL: <https://fiu.gov.kg/news/756?language=ru>

МРНТИ 14.01.11
УДК: 37.013.42

10.51889/2959-6181.2025.81.3.010

Хведелидзе Т.Б.¹ , Сайлибаева Ж.Ю.^{*1} , Рахимова Г.Н.¹

¹ *Казахский национальный педагогический университет имени Абая*
(e-mail: khvedelidze_tima@mail.ru, *zh.sailibaeva@abaiuniversity.edu.kz, gakku_almatycity@mail.ru)

СУБЪЕКТЫ БУЛЛИНГА И ПРАВО: ВОЗРАСТНОЙ ФАКТОР В МИРОВОЙ ПРАКТИКЕ

Аннотация

Буллинг (травля, преследование), являясь социальным явлением, приводит к таким негативным последствиям, которые несут в себе разрушительную силу социального значения. Острота проблем противодействия этому явлению обусловлена особенностями субъектов, на которых направлена травля, - несовершеннолетних, которых принято именовать термином «жертва», и на тех, кто реализует буллинг, - несовершеннолетних, которых принято именовать термином «буллер». Правовая сущность термина «несовершеннолетний» различается в зависимости от особенностей традиций, культуры, истории каждой страны, применяющей в правовом обороте понятия: буллинг, травля, преследование, жертва, буллер, субъект. Проведение субъектного анализа в возрастном аспекте имеет важное значение с точки зрения установления комплекса признаков, при наличии которых появляется возможность с минимальными отклонениями определить правовой статус лиц, подвергаемых буллингу и осуществляющих этот вид травли. Знание правового статуса жертвы травли и буллера – ключ к выбору способов его защиты и применения эффективных мер профилактики развития буллингового поведения и наступления необратимых последствий. Исследование вопроса в контексте мировой правовой практики позволит выработать рекомендации по усовершенствованию отраслевого законодательства Казахстана.

Ключевые слова: буллинг, травля, преследование, жертва, буллер, агрессор, несовершеннолетний.

Т.Б. Хведелидзе¹, Ж.Ю. Сайлибаева¹, Г.Н. Рахимова¹

¹ *Абай атындағы Қазақ Ұлттық педагогикалық университеті*

БУЛЛИНГ СУБЪЕКТІЛЕРІ ЖӘНЕ ҚҰҚЫҚ: ӘЛЕМДІК ТӘЖІРИБЕДЕГІ ЖАС ФАКТОРЫ

Аңдатпа

Буллинг (қорлау, қудалау) әлеуметтік құбылыс ретінде қоғамдық қатынастарға елеулі зиян келтіретін салдарға әкелуі мүмкін. Аталған құбылыстың өзектілігі, ең алдымен, оның бағытталу объектілерінің ерекшелігімен айқындалады – буллинге ұшырайтын кәмелетке толмаған тұлғалар «құрбан» ретінде, ал оны жүзеге асыратындар «буллер» ретінде сипатталады. «Кәмелетке толмаған» ұғымының құқықтық мәні әрбір мемлекеттің тарихи, мәдени және құқықтық дәстүрлеріне байланысты әртүрлі түсіндіріледі. Сондықтан да буллинг, қорлау, қудалау, құрбан, буллер, субъект секілді ұғымдарды құқықтық айналымда қолдану ерекшеліктерін ескеру қажет. Жас ерекшелігіне байланысты субъектілік талдау жүргізу — буллинг субъектілерінің құқықтық мәртебесін дәл анықтауға мүмкіндік беретін маңызды фактор. Құрбан мен буллердің құқықтық мәртебесін білу – оларды құқықтық қорғау тетіктерін таңдауда және буллингтің алдын алу шараларын әзірлеуде маңызды алғышарт болып табылады. Зерттеудің халықаралық құқықтық тәжірибе аясында жүргізілуі Қазақстан Республикасының салалық заңнамасын жетілдіруге бағытталған ғылыми-тәжірибелік ұсынымдар әзірлеуге мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: буллинг, қорлау, қудалау, құрбан, буллер, агрессор, кәмелетке толмаған.

Khvedelidze T.¹, Sailibayeva Zh¹., Rakhimova G.¹
¹Abai Kazakh National Pedagogical University

BULLYING SUBJECTS AND THE LAW: THE AGE FACTOR IN WORLD PRACTICE

Abstract

Bullying (harassment, persecution), as a social phenomenon, leads to negative consequences with a destructive impact of significant social importance. The urgency of addressing this issue is primarily determined by the specific characteristics of the individuals involved: minors who are targeted by bullying—commonly referred to as "victims," and minors who perpetrate bullying—commonly referred to as "bullies." The legal definition of the term "minor" varies depending on the traditions, culture, and historical context of each country that uses legal terms such as bullying, harassment, persecution, victim, bully, and subject. Conducting a subject-based analysis with an emphasis on age-related aspects is essential for identifying a set of characteristics that enable the legal status of individuals involved in bullying—both victims and perpetrators—to be defined with minimal ambiguity. Understanding the legal status of both the victim and the bully is key to selecting appropriate protection mechanisms and implementing effective measures to prevent the development of bullying behavior and its potentially irreversible consequences. Studying this issue within the framework of international legal practice will allow for the development of recommendations aimed at improving the sectoral legislation of Kazakhstan.

Key words: bullying, harassment, persecution, victim, bully, aggressor, underage.

Введение

В ежегодном послании Главы государства К.-Ж. К.Токаева народу Казахстана «Справедливый Казахстан: закон и порядок, экономический рост, общественный оптимизм» от 2 сентября 2024 года в качестве Девятого направления работы на предстоящий период признается «всемерное утверждение в обществе идеологии закона и порядка» [1]. Президент страны в данном направлении усматривает перспективы развития законодательства по вопросам защиты несовершеннолетних от посягательств на их права, свободы и законные интересы, а также обращает внимание на такой аспект, как разработка нового Закона Республики Казахстан «О профилактике правонарушений». Есть основания полагать, что проектируемый закон направлен на регулирование предупреждения правонарушений как самих несовершеннолетних, так и деяний, направленных против прав и свобод несовершеннолетних.

Имеет большое социальное значение акцент Президента страны на таком аспекте, как обеспечение безопасности субъектов отношений, в числе которых особое место занимают несовершеннолетние. Безопасность граждан признается фундаментальной ценностью каждого человека и общества в целом. Актуально звучит призыв: «избавляться от разрушительных моделей поведения». К одному из самых разрушительных моделей поведения мировое сообщество признает буллинг среди несовершеннолетних. В основе буллинга усматривается дискриминация. Применительно к настоящему работе тематика исследования актуализируется в свете тезиса Президента Республики Казахстан о том, что в нашей стране нет и не может быть никаких притеснений по какому-либо признаку, будь то языковому, профессиональному, этническому или социальному.

Изложенное является основой изучения возрастных особенностей личности несовершеннолетнего, включенного в орбиту буллингового поведения в качестве жертвы или непосредственно осуществляющего притеснение/травлю - «буллера», «агрессора». Институтами, обеспечивающими возрастной подход, являются институты правоспособности и дееспособности, а также уголовной ответственности.

Институт правоспособности лица – один из важнейших в системе права в целом, в цивилистике – в частности. В контексте настоящего исследования основные участники

представлены физическими лицами, а именно: несовершеннолетними, (юридические лица не включены в круг изучаемых субъектов). Названные правовые институты имманентно связаны между собой, но не заменяют друг друга. Правоспособность в самом общем виде означает способность лица быть носителем субъективных прав и юридических обязанностей. Правоспособность физического лица имеет определенные временные рамки: она возникает в момент рождения человека и прекращается с момента наступления его смерти.

Признаками института правоспособности являются:

1) распространение на обладателей правоспособности принципа равенства.

Это означает, что все граждане этой страны обладают одинаковым объемом правоспособности;

2) неотъемлемость правоспособности – фундаментальное и естественное свойство личности, которое не может быть отнято у человека по чьей-либо воле либо приобретено кем-либо в результате тех или иных действий;

3) свойство потенциальности – то есть правоспособность понимается только как потенциальная возможность, а не фактическая реализация прав. Фактическая реализация может быть осуществлена только через его дееспособность, что не входит в предмет настоящего исследования.

В разных странах возраст, в пределах которого лицо считается несовершеннолетним, определяется неоднозначно.

В данной работе решены следующие задачи:

1. Понятие «ребенок»: возрастная интерпретация;
2. Жертва буллинга, буллер: общее понятие.

Материалы и методы

В процессе исследования применены традиционные для теории методы: статистический, контент анализ, логико-правовой анализ, компаративный подход, доктринальное и аутентичное толкование норм права по кругу исследуемых проблем. Кроме того, имеют место методы, применяемые в решении задач научно-прикладного характера. Общей методологией выступает диалектико-материалистический подход к процессу исследования и оценке полученных результатов.

В качестве материалов использованы современные научные исследования [2-7], статистические данные, нарративные источники и тексты нормативных правовых актов, имеющих отношение к тематике настоящего исследования.

Результаты и обсуждение

1. Понятие «ребенок»: возрастная интерпретация

Понятие «ребенок» основано на дефинициях, закрепленных в источниках международного права. Так, в соответствии со ст. 1 Конвенции о правах ребенка (1989 г.) (далее – Конвенция): ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее¹. В контексте пункта 2 ст. 24 о праве ребенка на пользование услугами системы здравоохранения применяются термины «младенец», «дети» и «детство». Термин «дети» имеет более широкое поле применения в пределах иных статей Конвенции и может толковаться как обобщенное именование лиц, не достигших совершеннолетия. Термин «детство» как производное от «дети» лингвистически толкуется как «детский возраст, детские годы» [8, с. 158]. В Конвенции отсутствуют пояснения относительно различий между терминами «ребенок» и «младенец». При этом их применение свидетельствует о том, что соответствующие смысловые различия

¹ Конвенция о правах ребенка. – Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 года. [//un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml](https://un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml) (дата обращения: 07.09.2025.).

существуют. Эти различия могут иметь правовое значение при определении статуса младенца и иных градаций по возрастному признаку понятия «ребенок». С лингвистической точки зрения «младенец» - дитя, ребенок [8, с. 346]. Очевидно, что младенец – это понятие видовое по отношению к понятию «ребенок», которое является родовым. Иными словами, «ребенок» более широкое, обобщающее понятие, которое включает в себя частное, видовое понятие, - «младенец». Каждый младенец – это ребенок, обладающий отличительными признаками в перечне несовершеннолетних субъектов, дифференцированных по возрастным признакам.

В своих исследованиях Т.Н. Балашова несовершеннолетних подразделяет по возрастному признаку на две группы:

- первая группа – малолетние – несовершеннолетние в возрасте от рождения до 10 лет;
- вторая группа – подростки – несовершеннолетние в возрасте от 10 до 14 лет [9].

Несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет Т.Н.Балашова не рассматривает. Она делает вывод о том, что определение, размещенное в Конвенции, является универсальным. Внутренняя градация - сфера регулирования нормами национального права. Мнение данного автора в этой части заслуживает внимания и проявления солидарности.

В литературе отражены и иные подходы к вопросам внутренней градации по возрастному признаку несовершеннолетних. Так, О.В. Садина предпринимала попытку обосновать целесообразность выделения возрастной группы «подросток», к которой относятся несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет [10]. По исследованиям А.П. Солдатова к малолетним должны относиться лица в возрасте от рождения до 14 лет [11].

«Несовершеннолетний» - официально признанный правовой термин. Его возрастные границы определены Конвенцией. Возраст, по достижении которого лицо приобретает статус совершеннолетнего, в большинстве стран мира совпадает с определением Конвенции - достижением лицом 18 лет. Однако это не означает, что это жесткая правовая установка. По данным ВОЗ на 2012 год, возраст, с которого лицо может привлекаться к уголовной ответственности, в разных странах имеет свои особенности [12]. Однако этот возрастной критерий не всегда совпадает с возрастом, с которого лицо относится к категории «молодежь». Эти особенности в целях большей иллюстративности показаны в приведенной ниже таблице (табл. 1):

Таблица 1.

**Возрастные градации несовершеннолетних и молодежи:
мировая практика**

Страны	Возраст несовершеннолетия (дети)	Возраст малолетних	Подростковый возраст	Уголов.ответ-сть (общий возраст/минимальный возраст)	Молодежный возраст
Австрия				18/14	18-30
Аргентина	0-17				
Бельгия				18/16	12-30
Болгария				17/14	15-29
Бразилия	0-18	0-12	12-18	18/18	18-29
Великобритания: -Англия -Сев.Ирландия -Шотландия -Уэльс				17/10 17/10 17/12 17/10	13-24 4-25 11-25 11-25
Венгрия				18/14	15-25
Германия	0-18	0-15	15-18	18/14	15-27
Дания				18/15	15-30
Индия	0-18	0-13	13-18	18/16	15-29
Испания				18/14	14-30
Италия				18/14	14-35
Казахстан	0-18	0-12		18/14	14-23

Канада	0-19	0-14	14-19	18/12	15-29
Кипр				18/14	14-35
Колумбия	0-18	0-13	13-18	16-18	14-28
Латвия				18/14	13-25
Литва				18/16	14-29
Люксембург				18/18	12-30
Нидерланды				18/12	0-25
Польша	0-18	0-13	15-18	18/17	13-30
Португалия				18/16	12-29
Румыния				18/14	15-24
Словакия				18/14	18-25
Словения				18/14	15-29
США	0-21	0-14	14-18 18-21 (полное соверш-тие)	18/11(в отдельных штатах -18/8-16	18-24
Финляндия				18/15	15-30
Франция	0-21	0-13	13-16(младшие) 16-18(старшие) 18-21 (полное соверш-тие)	18/13	15-29
Хорватия				18/14	15-30
Чехия				16/14	13-30
Чили	0-16		16-18	16/16	
Швеция				18/15	13-25
Эстония				18/14	7-26
Япония	0-18			18/14	

По уголовному законодательству большинства стран мира установлен 18-летний общий возраст, с которого лицо несет уголовную ответственность. Исключение составляет, например, Великобритания, в границах которой (Англия, Северная Ирландия, Шотландия, Уэльс) общий возраст уголовной ответственности установлен ниже 18 лет, а именно – достижение лицом 17 лет. Соответственно и минимальный возраст – от 10 до 12 лет. Наряду с этим, по преступлениям, представляющим повышенную общественную опасность (особо тяжкие преступления), установлены минимальные возрастные показатели, влекущие уголовную ответственность. Минимальный возраст варьируется в диапазоне от 10 до 17 лет. При этом минимальный возраст молодежи варьируется в диапазоне от рождения до 18 лет.

Неоднородный подход наблюдается в определении разными странами молодежного возраста. Это период между наступлением совершеннолетия до среднего возраста. Молодежный возраст варьируется в диапазоне от 0 до 35 лет. В отдельных странах молодежный возраст определяется различно в зависимости от социальных факторов. Например, в Германии для безработных возраст молодежи установлен от 15-24 года, для иностранцев, родившихся в Германии, - 15-27 лет. Еще более сложная система наблюдается в США: молодежь раннего подросткового возраста – 10-12 лет; старшего подросткового возраста в разных штатах – 12-20 лет или 20-25 лет (в таблице приведены усредненные данные). В Нидерландах к молодежи относятся лица от рождения до 25 лет.

Установление возрастных показателей имеет значение для правильной правовой оценки и квалификации действий буллеров и решения главного вопроса – о наличии или отсутствии оснований для привлечения буллера к уголовной ответственности. Неопределенность рамок молодежного возраста усложняет профилактику буллинга в отношении несовершеннолетних со стороны лиц, относимых к молодежи.

Минимальный возраст, с которого несовершеннолетний буллер может нести уголовную ответственность, не всегда совпадает с минимальным возрастом, с которого начинается отсчет молодежного возраста лица. Это важное обстоятельство, которое авторы настоящей работы связывают с тем, что молодежный возраст понимается как граница между подростковыми

этапами, когда лицо достигает минимального возраста, с которого может отвечать за свои действия в уголовном порядке.

Возрастная градация в пределах возраста от рождения до совершеннолетия различается в зависимости от традиционных и историко-культурных особенностей народов и этносов, населяющих территории разных стран. Понятия «юношество», «девичество», «отрочество», за редким исключением, не обладают признаками четкой юридической нагрузки. Такие понятия не во всех случаях могут быть применимы в праве на том основании, что содержат в себе разного рода отклонения и не имеют четко выраженных возрастных границ. Они могут отражать местнические, областнические, этнические и иные представления о возрасте человека. Эти представления менее всего связаны с календарным возрастом. Это возрасты состояния индивида, степени его зрелости в интеллектуальном, нравственном, физическом, психологическом, сексуальном и иных аспектах. Эти возрасты наступают у разных индивидов в разные календарные сроки. Так, «юношество» определяется как синоним к слову «молодежь». «Юношество» - понятие собирательное. «Отрочество» - переходный возраст между детством и юностью, подростковый возраст. При этом к детству относится возраст от рождения до совершеннолетия. Очевидно, что приведенные определения не обладают какой-либо точностью, требуемой для применения в юридических целях.

Наряду с изложенным, более четкое обозначение возрастных критериев понятия «юношество» дано в Законе РК «О детских деревнях семейного типа и домах юношества» от 13 декабря 2000 года (№ 113-ІІ). В соответствии со ст. 24 указанного Закона, в доме юношества проходят адаптацию лица в возрасте от 16 до 23 лет². Такой подход наблюдается в приказе Министра образования и науки «Об утверждении Типовых правил о доме юношества» от 17 марта 2022 года № 101. В данном акте указывается, что зачисление в дом юношества осуществляется в отношении лиц в возрасте от 16 до 23 лет (п. 9)³.

2. Жертва буллинга, буллер: общее понятие

Для характеристики жертвы буллинга среди несовершеннолетних имеют значение следующие признаки:

- возраст: а) школьный - от 6 до 18 лет; б) несовершеннолетие – от рождения до 18 лет;
- физический уровень развития: слабый, субтильный, маломощный, не занимается спортом, малорослый;
- состояние здоровья: хронически больной, инвалид, близорукий, леворукий, пользуется костылями, прикован к инвалидной коляске, косоглазие;
- состояние речевого аппарата: заикание, картавость, шепелявость, национальный акцент, торопливость и невнятность речи;
- социальный статус родителей: алкоголизм, наличие судимости, неполная семья, низкий финансово-материальный уровень;
- внешний вид: неопрятный, неухоженный, дешевая и изношенная одежда и обувь, старые аксессуары (рюкзак, спортивная форма, школьные принадлежности);
- уровень успеваемости: ниже среднего.

Эти признаки не проявляются все и одновременно у жертвы. Для агрессии буллера достаточно одного признака в качестве повода для травли. Практика показывает, что для проявления агрессии буллерами используются поводы противоположного характера: высокий уровень школьных знаний жертвы, его послушное поведение, внешняя привлекательность и аккуратность, исполнительность, повышенное внимание к нему со стороны школьников противоположного пола, обладание особыми способностями, наклонностями и талантами (музыкальными, художественными, математическими).

²О детских деревнях семейного типа и домах юношества. – Закон Республики Казахстан от 13.12.2000. № 113-ІІ. [//online.zakon.kz/Document/?doc_id=34361981](https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34361981) (дата обращения: 08.09.2025.).

³ Типовые правила о доме юношества. – Утверждены приказом Министра образования и науки Республики Казахстан от 17.03.2022. № 101. [//adilet.zan.kz/rus/docs/V2200027180](https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2200027180) (дата обращения: 08.09.2025.).

Элементами характеристики буллера/агрессора признаются:

- достижение минимального возраста, с которого наступает уголовная ответственность для данного вида правонарушения, включаемого в содержание буллинга;
- превосходство буллера в физической силе;
- высокий уровень материально-финансовой обеспеченности;
- социальный статус родителей: высокопоставленные чиновники, успешные бизнесмены, криминальные авторитеты;
- самоуверенность, высокая самооценка;
- игра на публику, демонстративное поведение вседозволенности;
- неформальное лидерство, позерство;
- психологическая неуравновешенность;
- способность проявлять неуважительность, грубость и хамство по отношению к любому, кто выразит несогласие с ним или попытается противостоять ему;
- лживость, трусливость, двуличие;
- мстительность, жестокость, злобность.

Существует одно важное условие: буллер, как правило, должен быть физически сильнее жертвы. Это одно из доказательств, которое может быть применено при оценке деяния нормами уголовного закона с учетом наступления у буллера возраста уголовной ответственности. Кроме того, важно установление состояния здоровья и возраста жертвы, которое может граничить с признаками его беспомощности ввиду малолетства или наличия инвалидности.

Комплекс отдельных признаков, присущих буллеру, может свидетельствовать о присутствии психических отклонений. При выявлении таких отклонений правовая оценка поведения буллера потребует постановки психиатрического диагноза с соответствующими последствиями как медицинского, так и правового характера.

Заключение

1. Возрастной критерий при исследовании проблем противодействия буллингу в среде несовершеннолетних имеет большое значение. Возраст, с которого лицо может привлекаться к уголовной ответственности за совершение действий, включаемых в содержание буллинга, в разных странах интерпретируется различно. Эти различия обусловлены особенностями культурно-исторического развития страны, традициями и обычаями, системой национального права, а также влиянием международных правовых актов по вопросам защиты детей от дискриминации по любым основаниям.

2. Предлагается признать минимальный возраст, с которого наступает уголовная ответственность за преступления, - минимальный возраст, с которого лицо относится к категории молодежи. Главное условие – минимальный молодежный возраст должен наступить до достижения лицом совершеннолетия. Совпадение этих двух возрастных показателей является оптимальным. Лица из категории «молодежь» уже обладают определенной социальной зрелостью. Они уже понимают сущность буллинга и его социальной негативной оценки. Однако, анализ мировой практики показывает, что существуют большие расхождения в установлении возрастных критериев в понятиях «юношество», «подросток», «несовершеннолетний», «малолетний», «минимальный возраст наступления уголовной ответственности», «молодежь».

3. Признаки, характерные для оценки состояния, поведения буллера и жертвы, имеют значение при решении вопросов о юридической ответственности лиц, совершивших правонарушения, охватываемые понятием «буллинг».

Вклад авторов

Хведелидзе Т.Б. разработал общий дизайн исследования, подготовил разделы «Результаты и обсуждение», «Введение» и «Заключение».

Сайлибаева Ж.Ю. осуществила обзор научной литературы, раздел «Материалы и методы».

Рахимова Г.Н. подготовила аннотацию, оформила библиографический список, транслитерацию.

Благодарности

Данное исследование финансируется Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (ИРН AP26199143).

Список использованной литературы:

- 1 Токаев К.-Ж. К. Справедливый Казахстан: закон и порядок, экономический рост, общественный оптимизм. – Ежегодное послание Главы государства народу Казахстана – от 2 сентября 2024 года. //Казахстанская правда. – 2024. – 03.09.
- 2 El Asam A., Samara M. Cyberbullying and the Law: A Review of Psychological and Legal Challenges // Computers in Human Behavior. — 2016. — 65: 127–141.
- 3 Cornell D., Limber S. Law and Policy on the Concept of Bullying at School // American Psychologist. — 2015. — 70(4): 333–343.
- 4 Hall W. The Effectiveness of Policy Interventions for School Bullying // BMC Public Health. — 2017. — 17: 806.
- 5 Gaffney H, Tiofi MM, Farrington DP. Effectiveness of school-based programs to reduce bullying perpetration and victimization: An updated systematic review and meta-analysis. Campbell Syst Rev. 2021 Apr 5;17(2):e1143. doi: 10.1002/cl2.1143. PMID: 37131921; PMCID: PMC8356322.
- 6 Neubauer, A.; Gonzalez-Garcia, A. The European Union's Response to Bullying and Cyberbullying: An Educational Policy Analysis. Soc. Sci. 2025, 14, 505. <https://doi.org/10.3390/socsci14080505>
- 7 Калыбаева А.А., Нукушева А.А., Жанибеков А.К. Проблемы правового регулирования субъектного состава бытового насилия // Вестник КазНПУ им. Абая. Серия «Юриспруденция». — 2024. — № 1(75). — С. 74–81.
- 8 Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М.: «Советская Энциклопедия». – 1968. – 900 с.
- 9 Балашова Т.Н. Соотношение понятий «ребенок» и «несовершеннолетний» в законодательстве Российской Федерации. //Закон и право. – 2019. - №11. – С. 32-36. Doi: 10.24411/2073-3313-2019-10493 (дата обращения: 07.09.2025.).
- 10 Садина О.В. Правовой статус несовершеннолетнего в российском законодательстве: теоретико-правовой анализ. /Автореф. дис. ... к.ю.н.: Саранск. – 2010. – 205 с.
- 11 Солдатов А.П. Гарантии и обеспечение прав в границах местного самоуправления. - Славянск-на-Кубани: СГПИ. – 2015. – 387 с.
12. Минимальный возраст наступления уголовной ответственности. Европейский портал здравоохранения // https://gateway.euro.who.int/ru/indicators/cah_20-minimum-age-of-criminal-responsibility/#id=27488 (дата обращения 07.09.2025)

References:

- 1 Tokayev K.-ZH. K. Spravedlivyy Kazakhstan: zakon i poryadok, ekonomicheskiy rost, obshchestvennyy optimizm. – Yezhegodnoye poslaniye Glavy gosudarstva narodu Kazakhstana – ot 2 sentyabrya 2024 goda. //Kazakhstanskaya pravda. – 2024. – 03.09.
- 2 El Asam A., Samara M. Cyberbullying and the Law: A Review of Psychological and Legal Challenges // Computers in Human Behavior. — 2016. — 65: 127–141.
- 3 Cornell D., Limber S. Law and Policy on the Concept of Bullying at School // American Psychologist. — 2015. — 70(4): 333–343.
- 4 Hall W. The Effectiveness of Policy Interventions for School Bullying // BMC Public Health. — 2017. — 17: 806.
- 5 Gaffney H, Tiofi MM, Farrington DP. Effectiveness of school-based programs to reduce bullying perpetration and victimization: An updated systematic review and meta-analysis. Campbell Syst Rev. 2021 Apr 5;17(2):e1143. doi: 10.1002/cl2.1143. PMID: 37131921; PMCID: PMC8356322.

6 Neubauer, A.; Gonzalez-Garcia, A. *The European Union's Response to Bullying and Cyberbullying: An Educational Policy Analysis*. Soc. Sci. 2025, 14, 505. <https://doi.org/10.3390/socsci14080505>

7 Kalybayeva A.A., Nukusheva A.A., Zhanibekov A.K. *Problemy pravovogo regulirovaniya sub'yektnogo sostava bytovogo nasiliya* // *Vestnik KazNPU im. Abaya. Seriya «Yurisprudentsiya»*. — 2024. — № 1(75). — S. 74–81.

8 Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka*. — M.: «Sovetskaya Entsiklopediya». — 1968. — 900 s.

9 Balashova T.N. *Sootnosheniye ponyatiy «rebenok» i «nesovershennoletniy» v zakonodatel'stve Rossiyskoy Federatsii*. // *Zakon i pravo*. — 2019. - №11. — S. 32-36. Doi: 10.24411/2073-3313-2019-10493 (data obrashcheniya: 07.09.2025.).

10 Sadina O.V. *Pravovoy status nesovershennoletnego v rossiyskom zakonodatel'stve: teoretiko-pravovoy analiz*. /Avtoref. dis. ... k.yu.n.: Saransk. — 2010. — 205 s.

11 Soldatov A.P. *Garantii i obespecheniye prav v granitsakh mestnogo samoupravleniya*. - Slavyansk-na-Kubani: SGPI. — 2015. — 387 s.

12. *Minimal'nyy vozrast nastupleniya ugolovnoy otvetstvennosti*. Yevropeyskiy portal zdavookhraneniya // https://gateway.euro.who.int/ru/indicators/cah_20-minimum-age-of-criminal-responsibility/#id=27488 (data obrashcheniya 07.09.2025)

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТ

Адам Ернар - заң ғылымдарының магистрі, Ташкент мемлекеттік заң университетінің докторлық бағдарламасының дербес ізденушісі, Өзбекстан Республикасы, Ташкент қ., e-mail: ernar.adam75@gmail.com

Байсымакова Дана Сабитқызы – Абай атындағы ҚазҰПУ Тарих және құқық факультеті, «Құқықтану» кафедрасының аға оқытушысы, Алматы қ., Қазақстан Республикасы, e-mail: baisymakovadana@gmail.com

Балғымбекова Гүлнара Үкібайқызы - PhD, "Құқықтық зерттеулер және мемлекеттану" ҒЗИ директоры, академик Е. А. Бөкетов атындағы Қарағанды университетінің конституциялық және халықаралық құқық кафедрасының профессоры, Қарағанды, Қазақстан, e-mail: gbalgimbekova@mail.ru

Бейсенбаева Маншук Токтарбековна - заң ғылымдарының кандидаты, Қазақ ұлттық аграрлық зерттеу университетінің «Құқық» кафедрасының қауымдастырылған профессоры. Алматы қ., Қазақстан Республикасы; e-mail: Manshuk.Beisenbaeva@mail.ru

Богатырева Лидия Башировна- заң ғылымдарының магистрі, С.Д.Асфендияров атындағы Қазақ ұлттық медицина университетінің медициналық құқық кафедрасының меңгерушісі, Алматы, Қазақстан, e-mail: lida110@inbox.ru

Жанұзақова Лейла Тельманқызы - заң ғылымдарының докторы, профессор, «Тұран» университетінің құқық ҒЗИ, ҚР Заңнама және құқықтық ақпарат институтының Конституциялық, әкімшілік заңнама және мемлекеттік басқару бөлімінің МТС директорының орынбасары, Алматы қ., Қазақстан Республикасы, e-mail: zhanleila@mail.ru

Молдахметова Жанар Еспайқызы – Абай атындағы ҚазҰПУ Тарих және құқық факультеті, «Құқықтану» кафедрасының аға оқытушысы, Алматы қ., Қазақстан Республикасы, e-mail: moldaxmetova_Zh@mail

Мұрат Сәуле - заң ғылымдарының магистрі, Балттық Халықаралық академиясының докторанты, Рига, Латвия. e-mail: ms147@mail.ru

Рахимбаев Дидарбек Калибекович - заң ғылымдарының магистрі, №99 жалпы білім беретін мектептің құқықтық пәндер мұғалімі, Қазақстан Республикасы, Алматы қ., e-mail: didarbek1971@bk.ru

Рахимова Гакку Нурлановна - PhD доктор, Абай атындағы ҚазҰПУ, Құқықтану кафедрасының аға оқытушысы e-mail: gakku_almatycity@mail.ru

Сайлибаева Жанель Юрсуновна – Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Тарих және құқық факультеті, Құқықтану кафедрасының қауым. профессоры, з.ғ.к., Алматы қ., Қазақстан, e-mail: zh.sailibaeva@abaiuniversity.edu.kz

Стародубцев Григорий Серафимович - з.ғ.д., профессор, В. М. Лебедев атындағы Ресей мемлекеттік Әділет университеті, e-mail: dexter77@list.ru

Сыдығалиева Айнаш Сағынқызы - заң ғылымдарының кандидаты, Б.Н.Ельцин атындағы Қырғыз-Ресей Славян университетінің доценті, Бішкек қаласы, Қырғыз Республикасы, amina20080768@mail.ru

Хведелидзе Теймураз Борисович - заң ғылымдарының кандидаты, Абай атындағы ҚазҰПУ Тарих және құқық Факультеті Құқықтану кафедрасының қауым. профессоры, Алматы қ., Қазақстан Республикасы, e-mail: khvedelidze_tima@mail.ru

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Адам Ернар - магистр юридических наук, самостоятельный соискатель докторской программы Ташкентского государственного юридического университета, Республика Узбекистан, г.Ташкент, e-mail: ernar.adam75@gmail.com

Байсымакова Дана Сабитовна – старший преподаватель кафедры юриспруденции факультета истории и права КазНПУ имени Абая, г. Алматы, Республика Казахстан, e-mail: baisymakovadana@gmail.com

Балгимбекова Гульнара Укибаевна - PhD, директор НИИ «Правовых исследований и государственного управления», профессор кафедры конституционного и международного права Карагандинского университета имени академика Е.А. Букетова, г. Караганда, Республика Казахстан, e-mail: gbalgimbekova@mail.ru

Бейсенбаева Маншук Токтарбековна - кандидат юридических наук, ассоциированный профессор кафедры Право Казахского Национального аграрного исследовательского университета, г. Алматы, Республика Казахстан, e-mail: Manshuk.Beisenbaeva@mail.ru

Богатырева Лидия Башировна – магистр юридических наук, заведующая кафедрой Медицинского права Казахского национального медицинского университета имени С.Д.Асфендиярова, г. Алматы, Казахстан, e-mail: lida110@inbox.ru

Жанузакова Лейла Тельмановна - доктор юридических наук, профессор, заместитель директора НИИ права университета «Туран», ГНС Отдела конституционного, административного законодательства и государственного управления Института законодательства и правовой информации РК, г. Алматы, Республика Казахстан, e-mail: zhanleila@mail.ru

Молдахметова Жанар Еспаевна – старший преподаватель кафедры юриспруденции факультета истории и права КазНПУ имени Абая, г. Алматы, Республика Казахстан, e-mail: moldaxmetova_Zh@mail.ru

Мурат Сауле - м.ю.н., докторант Балтийской международной академии. г. Рига, Латвия. e-mail: ms147@mail.ru

Рахимбаев Дидарбек Калибекович - магистр юридических наук, учитель дисциплины Основы права общеобразовательной школы №99, Республика Казахстан, г.Алматы, e-mail: didarbek1971@bk.ru

Рахимова Гакку Нурлановна - доктор PhD, старший преподаватель кафедры Юриспруденция КазНПУ им. Абая, e-mail: gakku_almatycity@mail.ru

Сайлибаева Жанель Юрсунвна – к.ю.н., асс.профессор кафедры юриспруденции факультета истории и права КазНПУ имени Абая. г.Алматы,Казахстан. e-mail: zh.sailibaeva@abaiuniversity.edu.kz

Стародубцев Григорий Серафимович - д.ю.н., профессор, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева.те-mail: dexter77@list.ru

Сыдыгалиева Айнаш Сагыновна - кандидат юридических наук, доцент Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н.Ельцина, г. Бишкек, Кыргызская Республика, amina20080768@mail.ru

Хведелидзе Теймураз Борисович – кандидат юридических наук, асс.профессор кафедры юриспруденции Факультета истории и права КазНПУ имени Абая, г. Алматы, Республика Казахстан, e-mail: khvedelidze_tima@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Adam Ernar - Master of Law, Independent Applicant for a Doctoral Program at Tashkent State Law University, Republic of Uzbekistan, Tashkent, e-mail: ernar.adam75@gmail.com.

Baisymakova Dana Sabitovna – Senior lecturer Department of Jurisprudence of the Faculty of History and Law of Abai KazNPU, Almaty, Kazakhstan, e-mail: baisymakovadana@gmail.com

Balgimbekova Gulnara Ukibaevna - PhD, Director of the Research Institute of Legal Studies and State Studies, Professor of the Department of Constitutional and International Law of the Karaganda University named after Academician E.A. Buketov, Karaganda c., Republic of Kazakhstan e-mail: gbalgimbekova@mail.ru

Beissenbayeva Manshuk Toktarbekovna - candidate of Law, associate professor of the Department of "Law" of the Kazakh National Agrarian Research University. Almaty, Republic of Kazakhstan; e-mail: Manshuk.Beisenbaeva@mail.ru

Bogatyreva Lidya - Master of Laws, Head of the Department of Medical Law of the Kazakh National Medical University named after S.D. Asfendiyarov, Almaty, Kazakhstan, e-mail: lida110@inbox.ru

Khvedelidze Teimuraz – Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor of the Department of Jurisprudence, Faculty of History and Law, Abai KazNPU, Karaganda c., Republic of Kazakhstan, e-mail: khvedelidze_tima@mail.ru

Moldakhmetova Zhanar – Senior lecturer Department of Jurisprudence of the Faculty of History and Law of Abai KazNPU, Almaty, Kazakhstan, e-mail: moldaxmetova_Zh@mail.ru

Murat Saule - Master of Law, Doctoral student at the Baltic International Academy, Riga, Latvia. e-mail: ms147@mail.ru

Rakhimbayev Didarbek Kalibekovich - - Master of Law, Teacher of Legal Disciplines at Secondary School No. 99, Republic of Kazakhstan, Almaty, e-mail: didarbek1971@bk.ru

Rakhimova Gakku - Doctor PhD, Senior lecturer of the Faculty of History and Law of Abai KazNPU, Almaty, Kazakhstan, e-mail: gakku_almatycity@mail.ru

Sailibayeva Zhanel – Candidate of Law, associate professor of the Department of Jurisprudence of the Faculty of history and law of the Abai Kazakh National Pedagogical University. Almaty, Kazakhstan. e-mail: zh.sailibaeva@abaiuniversity.edu.kz

Starodubtsev Grigory Serafimovich - Doctor of Law, Professor, Lebedev Russian State University of Justice. e-mail: dexter77@list.ru

Sydygalieva Ainash Sagynovna - Candidate of Law, Associate Professor, Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin, Bishkek, Kyrgyz Republic, amina20080768@mail.ru

Zhanuzakova Leila Telmanovna - Doctor of Law, Professor, Deputy Director of the Research Institute of Law of Turan University, State Research Center of the Department of Constitutional, Administrative Legislation and Public Administration of the Institute of Law and Legal Information of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan, e-mail: zhanleila@mail.ru

**АБАЙ АТЫНДАҒЫ ҚАЗҰПУ ХАБАРШЫСЫ
«ЮРИСПРУДЕНЦИЯ» СЕРИЯСЫ**

Құрметті авторлар!

Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университетінің Тарих және құқық факультеті «Хабаршы/Вестник», Юриспруденция Сериясына 2025 ж. №4 шығарылымына заң ғылымдары бойынша ғылыми мақалаларды қарастырып, жариялауға қабылдайды.

Редакциялық алқа 2025 жылғы №3(81) бастап жариялауға ұсынылған мақалаларға қойылатын талаптарға өзгерістер мен толықтырулар енгізеді. Бұл жаңартылған талаптар «Ғылыми қызметтің нәтижелерін жариялау үшін ұсынылатын басылымдар тізбесіне қосу үшін ғылыми басылымдарға қойылатын талаптарды бекіту туралы» Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрінің 2016 жылғы 12 қаңтардағы №20 бұйрығына өзгерістер енгізу туралы «Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрінің 2024 жылғы 14 маусымдағы №295 бұйрығының» ережелерімен негізделген.

Журналдың тақырыптық бағыттары:

- Мемлекет пен құқықтың жалпы теориясы. Мемлекет және құқық тарихы.

- Конституциялық құқық. Әкімшілік құқық және процесс.

- Азаматтық құқық және процесс. Еңбек құқығы. Білім беру құқығы.

- Қылмыстық құқық және процесс. Криминология. Криминалистика.

Редакциялық алқа материалдардың мынадай түрлерін қарайды:

- ғылыми мақалалар;

- ғылыми форумдардың (халықаралық және республикалық конференциялар, дөңгелек үстелдер, ғылыми семинарлар) материалдары бойынша тақырыптық шолулар;

- ірі жарияланымдарға рецензиялар (монографиялар, оқулықтар, академиялық курстар);

- көрнекті отандық құқықтанушы ғалымдар мен практиктерге қатысты немесе олардың құқық теориясы мен тәжірибесінің өзекті мәселелері бойынша сұхбаттары;

- редакцияға хат және оларға жауаптар.

Журналда бұрын жарияланған мақалаларға сілтеме жасау қажет, Scopus және Web of Science базаларында индекстелген журналдарда жарияланған дереккөздерге сілтеме жасау құпталыады. Бір автор үшін өзіне-өзі сілтеме жасауға бір мақалада екі реттен артық емес жол беріледі.

Бір автор мақаланы бірлесіп жазған жағдайларды қоспағанда, бір нөмірде бірнеше мақала жариялай алмайды. Төрт адамнан аспайтын бірлескен авторлыққа рұқсат етіледі. Редакциялық алқа бір автордың (авторлар тобының) бір атаумен журналдың келесі үш санынан аспайтын мақалалар сериясын жариялауға келісім беруге құқылы.

Жариялауға қабылданған мақалаларға DOI (The Digital Object Identifier – ғылыми жарияланымның міндетті Халықаралық цифрлық идентификаторы) беріледі. Әр мақала анықтамалық мәліметтермен бірге жүреді: «Дәйексөз үшін».

Мақала оқылып, мұқият өңделуі керек (журнал әдеби редакциялауды жүзеге асырмайды), әйтпесе мақала қабылданбайды. Автордың келісімінсіз шағын техникалық редакциялау мүмкін. Редакциялық алқа мақаланы рецензенттердің ескертулері бойынша пысықтауға қайтаруға құқылы. Мерзімдері анық бұзылған ескертулер жойылған кезде редакциялық алқа жариялау мерзімдерін неғұрлым кеш мерзімге ауыстыруға құқылы.

Студенттердің, магистранттардың мақалалары ұсынылған жұмыстың мазмұны мен сапасына дербес жауапты болатын ғылыми жетекші туралы деректер көрсетілген жағдайда қабылданады.

Ұсынылған мақала бұрын өзге басылымда жарияланбауы тиіс. Атаулары, FХТАР және ЭОК зерттеудің бағыты мен мазмұнына, сондай-ақ Журналдың құрылымында таңдалған бағытқа сәйкес келуі тиіс. Жарияланатын мақаланың тақырыбы өзекті, мазмұны жаңашылдығымен ерекшеленуі, дәлелді авторлық қорытындыларды қамтуы тиіс, пайдаланылған әдебиеттер соңғы

5-7 жылда жарияланған дереккөздердің кемінде 50% -нан тұруы тиіс. Тарихи-құқықтық экскурсы бар жарияланымдар бұған жатпайды.

Ғылыми мақаланың құрылымы:

- атауы;
- аңдатпа;
- түйін сөздер;
- кіріспе;
- материалдар мен әдістер;
- нәтижелері және талқылау;
- қорытынды;
- қаржыландыру туралы ақпарат (бар болса);
- әдебиеттер тізімі.

Мақаланың атауы анық және қысқа болуы керек, оқырманды мазмұнға мүмкіндігінше дәл бағыттауы керек. Оқырман іздеуі мен таңдауына кедергі келтіретін белгілі бір бағдарларсыз аморфты атаулар алынып тасталады (мысалы, «... туралы заңнаманың кейбір мәселелері», «... мәселелері туралы сұраққа», «... туралы жеке жазбалар» және т.б.).

Аңдатпа мынадай құрылымға сәйкес келуі тиіс: жарияланымның түрін көрсету (мақала, шолу, ескерту, рецензия, редакцияға хат және оған жауап); зерттеудің мәні; зерттеудің пайдаланылған әдістері; неғұрлым маңызды нәтижелер мен олардың мәні.

Түйін сөздер: 5-7 сөз немесе сөз тіркестері - мәтінді іздеуді жеңілдету және жарияланымның пәндік саласын анықтау мақсатында таңдалады,

Кіріспе зерттеудің өзектілігін, мақсаты мен міндеттерін, таңдалған әдіснаманы, сондай-ақ өзінің зерттеуі мен шешімін талап ететін проблеманың қалыптасуына әкелген алғышарттарды қысқаша баяндауға арналған. Кіріспеде қалыптасқан проблемалық жағдайдың табиғатын түсіндіретін қысқаша тарихи-құқықтық экскурсияға жол беріледі. Кіріспенің көлемі екі беттен аспауы тиіс.

Материалдар мен әдістер пайдаланылған деректер көздерін (мақсатты зерттеулер нәтижелері бойынша ғылыми есептер, ресми статистика көздері, әлеуметтік сауалнама деректері, мұрағаттық материалдар, бағдарламалар, жобалар, тұжырымдамалар, нормативтік және баяндау көздері, ҚР Конституциялық Сотының (Кеңесінің) және ҚР Жоғарғы Сотының нормативтік қаулылары, қолжазба ескерткіштері және т.б.) көрсетуі тиіс. Зерттеу әдістері әдіснамаға сәйкес келуі, оларды таңдау мақсаты мен зерттелетін және шешілетін проблемаларға сәйкестік дәрежесі көрсетілуі қажет.

Нәтижелер мен талқылау (қажет болған жағдайда нәтижелер дербес құрылымдық құрамдас ретінде талқылаудан бөлек ұсынылуы мүмкін) зерттеу барысын баяндауға, дәлелдеу базасын құруға, ұсынылатын болжамдарды негіздеуге және дәлелдеуге, проблеманың мәніне әртүрлі көзқарастардың дау себептерін түсіндіруге, осы мәселе бойынша өз ұстанымын қорғауға арналған.

Қорытындыда ғылыми проблеманы шешудің мәні мен ұсынылып отырған шешімді тәжірибеде қолдану мүмкіндігінің саласы дәйекті және қысқаша баяндалуы тиіс.

Қаржыландыру туралы ақпарат. Егер жарияланымды дайындау кезінде мемлекеттік грант, шетелдік немесе отандық әріптестік, қоғамдық қор және т.б. негізінде қаржылық қолдау көрсетілген жағдайда қаржыландыру туралы ақпарат орналастырылады.

Әдебиеттер тізімі тек баяндау сипатындағы қайнар көздерден тұрады. Нормативтік-құқықтық актілерге (заңдарға, халықаралық шарттарға, конвенцияларға, пактілерге, мемлекеттік бағдарламаларға, ведомстволық актілерге, мемлекеттік тұжырымдамаларға, үкіметтік қаулыларға, Бас Прокурордың актілеріне, Қазақстан Республикасы Конституциялық Сотының (Кеңесінің) және Жоғарғы Сотының нормативтік қаулыларына, мұрағаттарға) сілтемелер парақшада келтіріледі және әдебиеттердің жалпы тізіміне енгізілмейді.

Барлық мақалалар журнал сайты арқылы қабылданады. Сайтта тіркелу арқылы мақаланы жариялауға өтінімді жүктей аласыз:

<https://bulletin-jurisprudence-kaznpu.kz/index.php/home>

Тапсырыс нысаны:

№	Автор туралы мәлімет	
1	Аты-жөні (толық) + фото: 70x95	
2	ИИН (төлем жасау үшін)	
3	Ғылыми дәрежесі	
4	Ғылыми атағы	
5	Жұмыс орны	
6	Қызметі	
7	Индексі көрсетілген поштаның мекен-жайы (журнал жіберу үшін)	
8	Электрондық пошта адресі, байланыс телефондары	

Мақалаларды жариялауға қабылдау үшін ұсыну тәртібі:

Бірінші қадам: мақаланың мәтіні Журналдың сайтындағы жеке кабинетке жүктеледі.

Екінші қадам: мақала мәтіні толық көлемде PDF пішімінде плагиаттың бар-жоғын тексеру үшін жүктеледі.

Үшінші қадам: рецензиялау үшін мақала аты-жөні көрсетілмей және MS Word пішіміндегі аффилиациясыз жүктеледі.

Төртінші қадам: мақала мақұлданғаннан және оны жариялауға қабылдағаннан кейін корреспонденттік авторға төлем жасау үшін хабарлама және банк шотының деректемелері жіберілетін болады.

Мақалаларды ресімдеуге қойылатын талаптар

- жоғарғы сол жақ бұрышында бас әріптермен - ЭОЖ, ХҒТАР (Халықаралық ғылыми-техникалық ақпарат рубрикаторы);

- ортада мақала атауы арқылы БАС ӘРІПТЕРМЕН (жартылай қалың қаріппен - үш тілде: мақала тілінде, орыс, ағылшын);

- автордың ТАӘ жолы, ғылыми дәрежесі, ғылыми атағы, жұмыс орны арқылы - 6 символдық шегініспен сол жақ шетімен түзету;

- бір жолдан кейін аңдатпа (көлемі - 120 сөзден кем емес және 300 сөзден артық емес);

- бір жолдан кейін түйін сөздер (5-7 сөзден немесе сөз тіркестерінен артық емес);

- аңдатпа және түйінді сөздер - үш тілде: мақала тілінде, орыс және ағылшын тілдерінде;

- бір жолдан кейін - мәтін;

- әдебиеттер тізімі (тек баяндау дереккөздер үшін) - қаріп-курсив.

- Мақаланың көлемі - аңдатпаны, түйін сөздерді және әдебиеттер тізімін есептемегенде 12 беттен аспайды (ең аз көлемі - 5 бет). Ерекше жағдайларда көлем 15-17 бетке дейін ұлғайтылуы мүмкін.

- Мәтін Word 97-2003 редакторында теріледі.

- Times New Roman қарпі.

- Кегль - 14.

- Жоларалық интервал - 1,0.

- Поля: 20x20x20x20 (мм).

- Әдебиетке сілтемелер: дәйексөз ретімен төрт бұрышты жақшада: [1, 57 б.] - «1» - дәйексөз көзінің реттік нөмірі, «57-бет» - бетті және оның нөмірін көрсету.

- Нормативтік құқықтық актілерге және баяндау дереккөздерге жатпайтын өзге де дереккөздерге сілтемелер символдар жүйесі арқылы реттік нөмірін белгілей отырып, кіші жолақта (кегл - 10) беріледі (мысалы: мәтінде – «Мемлекеттік бағдарлама туралы» ҚР Үкіметінің қаулысы «... № ...¹»; «Мемлекеттік бағдарлама туралы»¹... - Қазақстан Республикасы Үкіметінің № ...//https:// ...).

Әдебиеттің қосымша қосымша тізімдері роман әліпбиінде ресімделеді (References); сайтта орыс тілін латын әліпбиіне транслитерациялау бағдарламасын пайдалану ұсынылады <http://translit.ru>.

Көлемі 10 беттен аспайтын жарияланым құны - 5 000,00 теңге (пошта шығыстарын есептемегенде).

Мақаланы ресімдеу үлгісі

ХҒТАР: 10.79.01.

ӘОЖ: 343.1

Т.Б. Хведелидзе¹ , Э.П. Кенжибекова^{1*}

¹Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті
(e-mail: khvedelidze_tima@mail.ru, *danaestai@mail.ru)

ҚЫЛМЫСТЫҚ ІСТЕР БОЙЫНША СОТ САРАПТАМАСЫ ОБЪЕКТІЛЕРІ РЕТІНДЕ ЦИФРЛЫҚ ТЕХНОЛОГИЯЛАРДЫ ЗАҢСЫЗ МАНИПУЛЯЦИЯЛАУ

Аңдатпа

Қазақстанда цифрлық технологияларды енгізудің бірден бір дәлелі болып 2017-2022 жылдар аралығына бағытталған 2017 жыл 12 желтоқсанындағы «Цифрлы Қазақстан» Мемлекеттік бағдарламасын жүзеге асыру табылады... (120 сөзден кем емес және 300 сөзден артық емес)

Түйін сөздер: (5-7 сөз немесе сөз тіркестері) қылмыстық істер бойынша дәлелдеу, ақпараттық-байланыс технологиялар, сот сараптамасы, арнайы ғылыми білімдер, киберқауіпсіздік, мәліметтер базасына рұқсатсыз қол жеткізу.

Хведелидзе Т.Б. ¹, Кенжибекова Э.П. ¹

¹Казахский национальный педагогический университет имени Абая

НЕПРАВОМЕРНЫЕ МАНИПУЛЯЦИИ ЦИФРОВЫМИ ТЕХНОЛОГИЯМИ КАК ОБЪЕКТЫ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Аннотация

Внедрение в Казахстане цифровых технологий является одним из результатов реализации Государственной программы «Цифровой Казахстан» от 12 декабря 2017 года, рассчитанной на период 2017-2022 гг.... (не менее 120 и не более 300 слов)

Ключевые слова: (5-7 слов или словосочетаний) доказывание по уголовным делам, информационно-коммуникационные технологии, судебная экспертиза, специальные научные знания, кибербезопасность, несанкционированный доступ к базам данных.

T.B. Khvedelidze¹, E.P. Kenzhebekova¹

¹Abai Kazakh National Pedagogical University

UNLAWFUL MANIPULATION OF DIGITAL TECHNOLOGIES AS OBJECTS OF FORENSIC EXPERTISE IN CRIMINAL CASES

Abstract

The introduction of digital technologies in Kazakhstan is one of the results of the implementation of the State Programme 'Digital Kazakhstan' dated 12 December 2017, designed for the period 2017-2022... (not less than 120 and not more than 300 words)

Key words: (5-7 words or collocations) evidence in criminal cases, information and communication technologies, forensic expertise, special scientific knowledge, cyber security, unauthorised access to databases.

Kіріспе

Цифрлық трансформацияның, ақпараттық-коммуникациялық технологиялар саласын дамытудың 2023-2029 жылдарға арналған тұжырымдамасы Қазақстан Республикасының 2025 жылға дейінгі Ұлттық даму жоспарында көзделген құжат болды....

Материалдар мен әдістер

Авторлар ресми статистиканың деректерін, қаралып отырған проблемаға тікелей қатысы бар нормативтік құқықтық актілердің, үкіметтік құжаттардың мәтіндерін пайдаланды. Зерттеудің негізгі әдіснамасы ретінде дамуда, серпінде ғылыми және қолданбалы проблеманы қарастыруға мүмкіндік беретін диалектикалық тәсіл таңдалды. Аталған әдіснама шегінде құқықтық зерттеулер саласында дәстүрлі әдістер қолданылды: логикалық-құқықтық талдау, салыстырмалы құқықтану, баянды деректерді сыни талдау.

Нәтижелер және талқылау

Қазақстан цифрлық технологияларды құру, қоғамдық қатынастардың орасан зор спектрін компьютерлендіру ісінде жоғары нәтижелерге қол жеткізді. Бұл туралы елдің осы бағыттағы жетістіктерін сипаттайтын ресми құжаттар көрсетеді. Айталық, 2022 жылғы жағдай бойынша Қазақстанда АКТ саласында 10 989 IT-компания жұмыс істеген [1].

Қорытынды

1. Әлеуметтік практикаға жаппай енгізу жағдайында ақпараттық-коммуникациялық технологияларға заңсыз қол жеткізу қаупінің дәрежесі тұрақты өсу үрдісіне ие....

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1 Борчаишвили И. Ш. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан / Под общей редакцией А.К.Дәулбаева. В двух томах. Особенная часть (том 2). – Алматы: Жеті Жарғы, 2015. – 1120 с.

2 Toleubekova B., Khvedelidze T. Signs of Emergens of new Corruption Zones Risks Associated with Manipulation of Digital Technologies in Higher Education Institutions // Znanstvena Misel, Slovenia, Ljubljana, Vol. 2, N 63, 2022. Pp. 37-40.

3 Руденкова Ю.С., Хазиев Ш.Н., Усов А.И. Искусственный интеллект и судебная компьютерно-техническая экспертиза [Электрон. ресурс]. – 2024. – URL: <https://ekspertiza-reshenie.ru/articles/iskusstvennyy-intellekt-i-sudebnaya-kompyuterno-tehnicheskaya-ekspertiza/> (дата обращения: 16.11.2024.).

References:

1 Borchashvili I. Sh. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Respubliki Kazahstan / Pod obshhej redakciej A.K.Daulbaeva. V dvuh tomah. Osobennaja chast' (tom 2). – Almaty: Zheti Zharzy, 2015. – 1120 s.

2 Toleubekova B., Khvedelidze T. Signs of Emergens of new Corruption Zones Risks Associated with Manipulation of Digital Technologies in Higher Education Institutions // Znanstvena Misel, Slovenia, Ljubljana, Vol. 2, N 63, 2022. Pp. 37-40.

3 Rudenkova Ju.S., Haziev Sh.N., Usov A.I. Iskusstvennyj intellekt i sudebnaja komp'yuterno-tehnicheskaja jekspertiza [Elektron. resurs]. – 2024. – URL: <https://ekspertiza-reshenie.ru/articles/iskusstvennyy-intellekt-i-sudebnaya-kompyuterno-tehnicheskaya-ekspertiza/> (data obrashhenija: 16.11.2024.).

ВЕСТНИК КазНПУ ИМ. АБАЯ
СЕРИЯ «ЮРИСПРУДЕНЦИЯ»

Уважаемые авторы!

Факультет истории и права НАО «Казахский национальный педагогический университет имени Абая» принимает к рассмотрению и опубликованию научные статьи по юридическим наукам в №4, 2025 года издания «Хабаршы / Вестник», Серия «Юриспруденция».

Начиная с №3 (81) 2025 г. редакционная коллегия вносит изменения и дополнения в требования, предъявляемые к статьям, представленным для опубликования. Эти обновленные требования обусловлены положениями приказа Министра науки и высшего образования Республики Казахстан от 14 июня 2024 года №295 «О внесении изменений в приказ Министра образования и науки Республики Казахстан от 12 января 2016 года №20 «Об утверждении требований к научным изданиям для включения их в перечень изданий, рекомендуемых для публикации результатов научной деятельности».

Тематические направления журнала:

- Общая теория государства и права;
- Конституционное право. Административное право и процесс;
- Гражданское право и процесс. Трудовое право. Образовательное право;
- Уголовное право и процесс. Криминология. Криминалистика.

Редакционная коллегия рассматривает следующие виды материалов:

- научные статьи;
- тематические обзоры по материалам научных форумов (международных и республиканских конференций, круглых столов, научных семинаров);
- рецензии на крупные публикации (монографии, учебники, академические курсы);
- персоналии в отношении выдающихся отечественных ученых-правоведов и практиков или их интервью по актуальным вопросам теории и практики права;
- письма в редакцию и ответы на них.

Поощряется цитирование статей, ранее опубликованных в Журнале, приветствуется цитирование источников, опубликованных в журналах, индексируемых в базе Scopus и Web of Science. Самоцитирование для одного автора допускается не более двух раз в одной статье.

Один автор не может публиковать более одной статьи в одном номере, за исключением случаев представления статьи в соавторстве. Разрешается соавторство не более четырех человек. Редколлегия вправе дать согласие на опубликование серии статей одного автора (группы авторов) под одним названием не более, чем в трех следующих друг за другом номерах Журнала.

Статьям, принятым к опубликованию, присваивается DOI (The Digital Object Identifier – обязательный международный цифровой идентификатор научной публикации). Каждая статья сопровождается справочными данными: «Для цитирования».

Статья должна быть вычитана и тщательно отредактирована (журнал не осуществляет литературного редактирования), в противном случае статья подлежит отклонению. Возможно небольшое техническое редактирование без согласования с автором. Редколлегия вправе вернуть статью на доработку по замечаниям рецензентов. При устранении замечаний с явным нарушением сроков редколлегия вправе перенести сроки опубликования на более поздние.

Статьи студентов, магистрантов принимаются при условии указания данных о научном руководителе, который несет персональную ответственность за содержание и качество представленной работы.

Представленная статья не должна быть ранее опубликована в ином издании. Название, МРНТИ и УДК должны соответствовать направлению и содержанию исследования, а также избранному направлению в структуре Журнала. Тематика публикуемой статьи должна быть актуальной, содержание отличаться новизной, включать аргументированные авторские выводы,

использованная литература должна состоять не менее чем на 50% из источников, опубликованных за последние 5-7 лет. Исключение составляют публикации, содержащие историко-правовой экскурс.

Структура научной статьи включает:

- название;
- аннотацию;
- ключевые слова;
- введение;
- материалы и методы;
- результаты и обсуждение;
- заключение;
- информацию о финансировании (при наличии);
- список литературы.

Название публикации должно быть четким и лаконичным, максимально точно ориентирующим читателя на содержание. Исключаются аморфные названия без определенных ориентиров, препятствующих читательскому поиску и выбору (например, «Некоторые вопросы законодательства о ...», «К вопросу о проблемах ...», «Отдельные заметки по поводу ...» и т.п.).

Аннотация должна соответствовать следующей структуре: указание на тип публикации (статья, обзор, заметка, рецензия, письмо в редакцию и ответ на него); суть исследования; использованные методы исследования; наиболее важные результаты и их значение.

Ключевые слова: 5 - 7 слов или словосочетаний - подбираются с целью облегчения поиска текста и определения предметной области публикации,

Введение предназначено для краткого изложения актуальности, цели и задач исследования, избранной методологии, а также предпосылок, которые повлекли формирование проблемы, требующей своего исследования и разрешения. Во введении допускается краткий историко-правовой экскурс, объясняющий природу создавшейся проблемной ситуации. Объем введения не должен превышать двух страниц.

Материалы и методы должны отражать источники использованных данных (научные отчеты по результатам целевых исследований, официальные источники статистики, данные социальных опросов, архивные материалы, программы, проекты, концепции, нормативные и нарративные источники, нормативные постановления Конституционного Суда (Совета) РК и Верховного Суда РК, рукописные памятники и т. п.). Методы исследования должны соответствовать методологии, перечислены с указанием цели их выбора и степени соответствия исследуемым и решаемым проблемам.

Результаты и обсуждение (при необходимости результаты могут быть представлены отдельно от обсуждения как самостоятельные структурные составляющие) предназначены для изложения хода исследования, выстраивания аргументационной базы, обоснования и доказывания выдвигаемых гипотез, объяснения причин спорности разных точек зрения на сущность проблемы, отстаивание собственной позиции по данному вопросу.

Заключение должно содержать последовательное и краткое изложение сущности решения научной проблемы и области возможного практического применения предлагаемого решения.

Информация о финансировании размещается в том случае, если при подготовке публикации была оказана финансовая поддержка на основании государственного гранта, зарубежного или отечественного партнерства, общественного фонда и т.д.

Список литературы состоит только из источников нарративного характера. Ссылки на нормативно-правовые акты (законы, международные договоры, конвенции, пакты, государственные программы, ведомственные акты, государственные концепции, правительственные постановления, акты Генерального Прокурора, нормативные постановления Конституционного Суда (Совета) и Верховного Суда РК, архивы) приводятся постранично в подстрочнике и в общий список литературы не включаются.

Все статьи принимаются через сайт журнала. Вы можете загрузить заявку на публикацию статьи через регистрацию на сайте:

<https://bulletin-jurisprudence-kaznpu.kz/index.php/home>

Форма заявки:

№	Сведения об авторе	
1	Ф.И.О. полностью + фото: 70x95	
2	ИИН (для оформления счета на оплату)	
3	Ученая степень	
4	Ученое звание	
5	Место работы	
6	Занимаемая должность	
7	Почтовый адрес с указанием индекса (для пересылки журнала)	
8	Адрес электронной почты, контактный телефон	

Порядок представления статей для приема к публикации

Шаг первый: текст статьи загружается в личном кабинете на сайте Журнала.

Шаг второй: текст статьи в полном объеме в формате PDF загружается для проверки на наличие заимствований.

Шаг третий: для рецензирования статья загружается без указания ФИО и аффилиации в формате MS Word.

Шаг четвертый: после одобрения статьи и ее приема к публикации корреспондирующему автору будут высланы уведомление и реквизиты банковского счета для оплаты.

Требования к оформлению статей

- в левом верхнем углу прописными буквами – УДК, МРНТИ (Международный рубрикатор научно-технической информации);

- через строку название статьи по центру ПРОПИСНЫМИ БУКВАМИ (полужирным шрифтом – на трех языках: языке статьи, русском, английском);

- через строку ФИО автора, ученая степень, ученое звание, место работы – выравнивание по левому краю с отступом в 6 символов;

- через строку аннотация (объем – не менее 120 и не более 300 слов);

- через строку ключевые слова (не более 5-7 слов или словосочетаний);

- аннотация и ключевые слова – на трех языках: языке статьи, русском и английском;

- через строку - текст;

- через строку список литературы (только для нарративных источников) – шрифт-курсив.

- Объем статьи – не более 12 страниц без учета аннотации, ключевых слов и списка литературы (минимальный объем – 5 страниц). В исключительных случаях объем может быть увеличен до 15-17 страниц.

- Текст набирается в редакторе Word 97-2003.

- Шрифт Times New Roman.

- Кегль – 14.

- Межстрочный интервал – 1,0.

- Поля: 20x20x20x20 (мм).

- Ссылки на литературу: последовательно в порядке цитирования в квадратных скобках: [1, с. 57] – «1» - порядковый номер источника цитирования, «с. 57» - указание на страницу и ее номер.

- Ссылки на нормативные правовые акты и иные источники, не относящиеся к нарративным источникам, даются в подстрочнике (кегль – 10) с обозначением порядкового номера через систему символов (например: в тексте – «постановление Правительства РК «О государственной программе ...» от ... № ...¹»; в подстрочнике – ¹ О государственной программе... - утверждено постановлением Правительства РК от ... № ...//[https:// ...](https://...)).

Пристатейные списки литературы оформляются в романском алфавите (References); рекомендуется использование программы транслитерации русского языка в латиницу на сайте <http://translit.ru>.

Стоимость публикации объемом не более 10 страниц – 5 000,00 тенге (без учета почтовых расходов).

Образец оформления статьи

МРНТИ 10.79.01.

УДК 343.1

Т.Б. Хведелидзе ¹ , Э.П. Кенжибекова ^{1*}

¹Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті
(e-mail: khvedelidze_tima@mail.ru, *danaestai@mail.ru)

ҚЫЛМЫСТЫҚ ІСТЕР БОЙЫНША СОТ САРАПТАМАСЫ ОБЪЕКТІЛЕРІ РЕТІНДЕ ЦИФРЛЫҚ ТЕХНОЛОГИЯЛАРДЫ ЗАҢСЫЗ МАНИПУЛЯЦИЯЛАУ

Аңдатпа

Қазақстанда цифрлық технологияларды енгізудің бірден бір дәлелі болып 2017-2022 жылдар аралығына бағытталған 2017 жыл 12 желтоқсанындағы «Цифрлы Қазақстан» Мемлекеттік бағдарламасын жүзеге асыру табылады... (көлемі - 120 сөзден кем емес және 300 сөзден артық емес)

Түйін сөздер: (5-7 сөз немесе сөз тіркестері) қылмыстық істер бойынша дәлелдеу, ақпараттық-байланыс технологиялар, сот сараптамасы, арнайы ғылыми білімдер, киберқауіп-сіздік, мәліметтер базасына рұқсатсыз қол жеткізу.

Хведелидзе Т.Б. ¹, Кенжибекова Э.П. ¹

¹Казахский национальный педагогический университет имени Абая

НЕПРАВОМЕРНЫЕ МАНИПУЛЯЦИИ ЦИФРОВЫМИ ТЕХНОЛОГИЯМИ КАК ОБЪЕКТЫ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Аннотация

Внедрение в Казахстане цифровых технологий является одним из результатов реализации Государственной программы «Цифровой Казахстан» от 12 декабря 2017 года, рассчитанной на период 2017-2022 гг.... (не менее 120 и не более 300 слов)

Ключевые слова: (5-7 слов или словосочетаний) доказывание по уголовным делам, информационно-коммуникационные технологии, судебная экспертиза, специальные научные знания, кибербезопасность, несанкционированный доступ к базам данных.

T.B. Khvedelidze¹, E.P. Kenzhebekova¹

¹Abai Kazakh National Pedagogical University

UNLAWFUL MANIPULATION OF DIGITAL TECHNOLOGIES AS OBJECTS OF FORENSIC EXPERTISE IN CRIMINAL CASES

Abstract

The introduction of digital technologies in Kazakhstan is one of the results of the implementation of the State Programme 'Digital Kazakhstan' dated 12 December 2017, designed for the period 2017-2022... (not less than 120 and not more than 300 words)

Key words: (5-7 words or collocations) evidence in criminal cases, information and communication technologies, forensic expertise, special scientific knowledge, cyber security, unauthorised access to databases.

Введение

Принятая Концепция цифровой трансформации, развития отрасли информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности на 2023-2029 годы была документом, предусмотренным Национальным планом развития Республики Казахстан до 2025 года

Материалы и методы

Авторами использованы данные официальной статистики, тексты нормативных правовых актов, правительственных документов, имеющих непосредственное отношение к рассматриваемой проблеме. В качестве основной методологии исследования избран диалектический подход, который позволяет рассматривать научную и прикладную проблему в динамике, в развитии. В пределах названной методологии применены традиционные методы в области правовых исследований: логико-правовой анализ, сравнительное правоведение, критический анализ нарративных источников.

Результаты и обсуждение

Казахстан достиг высоких результатов в деле создания цифровых технологий, компьютеризации огромного спектра общественных отношений. Об этом говорят официальные документы, описывающие достижения страны в этом направлении. Так, утверждается, что по состоянию на 2022 год в Казахстане в области ИКТ функционировало 10 989 IT-компаний [1].

Заключение

1. В условиях повсеместного внедрения в социальную практику цифровых технологий степень угроз неправомерного доступа к информационно-коммуникационным технологиям обладает устойчивой тенденцией роста. . . .

Список использованной литературы:

1 Борчасвили И. Ш. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан / Под общей редакцией А.К.Даулбаева. В двух томах. Особенная часть (том 2). – Алматы: Жеті Жарғы, 2015. – 1120 с.

2 Toleubekova B., Khvedelidze T. Signs of Emergens of new Corruption Zones Risks Associated with Manipulation of Digital Technologies in Higher Education Institutions // Znanstvena Misel, Slovenia, Ljubljana, Vol. 2, N 63, 2022. Pp. 37-40.

3 Руденкова Ю.С., Хазиев Ш.Н., Усов А.И. Искусственный интеллект и судебная компьютерно-техническая экспертиза [Электрон. ресурс]. – 2024. – URL: <https://ekspertiza-reshenie.ru/articles/iskusstvennyy-intellekt-i-sudebnaya-kompyuterno-tehnicheskaya-ekspertiza/> (дата обращения: 16.11.2024.).

References:

1 Borchashvili I. Sh. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Respubliki Kazahstan / Pod obshhej redakciej A.K.Daulbaeva. V dvuh tomah. Osobennaja chast' (tom 2). – Almaty: Zheti Zhargy, 2015. – 1120 s.

2 Toleubekova B., Khvedelidze T. Signs of Emergens of new Corruption Zones Risks Associated with Manipulation of Digital Technologies in Higher Education Institutions // Znanstvena Misel, Slovenia, Ljubljana, Vol. 2, N 63, 2022. Pp. 37-40.

3 Rudenkova Ju.S., Haziev Sh.N., Usov A.I. Iskusstvennyj intellekt i sudebnaja komp'juterno-tehnicheskaja jekspertiza [Jelektron. resurs]. – 2024. – URL: <https://ekspertiza-reshenie.ru/articles/iskusstvennyy-intellekt-i-sudebnaya-kompyuterno-tehnicheskaya-ekspertiza/> (data obrashhenija: 16.11.2024.).